

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy
3(6), 2016

Oikonomos European Research Association
Vilnius, Lithuania, 2016

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy (Lithuania)
3(6), 2016

“OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy” – научный рецензируемый журнал, зарегистрированный в Литовской Республике. В журнале публикуются исследования по экономике и смежным дисциплинам. Основными тематическими направлениями журнала являются: история и теория концепции ордолиберализма и социального рыночного хозяйства, христианская социально-экономическая мысль, современное экономическое развитие стран Восточной Европы и постсоветского пространства, теория и практика корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства.

**Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Договор № 721-11/2015 от 12.11.2015.**

Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722

Журнал основан и издается
Европейской исследовательской ассоциацией “Oikonomos”
(LT-08221 Kalvarijų g. 125, Vilnius, Lithuania)
Web: era-oikonomos.org

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Константин Голубев (главный редактор) – доктор экономических наук, кандидат богословия, профессор Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь);

Юлия Чайковская (выпускающий редактор) – кандидат экономических наук (Минск, Беларусь);

Сергей Лукин – доктор экономических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь);

Ромас Лазутка (Romas Lazutka) – доктор экономических наук, профессор Вильнюсского университета (Литва);

Петр Пыш (Piotr Pysz) – доктор экономических наук, профессор Высшей школы финансов и управления в Белостоке (Польша), Колледжа бизнеса и технологий (Фехта, Германия);

Михаил Румянцев – доктор экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);

Данила Расков – кандидат экономических наук, доцент Факультета свободных искусств и наук (Смольный институт) Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);

Михал Мошински (Michał Moszynski) – PhD in Economics, Университет Николая Коперника в Торуня (Польша);

Вольфганг Зендер (Wolfgang Sender) – PhD in Political Science, директор Белорусского представительства Фонда им. Конрада Аденауэра (Вильнюс, Литва).

ПЕРЕВОД: Светлана Носова
ISSN 2351-616X

Решение о публикации присланных статей принимается Редакционным советом на основании научной ценности статьи, ее соответствия тематическому профилю журнала и положительной рецензии.

© OIKONOMOS

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy (Lithuania)
3(6), 2015

“OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy” is a scientific journal with peer reviews, registered in the Republic of Lithuania. The Journal publishes research articles on economics and related spheres. The main areas for publication are: history and theory of ordoliberalism and social market economy, Christian social and economic teaching, contemporary economic development of Eastern European and post-Soviet countries, theory and practice of corporate social responsibility and social entrepreneurship.

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RISC). Contract № 721-11/ 2015 from 11.12.2015.

Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722

The Journal was founded and is published by the
“Oikonomos European Research Association”
(LT-08221 Kalvarijų g. 125, Vilnius, Lithuania)
Web: era-oikonomos.org

EDITORIAL BOARD

Konstantin Golubev (Editor in Chief) – Doctor of Economics, Candidate of Theology, Professor of Belarus State Economic University (Minsk, Belarus);

Yuliya Chaikouskaya (Executive Editor) – Candidate of Economics (Minsk, Belarus);

Siarhei Lukin – Doctor of Economics, Professor of Belarusian State University (Minsk, Belarus);

Romas Lazutka – Doctor of Economics, Professor of Vilnius University (Lithuania);

Piotr Pysz – Doctor of Economics, Professor of University of Finance and Management in Białystok, (Poland), College of Business and Technology (Vechta, Germany);

Mikhail Rumiantsev – Doctor of Economics, Associate Professor of Saint-Petersburg State University (Russia);

Danila Raskov – PhD in Economics, Associate Professor of Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College) of Saint-Petersburg State University (Russia);

Michał Moszynski – PhD in Economics, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland).

Wolfgang Sender – PhD in Political Science, Resident Country Director of Konrad Adenauer Foundation for Belarus (Vilnius, Lithuania).

TRANSLATION: Sviatlana Nosava

ISSN 2351-6178

Publication decisions are made by the Editorial Board and are based on the article's scientific value, its relevance to the Journal's mission, and positive peer reviews.

© OIKONOMOS

СОДЕРЖАНИЕ

Теория ордолиберализма и современное общество

Elżbieta Mączyńska, Piotr Pysz

The social market economy and its contemporary relevance 6

Институциональные основы социально-экономического развития

Петр Лемещенко

Институт идеологии в экономике 17

Александр Канаев, Ольга Канаева

Устойчивый банкинг: AD OVO 39

Христианская социально-экономическая мысль

Сергей Лукин

Основные аспекты современного христианского понимания социальной защиты и социальной ответственности 56

Константин Голубев

Позиционирование идеи «интегральной экологии» в социально-экономическом учении Папы Римского Франциска 66

Экономические аспекты развития Республики Беларусь

Галина Турбан

Международные грузоперевозки и свобода транзита
Европейский союз – Евразийский экономический союз –
Китай 73

Ольга Авдей, Юлия Чайковская

Минимизация экспортных рисков путем страхования в
системе мер стимулирования белорусского экспорта 89

CONTENTS

Theory of Ordoliberalism and Modern Society

Elżbieta Mączyńska, Piotr Pysz

The social market economy and its contemporary relevance 6

Institutional Framework of Social and Economic Development

Piotr Liameschanka

The concept of ideology in the economy:

Historical theoretical context 17

Alexander Kanaev, Olga Kanaeva

Sustainable Banking: AD OVO 39

Christian Social and Economic Thought

Siarhei Lukin

Key aspects of contemporary christian understanding of social

protection and social responsibility 56

Konstantin Golubev

Positioning of the integral ecology idea in socio-economic

teaching of Pope Francis 66

Economic Aspects of Development of the Republic of Belarus

Galina Turban

International transportation and freedom of “European Union –

Eurasian economic union – China” transit 73

Volha Audzei, Yuliya Chaikouskaya

Export risk minimisation by means of insurance in belarusian

export incentives 89

ELŻBIETA MAĆZYŃSKA, PIOTR PYSZ

THE SOCIAL MARKET ECONOMY AND ITS CONTEMPORARY RELEVANCE

Impressions on H. F. Wünsche's book
"Ludwig Erhard's Social Market Economy:
Scientific Foundations and Political Misinterpretations"

Abstract. The article is a scientific commentary to the book Horst Wunsche devoted to the relevance of the social market economy (SME) in the contemporary world. Amongst others, it is necessary to prevent the erosion of competition, a prerequisite of the market economy, also by the adoption of international measures to rein in the all-powerful global players. Given the scale of dysfunctions of contemporary capitalism, efforts should also be undertaken to restore the socioeconomic order, which in fact lies at the core of the SME.

Keywords: social, market, economy, relevance, competition, order, misinterpretations.

UDC 330.837.1

Elżbieta Maćzyńska (info@sgh.waw.pl), Professor, Polish Academy of Sciences, the Warsaw School of Economics. Warsaw School of Economics, al. Niepodległości 162, 02-554, Warsaw, Poland. +48 22 564 60 00;

Piotr Pysz (pyszpiotr@gmail.com), Professor of the Higher School of Finance and Management in Białystok (Poland), the College of Business and Technology (Vechta, Germany). Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania w Białymstoku, ul. Ciepła 40, 15-472 Białystok, Poland. +48 695 719 710

Introduction

Horst Friedrich Wünsche's book deals with the social market economy (SME), which was largely developed, both in theory and practice, by Ludwig Erhard, the long-standing West German Minister of Economy, Vice-Chancellor, and Chancellor in the years 1948–1966. Wünsche, who served as assistant to Friedrich August von Hayek at the University of Freiburg, then as personal secretary to Erhard in the years 1973–1977, and finally as Managing Director of the Ludwig Erhard Foundation in Bonn, is a highly appreciated expert on the subject in German-speaking countries. The book in question is his opus magnum, in which he presents the "invariable and timeless conceptual core of Erhard's social market economy" (Wünsche 2015, p. 115). According to Wünsche, this socioeconomic system may be useful in addressing many of the complex problems besetting the modern world. To forgo it would be a fundamental mistake that we cannot afford under any circumstances as today economics faces the revolutionary task of changing its prevalent paradigm. As mainstream methodology strives for mathematical perfection with a focus on developing algebraic models

(termed by John Kenneth Galbraith “technical escape from reality,” 2011, p. 262), it seems necessary to depart from such “mathematical economics” and move towards “social economics.” While the value of mathematical and econometric modeling is unquestionable, it should be remembered that models are merely tools that must not replace qualitative analysis.

In the years 1948–1966 in post-war West Germany the SME paradigm served as the foundation for socioeconomic policymaking under the then Minister of Economy Ludwig Erhard, leading to extremely impressive results commonly praised as an “economic miracle.” As it can be seen, the SME is not a new concept, and indeed, the question arises as to what makes preoccupation with a system developed many decades ago worthwhile. Is it still relevant? Could the theories of Erhard and his academic teachers provide a conceptual framework for solving problems facing socioeconomic policymakers across the globe in the second decade of the 21st century? These, and many other important issues, are tackled in Wünsche book.

It should also be noted that, as it was pointed out in a previous publication (Ordoliberalism..., 2013), the views of great thinkers concerning the fundamental problems of the functioning and development of societies and economies are not only quite immune to obsolescence, but they are often surprisingly long-lived, or indeed prophetic.

Historical background and characterization of the SME concept

A presentation of the SME concept first and foremost requires an overview of the historical background in which it emerged. The tendency to associate the market economy with the variously interpreted adjective “social” arose in German-speaking countries as early as at the turn of the 20th century. At the core of the relationship between the two notions was the belief, deeply rooted in the historical school of economics, that the subsystem of the market economy is neither highly nor completely independent of the other subsystems of society as a whole. Just on the contrary, the economy was often interpreted as an autonomous but integral element of society. “In contrast to contemporary economic theory, the historical school prioritized the social implications of economic activity, and from the standpoint of policymaking, the issue of achieving and sustaining social peace in prospering and changing societies. . . . The historical school considered economic activity a process that is embedded within a state-imposed order and takes place pursuant to law and customs. . . . In the mid-19th century the historical school replaced the Manchester liberalism paradigm with one rooted in psychology and ethics.” (Wünsche 2015, pp. 136–137). In the context of the historical school of note is the 1896 publication of the German translation of “Prosperity for All” (“Der Wohlstand für alle”) by the theorist of anarchism Peter Kropotkin (Kropotkin’s book was released in Paris under the French title “La Conquête du Pain” several years previously). Werner Sombart, leading representative of the younger historical school, coined the notion of “social capitalism” in his three-volume work “Modern Capitalism” (“Der Moderne Kapitalismus”) published in the years 1916–1927 (Sombart 1927). It was also at approximately that time that Gustav Cassel wrote “Theoretical Socioeconomics” (“Die theoretische Sozialökonomie”), which gained considerable recognition in German-speaking countries (Cassel 1921). The term “social market economy” (“Soziale Marktwirtschaft”) was first introduced in the economic literature by Alfred Müller-Armack in his 1947 work “Economic Steering and the Market

Economy" ("Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft," pp. 65–157).

Without actually using the phrase "Columbus error," Wünsche indicates that most researchers seeking the theoretical foundations of the SME make a mistake akin to that committed by the Spanish sailor in terms of misattribution. While they tend to associate the SME with German ordoliberalism, Wünsche claims that Erhard's theory can be primarily traced to the historical school, whose last epigones worked at his alma mater, the Handelshochschule Nürnberg in the 1920s (Wünsche 2015, p. 125). This misunderstanding is probably the major cause of interpretational discrepancies concerning the SME, which in the case of Erhard and Müller-Armack occurred even among the "spiritual fathers" of this concept. This situation led to difficulties in understanding and implementing this economic policy model after the end of Erhard's tenure as Federal Chancellor in 1966. All subsequent West German governments (and after 1990 also all governments of unified Germany) continued to pursue economic policy under the invariably widely accepted label of the SME, while periodically departing from and returning to (at least verbally) Erhard's principles (Mączyńska, Pysz 2014, pp. 71–73).

Wünsche's contributed to SME theory advancing the thesis that its origins should not be sought in the ordoliberal system, but primarily (albeit not solely) in the historical school of economics, which preceded ordoliberalism. However, this assertion requires more in-depth analysis and factual discussion as many other researchers credit Walter Eucken with creating the theoretical groundwork for the SME, in particular with his concept of the competitive economic order expounded in his posthumous 1952 book "Principles of Economic Policy" ("Grundsätze der Wirtschaftspolitik," Eucken 2004, pp. 254–324).

For Erhard, the overarching objective of the SME is individual freedom, defined more broadly than in the neoclassical theory (the latter was focused on the freedom to choose from among different economic alternatives). Erhard went beyond that strictly material facet of freedom; in his view all aspects of individual freedom constitute an inseparable whole. Individual freedom is integral and is a prerequisite both for the market economy and a free society. In this respect, Erhard comes close to Friedrich August von Hayek's principled position according to which freedom is by no means one of many equal values. Indeed, it is both the source and wellspring of all other individual values (Hayek 2002, p. 67). However, Erhard differs from the Austrian thinker in that he goes further than defining freedom as the absence of coercion. In reference to the writings of the philosopher and anthropologist Max Scheler, Erhard makes a distinction between "freedom from something" and "freedom for something." In the former case, the individual is free from any external factors restricting his actions, while in the latter case the individual makes responsible use of his freedom of action to pursue ethically acceptable goals important to him, his family, and society.

Erhard's integral and dual concept of freedom was further elaborated in the discussed book into an original, but also controversial, idea of "original freedom." In contrast to most other liberal thinkers, Erhard believed that the original freedom of the individual should not be bound by any external restrictions, including legal regulations, which would turn it into a centrally delineated scope of autonomy. While this ideal must now appear utopian, it could perhaps be approximated if we succeeded in imparting, to individuals and society alike, a sense of responsibility for their freedom of action on the scale of the economy and society. In that case, the boundaries of freedom

would be determined by the individual himself based on moral and ethical principles. Interestingly, Erhard was fond of quoting a passage from Johann Wolfgang von Goethe: “Yes – this I hold to with devout insistence / Wisdom’s last verdict goes to say: / He only earns both freedom and existence / Who must reconquer them each day” (Wünsche 2015, p. 371).

Similarly to the views formulated by the famous American journalist Walter Lippmann in his 1937 book “The Good Society,” Erhard believed that the struggle to broaden individual freedom in itself is insufficient to ensure long-term survival in society. According to Lippmann, the central predicament of liberal thought was that the removal of the shackles constraining individual and market liberties was not followed by the development of a platform for building a freedom-oriented socioeconomic order (Lippmann 1937). Erhard attempted to eliminate this weakness of individualistic liberalism: “for him it was obvious that the defense of economic freedom cannot in itself secure its survival. In the long term, economic freedom can only be ensured by a policy oriented towards shaping social peace. Erhard epitomized the political objective of achieving economically and socially satisfactory economic development in the notion of the “social market economy” (Wünsche 2015, p. 37) and embraced the slogan of “prosperity for all,” which he understood as something more than meeting the material needs of the majority of society. Of even greater importance was the fact that the prosperity achieved by the greatest possible proportion of society would constitute the most robust protection of individual freedom, as then no-one would be existentially dependent on other individuals or government. Erhard formulated his ideal of the free individual as follows: “only a man who is confident that he can support himself through his work and achievements, without assistance from the state and also without state-imposed obstacles, can be truly free as an individual and truly free with respect to the state and its institutions” (Erhard 2005, p. 17).

This ideal of individual freedom translated into yet another contribution of Erhard to SME theory: he postulated, and in the years 1948–1966 partially implemented, the integration of social policy with economic policy within an effective market economy. Erhard’s views in this respect are crystal-clear: “one should note here the inextricable link between economic policy and social policy. In fact, the more successfully economic policy is pursued the less intervention and support is needed for social policy (Erhard 2000, p. 246). This could be rephrased as: effective economic policy largely replaces social policy, mostly through minimizing the number of people in need of social assistance.

For Erhard, the existence of the market economy is a necessary, but not sufficient, condition of securing freedom “from something” and “for something” in the long term. Moreover, market-driven processes of economic activity must take place within a competition-based economic order. “Prosperity for all and prosperity through competition form an integral whole. The first postulate delineates the goal of economic activity, and the second one, the path to achieving that goal” (Erhard 2005, p. 20). In this respect, Erhard’s views are similar to Eucken’s, who emphasized that market competition limits the power of one economic entity over another (as well as having many other merits). Indeed, competition curtails the possibility of stronger or cleverer individuals impinging upon or taking away the freedom of weaker or less clever ones. Ultimately, this also helps stabilize a free society, which is founded on the freedom of its individual members. Thus, Wünsche

rightly observes that “From the ethical point of view, Erhard’s social market economy is a thoroughly thought-out liberal policy” (Wünsche 2015, p. 41).

The SME: Interpretational intricacies and contemporary problems

Although Wünsche draws on German experience, his conclusions are of general nature and applicable to many other countries, Poland included. The title of the first chapter “Decades of Banalization of Erhard’s Policy,” referring to contemporary German socioeconomic policy, is very telling, and the titles of the sub-chapters are extremely pointed, with examples including: “Conflicting Judgments,” “Questionable Standards,” “Concealed Reality,” “Programmed Helplessness,” “Bigotry and Dogmatism,” “Socially Blind Pursuit of Growth,” “Grave Errors,” and “Counterproductive Arguments.” The poignancy of these titles reflects the scale of dysfunctions in today’s socioeconomic policy, leading to wastage of the socioeconomic potential and the rise of development barriers. Wünsche’s criticism of contemporary socioeconomic policy is balanced out by ample guidance and recommendations concerning the necessary changes. Many of them are contained in the final part of the first chapter entitled “Possibilities and Consequences of Corrections” (Wünsche 2015, pp. 98–116). Many other pieces of advice are strewn throughout the book, with the last section devoted to prevention of unemployment. In the concluding remarks, Wünsche reiterates his proposition that Erhard’s ideas were never correctly understood in Germany. And obviously this is all the more true of economists in other part of the world (although Wünsche does not directly mention that).

Erhard’s concept of the SME assumes symbiosis between economic and social policies, which should be harmonized as closely as possible. Indeed, this may be considered one of the basic features of his SME concept, along with his views on freedom and liberalism. This also makes the SME very distinct from other systemic models of capitalism. Indeed, the SME is one of many possible versions of market capitalism, which may exist in many forms (Anglo-Saxon, Scandinavian, Rhine, Mediterranean, Asian). As it is known from history and practice, there are also many kinds of liberalism: this noble, humanitarian, and freedom-oriented idea may adopt one of at least three forms: 1) Classical liberalism as the foundation of Adam Smith’s laissez-faire economic theory; 2) Ordoliberalism; 3) Neoliberalism (Maćzyńska and Pysz 2014).

What differentiates these three strands of liberalism is, amongst others, their approach to shaping the economic order, the role of the state, and the system of values. In contrast to classical liberalism and neoliberalism (which advocate spontaneous formation of the economic order), ordoliberal theory posits that the state should provide a framework for that process, while emphasizing individual responsibility and ethical behavior. Neoliberalism and classical liberalism share market fundamentalism, which is the belief that the free market mechanism shapes the economic order so effectively that the state can be relegated to the function of a night watchman. Nevertheless, those two strands differ in terms of their ethical and moral tenets. Neoliberalism seems to be largely devoid of ethical or moral considerations claiming that the free market regulates this sphere efficiently. On the other hand, both in classical liberalism and ordoliberalism, ethical and moral values are thought to constitute the foundation for the functioning of the economy and society (Maćzyńska and Pysz 2014).

The reviewed book clearly shows its Author's fascination with Erhard's intellectual legacy and his confidence in the relevance and usefulness of the SME, an indispensable remedy to the maladies and dysfunctions of contemporary capitalism, which became acutely evident following the onset of the 2008 global crisis and which are the subject of numerous analyses and publications (Piketty 2014; Roberts 2013; Stiglitz 2010; Deaton 2013). It is little wonder then that Wünsche is equally fascinated with Erhard's admonitions concerning the growing power of international corporations. Suffice it to quote Erhard: "The unbridled transition to an ostensibly free, but in fact cartel-ridden, economy led not only to the expropriation of a considerable segment of the population and to glaring social inequality causing tensions, but also to another adverse effect: the available modest capital was not channeled to the areas in greatest need of investment. In this respect, the true meaning of the 'social market economy' was severely detracted from" (Erhard 2012, p. 154).

Although Wünsche demonstrated that Erhard's concept of the SME was primarily rooted in the legacy of the historical school, which strived towards a holistic approach to shaping the socioeconomic order, taking into account social, cultural, historical, and institutional factors, it should be noted that Erhard was also to some extent influenced by ordoliberal theories. Despite the fact that these two theoretical strands (the historical school and ordoliberalism) are largely complementary rather than contradictory, according to Wünsche Erhard clearly leant towards the former and distanced himself from the latter. And this is, in our opinion, one of the most provocative and contentious theses presented in the book (obviously these, and other controversial issues make the book all the more attractive and inspirational), especially that Erhard always seemed to eschew theoretical dogmatism. Furthermore, the very etymology of the term ordoliberalism indicates order, as opposed to anarchy, suggesting the central position of systemic order in this paradigm, and indeed, in this sense the SME undoubtedly remains within the ordoliberal current. According to Wünsche's book, similarly to the ordoliberals, Erhard appreciated the fundamental importance of the free market, but at the same time emphasized the fact that economic growth is not an end in itself, but rather a means to achieving social welfare: "No-one should be so dogmatic as to seek a cure-all exclusively in progressive economic expansion, that is in material issues" (Erhard 2012, p. 276).

For many readers it may come as a surprise that according to Wünsche Germany's present socioeconomic order does not meet the criteria of the social market economy as understood by Ludwig Erhard, especially in light of its purported relevance and usefulness. This gives rise to questions: Why was the SME adopted and properly implemented only under Erhard, and that not even throughout his entire tenure? Does this mean that, after all, this policy paradigm is no longer valid? Wünsche fiercely disagrees with this last statement, noting that paradoxically the marginalization of the SME is accompanied by signs of appreciation of its political and social appeal, as reflected in the declarations made by many politicians and references to the SME in some legal acts, including the Constitution of Poland.

SME marginalization can be partially explained by the emergence and rapid expansion of neoliberal economic theory in the USA in the 1970s. In time, it was embraced by the US government and gradually came to be perceived as the only rational and effective socioeconomic policy model, which was quickly adopted by most developed countries. The causes of the triumph of

the neoliberal doctrine, which lasted for several decades until the onset of the 2008 global crisis, remain the subject of much research and dispute (Sadowski 2006; Sadowski 2014; Mirowski 2009; Kołodko 2008; Kołodko 2013; Roberts 2013; Walicki 2013a; Walicki 2013b). That triumph certainly detracted from the practical possibility to pursue the SME, despite its spectacular success under Erhard, and that at a time of widespread stagnation.

As a result of the lasting prominence of the neoliberal doctrine and its “greed is good” motto, economics began to be associated with chrematistics, or the science of making money while ignoring the social underpinnings of economic theory as knowledge about people in the process of production. Over time, neoliberalism almost completely dominated policymaking, entailing a host of adverse socioeconomic ramifications. Profit maximization and commercialism invaded many fields that should remain free of their influence. As it has been noted by many economists, neoliberalism created fertile ground not only for toxic financialization and toxic derivatives, but also for toxic, but for some lucrative, economic theories (Sadowski 2014; Sandel 2011; Dembiński 2011; Dembiński 2014; Walicki 2013a; Walicki 2013b; Roberts 2013).

On many occasions Wünsche indicates to what extent the contemporary world deviates from the SME, as reflected by increasing disproportions in the distribution of and access to global wealth and the resulting demand constraints and social pathologies, including unemployment, even in the most developed countries. This is consistent with the concerns voiced by Fed Chairwoman Janet Yellen on October 17, 2014, when she cited statistics showing that income and wealth inequalities in the USA approached levels unheard of for the past 100 years. Similar conclusions can be drawn from the OECD report analyzing living standards around the world over the past 200 years (Moatsos, 2014) and from the UNICEF report (2014), according to which over 30 million children in the richest countries live in poverty. In the European Union alone more than 13 million children are deprived of access to the basic goods necessary for normal development. The same is true of 1.3 million Polish children.

Moved by the above considerations, global business leaders organized the “Conference on Inclusive Capitalism: Building Value, Renewing Trust” in London on May 27, 2014. The participants conceded that today’s form of capitalism oriented towards profit at all costs and ignoring social issues must be replaced by one that would assuage wealth disparities. Also according to the British-American economist Angus Deaton, awarded the 2015 Nobel Prize for analysis of consumption, poverty, and wealth (Scientific ... 2015; Mączyńska 2015), income inequality constitutes a constraint on economic growth and a barrier to social well-being. Indeed, Deaton’s conclusions are very much in line with Erhard’s views and the SME. Due to the deepening dysfunctions of capitalism, the debate on the socioeconomic order has probably never had such global significance as today. Wünsche’s book is an important contribution to that debate, offering not only scholarly insights, but also relevant practical guidance.

The SME as a remedy

Wünsche’s line of reasoning seems to be supported by the fact that increasing numbers of researchers investigating the development of the modern economy note mounting dysfunctions. According to Walicki, “‘neoliberal thought’ (in the USA termed ‘neoconservative’) no longer

strives to balance the interests of labor and capital and has become a tool for the unscrupulous offensive of financial capital attempting to impose its conditions on territorial countries . . . and we have to do with . . . only slightly concealed rule of enormously affluent individuals who ruthlessly pursue maximization of their own profits" (Walicki, 2013a). It is not by accident that Zygmunt Bauman discussed these problems in a book aptly titled "Society Under Siege" (Bauman 2006).

Nowadays, in the wake of the global crisis, policymakers are more likely to take recourse to the SME, which is by definition oriented towards social inclusiveness. The current widespread approval of this paradigm is also attributable to the fact that those countries which have implemented SME-based solutions reconciling economic and social interests have not suffered such severe consequences of the global crisis as neoliberal economies. The SME position on social and ethical issues as well as on the role of the government seems to be validated not only by the current challenges to the global economy, but also by research findings questioning the state/market opposition (Sachs 1996, pp. 47–48; Phelps 2013, p. 20). As Nobel Prize winner Edmund Phelps observed "no market can long exist without the support of the public institutions that underpin it. Under field conditions, public and private institutions do not exist in isolated worlds, but are often mixed and interdependent" (Phelps 2013, p. 20).

While previous difficulties with practical implementation of the SME cast a shadow over Wünsche's firm belief in the SME potential to remedy the maladies of the market economy, they do not invalidate the paradigm, but rather point to the conditions that must be met for it to become reality. Amongst others, it is necessary to prevent the erosion of competition, a prerequisite of the market economy, also by the adoption of international measures to rein in the all-powerful global players (it has not been made easier by integration and globalization process). Given the scale of dysfunctions of contemporary capitalism, efforts should also be undertaken to restore the socioeconomic order, which in fact lies at the core of the SME.

Books and electronic publications on the Internet

1. Bauman Z., *Społeczeństwo w stanie obłączenia*, Wydawnictwo Sic!, Warszawa 2006.
2. Cassel G., *Die theoretische Sozialökonomie*, Leipzig 1921.
3. Conference on Inclusive Capitalism: Building Value, Renewing Trust, 27 maja, London 2014. Tryb dostępu: <http://www.inclusivecapitalism.org/> (15.07.2015).
4. Deaton A., *The Great Escape: Health, Wealth, and the Origins of Inequality*, Princeton University Press, Princeton 2013.
5. Dembiński P H., *Finanse po zawale*, Wydawnictwo Studio Emka, Warszawa 2011.
6. Dembiński P.H., Beretta S., *Zapomniane wartości. Chrześcijańskie spojrzenie na kryzys ekonomiczny*, Wydawnictwo M, Kraków 2014.
7. Erhard, L., *Freiheit und Verantwortung*, [w:] Ludwig Erhard, *Gedanken aus fünf Jahrzehnten*, red. K. Hohmann, ECON Verlag, Düsseldorf-Wien-New York 1988.
8. Erhard L., *Wohlstand für Alle*, ECON Verlag, München 2000.
9. Erhard L., *Die Prinzipien der deutschen Wirtschaftspolitik, "Orientierungen zur Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik"* 2005, Heft 104.
10. Erhard L., *Dobrobyt dla wszystkich*, PTE, Warszawa 2012.

11. Eucken W., Grundsätze der Wirtschaftspolitik, 7. Auflage, Mohr Siebeck, Tübingen 2004.
12. Galbraith John K., Ekonomia w perspektywie, PWE, Warszawa 2011.
13. Hayek F. A. von, Grundsätze einer liberalen Gesellschaftsordnung, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), Tübingen 2002.
14. Kołodko G.W., Wędrujący świat, Prószyński i S-ka, Warszawa 2008.
15. Kołodko G.W., Dokąd zmierza świat. Ekonomia polityczna przyszłości, Prószyński i S-ka, Warszawa 2013.
16. Kołodko i ćwierćwiecze transformacji, red. P. Kozłowski, M. Wojtyśiak-Kotlarski, Scholar, Warszawa 2014.
17. Kropotkin P., Der Wohlstand für alle, Verlag A. Sanftleben, Zürich 1896.
18. Lippmann W., The Good Society, Georg Allen 1937.
19. Mączyńska E., Pysz P., Liberalizm, neoliberalizm i ordoliberalizm, [w:] Ekonomia dla przyszłości. red. E. Mączyńska, PTE, Warszawa 2014.
20. Mączyńska E., Nobel 2015. Triumf ekonomii opartej na faktach, Biuletyn PTE, Warszawa 2015.
21. Mirowski P., Plehwe D., The Road From Mont Pelerin: The Making of Neoliberalism, Harvard University Press, 2009.
22. Moatsos, M., et al., Income inequality since 1820, in Jan Luiten van Zanden, et al. (eds.), How Was Life?: Global Well-being since 1820, OECD Publishing. Tryb dostępu: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264214262-15-en> (31.01.2014).
23. Müller-Armack A., Wirtschaftslenkung und Marktwirtschaft, Kastell Verlag, München 1990.
24. Ordoliberalizm i społeczna gospodarka rynkowa wobec wyzwań współczesności, red. E. Mączyńska, P. Pysz, PTE, Warszawa, 2013.
25. Phelps E., Praca za płacę. Jak sprawić, by ludzie znów zaczęli uczestniczyć w systemie wolnej przedsiębiorczości i zarabiać, Wyd. Kurhaus Publishing, Warszawa 2013.
26. Piketty T., Capital in the Twenty-First Century Cambridge, MA, Belknap Press 2014.
27. Roberts P.C., The Failure of Laissez Faire Capitalism and Economic Dissolution of the West Towards a New Economics for a Full World, Atwell Publishing 2013.
28. Rodrik D., After Neoliberalism, What?, Project Syndicate, September 2002. Tryb dostępu: <http://www.project-syndicate.org/commentary/rodrik7/English> (15.07.2014).
29. Sachs I., W poszukiwaniu nowych strategii rozwoju, „Gospodarka i Przyszłość”, nr 1/-4., Warszawa 1996.
30. Sadowski Z., W poszukiwaniu drogi rozwoju. Myśli o przyszłości świata i Polski, Wydawnictwo Polska Akademia Nauk, Komitet Prognoz Polska 2000 Plus, Warszawa 2006.
31. Sadowski Z., Rozwój gospodarczy i bieda, [w:] Ekonomia dla przyszłości, red. E. Mączyńska, PTE, Warszawa 2014.
32. Sandel M.J., Czego nie można kupić za pieniądze. Moralne granice rynku, Kurhaus Publishing, Warszawa 2012.
33. Skidelsky R., Keynes: Return of the Master, Penguin Group, New York 2009.
34. Sombart W., Der Moderne Kapitalismus, 3. Bände, Duncker Humblot, Leipzig 1927.

35. Społeczna gospodarka rynkowa, red. E. Mączyńska, P. Pysz, PTE Warszawa 2003.
36. Stiglitz J.E., Freefall. Jazda bez trzymanki, PTE, Warszawa 2010.
37. Sztompka P., Zaufanie. Fundament społeczeństwa, Wydawnictwo Plus, Kraków 2007.
38. Walicki A., Neoliberalna kontrrewolucja, „Gazeta Wyborcza”, 29 listopada 2013a.
39. Walicki A., Od projektu komunistycznego do neoliberalnej utopii, Wydawnictwo Universitas, Kraków 2013b.
40. Wünsche H. F., Ludwig Erhards Soziale Marktwirtschaft – Wissenschaftliche Grundlagen und politische Fehldeutungen, Lau Verlag & Handel KG, Reinbek München 2015.

ЭЛИЗАБЕТА МАШИНСКА, ПЕТР ПЫШ

СОЦИАЛЬНОЕ РЫНОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЕГО ВАЖНОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Впечатления от книги Хорста Вюнше
«Социальное рыночное хозяйство Людвиг Эрхарда:
научные основания и неверные интерпретации»

Аннотация. Статья представляет собой научный комментарий к книге Хорста Вюнше, посвященной актуальности социального рыночного хозяйства (СРХ) в современном мире. Среди прочего, СРХ в его неискаженном понимании, дает шанс предотвратить эрозию конкуренции, которая является необходимым условием рыночной экономики. Учитывая масштабы дисфункций современного капитализма, усилия также должны быть предприняты для восстановления социально-экономического порядка, который на самом деле лежит в основе СРХ.

Ключевые слова: рыночное, социальное, хозяйство, актуальность, конкуренция, порядок, искажения.

Элизабета Машинска (info@sgh.waw.pl), профессор, руководитель научно исследовательского института банкротств Бизнес Финансы и Инвестиции корпорации в колледже бизнеса Варшавской школы экономики (Варшава, Польша).

Петр Пыш (info@sgh.waw.pl), профессор Высшей школы финансов и управления в Белостоке (Польша), Колледжа бизнеса и технологий (Фехта, Германия).

УДК 330.837.1

Статья поступила в редакцию 11.09.2016г.

ИНСТИТУТ ИДЕОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ: ИСТОРИКО ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Идеология представляет собой внутренний компонент любой социально-экономической системы. Эффективной может быть модель экономики, имеющая свою центральную идею и осознанное ее выражение, которая поддерживается большинством граждан как потребителей, производителей, избирателей, политической, научной и культурной элиты. История экономической науки представляет историю эволюции и трансформацию идей, в которых отражались направление и способ общественной организации производства, а также принципы, нормы и формы поведения и взаимоотношения людей, достигающих в процессе деятельности своих интересов.

Ключевые слова: институт, экономика, развитие, идеология.

УДК 330.1 (075.9)

Лемещенко Петр Сергеевич (Liamp@bsu.by), доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой институциональной и теоретической экономики Белорусского государственного университета. Беларусь, г. Минск, ул. К.Маркса, 31. +3750172223601

Постановка проблемы

«В настоящее время люди особенно ждут более глубокого диагноза, особенно готовы принять его и испробовать на деле все, что будет казаться имеющим хоть какие-нибудь шансы на успех. Но даже и помимо этого современного умонастроения, *идеи экономистов и политических мыслителей* — и когда они правы, и когда ошибаются, — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди-практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого..., извлекая сумасбродные *идеи* из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад» (Кейнс Дж.М. 1993а, с.518).

Эти слова, написанные более полувека тому назад, вновь приобрели особую актуальность для нас и наших современников, поскольку, во-первых, нуждается в пересмотре общая политико-экономическая стратегия современного мирохозяйственного порядка, характеризующегося возросшим риском глобальной неустойчивости (катастрофы) и неопределенностью будущей модели развития. Во-вторых, по причине доминирующего влияния международных институтов на все национальные экономики и региональные рынки. В-третьих, наши ресурсные ограничения и достаточно противоречивые результаты хозяйственной деятельности за весь реформируемый период в стране по-прежнему остро ставят вопрос о научно обоснованном, выверенном векторе и фор-

мах реализации стратегии национального технико-экономического и социально-политического развития.

Институт идеологии и экономика: теоретическая ретроспектива

Любая фирма или другой хозяйствующий субъект всегда существуют и действуют в реальной политико-экономической, социокультурной и идеологической среде. Абсолютно неверно утверждение, что идеология была подвержена только социалистическая (коммунистическая) система. Самая сверхлиберальная политико-экономическая система также пронизана общей идеей, как и ее противоположность, например, система жестко централизованного устройства. Идеология, таким образом, это не какой-то инородный элемент экономики, от которого следует и можно избавиться. Идеология представляет собой внутренний компонент любой социально-экономической системы. Более того, эффективной может быть модель экономики, имеющая свою центральную идею и осознанное ее выражение, которая поддерживается большинством граждан как потребителей, производителей, избирателей, политической, научной и культурной элиты.

Быстрая и решительная отмена на формальном уровне прежней теории, других детерминант, координирующих социально-экономическое поведение граждан, *без выдвинутой новой, адекватной для белорусского общества современной шкалы ценностей*, привела к *институциональному вакууму*, в котором начинают господствовать астрологические прогнозы и спекулятивные идеи. Иначе эту ситуацию можно назвать *трансформационной ловушкой*, которую пока не преодолели. Поэтому разработка идеологии в контексте экономической теории (и наоборот!), представляется, поможет выйти науке об экономике на новый более совершенный уровень. Следующий шаг – практический, что также является непременной задачей.

Конфликт в том, что *сегодня неопределенные*, часто интуитивные новые идеи должны оцениваться либо по старым критериям прежней политической экономии, оказавшей влияние на формирование *политико-экономического образа мышления* большинства населения страны, либо по каким-то новым, еще неизведанным ни в теоретическом, ни в практическом отношении критериям, правилам и нормам. С некоторым опозданием уже можно признать, что в нынешней радикальной, системной реформе самым главным является *смена идеологии*, которая включает модификацию нравственно-этических, социальных, политических, экономических, правовых, культурологических и других ценностей, которыми руководствуется в своей деятельности человек, определяет его мотивацию. Кстати сказать, чисто экономические нормы поведения в приоритете ценностей стоят далеко не на первом месте. 75.5% опрошенных белорусов ставят на первое место принцип социальной справедливости. Доверяли предпринимателям в 1999 г. лишь 9.7% опрошенных. Не все так просто в оценках отношения людей к понятиям «рынок», регулируемый рынок», «план» и пр. до сих пор из-за неясности этих категорий.

Итак, какое же место занимает *идеология*, *какие ее виды существуют*, *как она возникает и каков механизм ее имплантации в общую хозяйственную структуру, мышление и поведение людей?* Экономисты существенно отличаются в своем понимании этой категории и отвечают на все эти вопросы по-разному в зависимости от научных школ и направлений.

О роли идеологии в экономике немало плодотворных идей высказано С. Вайнтраубе, У.Дж. Сэмюельсоном, Г.Л. Шэклом еще в конце 70-х гг. XX столетия. С именем Д.Норта, Дж.Бьюкенена связывают целое направление в экономической науке. Например, тот же Норт пишет: «Под идеологией я понимаю субъективное восприятие (модели, теории), которым располагает люди для того, чтобы объяснить окружающий мир... В любом случае теории, создаваемые отдельными людьми, окрашены нормативными представлениями о том, как должен быть организован мир» (Норт Д. 1972, с. 27).

Таким образом, история экономической науки представляет историю эволюции и трансформацию идей, в которых отражались направление и способ общественной организации производства, а также принципы, нормы и формы поведения и взаимоотношения людей, достигающих в процессе деятельности своих интересов. Собственно, речь идет в целом о *предмете, методологии и других атрибутах экономической науки*, которые изменялись под воздействием онтологических и гносеологических изменений. Парадигма как ядро теории здесь выполняет роль дисциплинарной матрицы, признаки которой позволяют каждому вступающему в определенное научное сообщество проводить аналитическую деятельность по выработанным и признаваемым нормам, правилам, алгоритму. Содержательным элементом парадигмы служит общая картина, представление, образ или модель исследуемой реальности. Эта онтологическая составляющая обеспечивает *связь предмета науки со своим объектом*, поскольку в этой картине или универсалистской схеме интегрируются и систематизируются разнородные свойства явления на определенном этапе развития, отражая сложившееся в каком-то научном сообществе представление об объекте познания. Формирование идеалов и норм научного исследования нашей и другой объективной реальности находится под влиянием специфических условий и факторов развития данной дисциплины, а также общенаучных и междисциплинарных свойств.

Экономическая история как история экономических идей

Какие же парадигмы или, иначе говоря, идеи можно выделить с позиций сегодняшнего дня в экономической науке? Центральным элементом теории меркантилистов являлась, например, идея активного положительного торгового баланса со всеми вытекающими отсюда выводами для экономической политики. Физиократы заложили основу теории производства и распределения общественного продукта между существовавшими на тот период классами. Первая целостная политико-экономическая картина представлена классической школой. Используя традиции естественных наук и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать *хозяйственный мир*, прежде всего, как мир богатства. В достижении и превращении форм богатства, его распределении они искали универсальные объективные законы и закономерности, на основе которых стремились объяснить и предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило *новую норму поведения – стоимость*, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости, кроме всего прочего, фиксировалась социальная, экономическая, правовая и нравственная основа взаимо-

действия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией, что было раньше. Можно заметить, что в классической политэкономии, нашла своеобразная интерпретация достижений других наук: медицины, политики, права, техники и истории и других наук, что позволило на абстрактно-понятийном уровне *целостно* зафиксировать политико-экономическую систему и определить историческую тенденцию ее эволюции.

Серьезным испытанием для классической политэкономии явилась критика ее со стороны исторической школы. Представители этого направления стали родоначальниками антисциентистской традиции в экономике, ориентирующую исследователя, прежде всего, на богатую фактами гуманитарную основу экономического знания. Для них экономика – это уже *мир хозяйства, опосредованный историко-культурными ценностями*. «Самое формирование исторической школы в противовес классической, – пишет Н.Д. Кондратьев, – было фактом огромного значения для развития методологии социальной экономики. Это формирование ... потребовало, по существу, в истории социальной экономики впервые отчетливого и критического осознания самой проблемы метода экономического исследования» (Кондратьев Н.Д. 1991, с. 271).

Свое развитие классическая и историческая школы получили в *марксизме*. Здесь не только сохраняется, но под влиянием гегельянства усиливается установка на сущность, закон, закономерности смену стоимостных форм богатства и отношений, в конце концов, на теорию, в которой задача дополняется поиском внутренних причин саморазвития капитала. Новизна подхода состоит в *объединении исторического и логического, индуктивного и дедуктивного* в чем проявился ответ марксизма на вызов исторической школы. Введенный принцип логического историзма позволяет обобщить, универсальный характер законов модифицировать в законы специфические, определив тем самым границы действия этих общих законов и своеобразие их проявления. Были определены границы эффективности отношений прав собственности, рассмотрены вопросы об издержках обмена и конкуренции рыночного хозяйства, о противоречиях между трудом и капиталом.

Знаменитый «спор о методе» особенно остро проявившийся в полемике между Г. Шмоллером и К. Менгером не привел к утверждению нового методологического канона, однако дал импульс к расчленению единой науки об экономике на две части: первую, утверждающую в познании абстрактные дедуктивные начала («рикардианский порок»), и вторую, отстаивающую целостность, специфичность и многообразие хозяйственных культур («шмоллеровский порок»).

Новый парадигмальный сдвиг связан с возникновением маржинализма. *Мир хозяйствующего субъекта*, который сам активно вовлечен в оценку экономической деятельности, был положен в основу познания происходящих процессов. Поиск объективных, сущностных, причинно-следственных связей был заменен поиском рациональных функциональных связей на уровне явлений, которые выступают результатом деятельности хозяйствующих субъектов. Общая картина социально-экономического мира неоклассиками была редуцирована до уровня среднестатистического экономического агента, имеющего определенный набор предпочтений и корыстные мотивы максимизации полезности в поведении. После выхода в свет работы А. Маршалла учебная дисциплина «политэкономия» заменяется «экономикой» с ее позити-

вистской философией и аналитическим технико-функциональным аппаратом. Это понятие стало символом названия и новой науки. Отныне стали апеллировать не столько к экономической науке, сколько к науке как инструментальному процессу в освоении познанием экономического поля. Последняя у неоклассиков складывается из отдельных «коротких цепочек» частных отдельных теорий, охватывающих короткие промежутки времени, на что ориентировала философия позитивизма. Поэтому из исследовательского поля исчезло воспроизводство, закон народонаселения, проблемы развития и пр. Парадоксально, наука о человеке — экономика выбрасывает самого человека как деятельного, социального субъекта, придав последнему ограниченную утилитарную потребительскую детерминанту.

К этому надо еще добавить, что целостное теоретическое (политико-экономическое) знание в начале 20в. начало трансформироваться в ряд таких самостоятельных специальных наук, как политология, менеджмент, социология, экономическая история, история экономических учений. Таким образом, под влиянием научной специализации и использования в производстве экономического знания частных методов экзотерической направленности это знание приобретает черты калейдоскопичности, фрагментарности и статичности. Из этих фрагментарных «лоскутков» стало невозможно воспроизвести целостный образ, целостную политико-экономическую и социальную картину.

Теория Дж. Кейнса под влиянием противоречий, существующих в реальности и в знании, расширила горизонты анализа, но уже за счет изменения той части парадигмальной идеи, которая не меняет принципиально неоклассическую теорию. *Мир активного деятельного субъекта* — так можно охарактеризовать идею теоретического подхода Кейнса и его последователей. Включение в исследовательское поле макроэкономических проблем наметило сближение идей неоклассической и марксистской теорий (Лемещенко П.С. 2016, с. 49-61).

Такой теоретико-исторический экскурс необходим, прежде всего, для того, чтобы понять, во-первых, все богатство *содержания как теорий*, формирующих экономический образ мышления, так и структуру самого экономического мышления, выходящего далеко за пределы «чистого прагматического экономизма». Во-вторых, попытаться оценить какой же образ мышления формируют те теории, которые получили у нас массовое распространение без философского осмысления и исторического контекста. В-третьих, зафиксировать *значимость института идеологии* в общественно-экономическом устройстве. И, наконец, определить подход к формированию конструктивной национальной политико-экономического модели развития.

Имплицитный аспект

Структура науки экономики, охватывая весь философский и социокультурный контекст деятельности человека, изменяется вместе с реальной хозяйственной практикой. Но, как и последняя, наука неоднородна и представлена широким спектром научных школ и направлений. Однако именно неоклассическая теория проявила активную экспансию в учебный процесс, в научные и аналитические учреждения республики, что можно объяснить, но невозможно принять.

Оставляя теоретические тонкости критики этой теории, базирующейся на идеях философии позитивизма, приведем пример. В середине

80-х годов прошлого столетия А.Хабергером было проведено исследование американской экономики за несколько десятков лет, в результате чего оказалось, что вред США от монополий составляет 0.02% от ВВП. Возник шок – чему же учат в вузах страны, поскольку в курсе экономика теории рыночных структур занимают доминирующее положение, а идеология конкурентного индивидуализма лежит в основании данной конструкции. Перепроверки разными методиками оставили данный показатель на уровне 0.5–2% от ВВП. Это притом, что польза от монополий не рассматривалась. Крайне наивно, если не сказать более жестко, выглядит также обоснование антимонопольного регулирования (и вообще государственного регулирования), которое, по сути, воспроизводит прежнюю идеологию, с критики которой началась современная реформа и курс на рыночные преобразования.

Таким образом, с теоретической точки зрения идеология – это определенный образ мышления отдельных людей, групп, общества в целом, позволяющий рационализировать и регламентировать их поведение. Следствием этого является низкие трансакционные издержки общества, государства, индивидов по достижению своих интересов при сохранении приемлемого институционального равновесия. Но через импорт неоклассической теории формирования новой экономической идеологии не состоялось, поскольку, во-первых, всегда есть инерция и противоречие прежней экономической идеологии с новой. Во-вторых, внедрение в учебный процесс названной выше теории осуществилось в усеченном, можно сказать, технико-инструментальном виде. В-третьих, данная теория содержит дилемму, встроенную в поведенческую функцию. Она допускает как максимизацию богатства, так и формирование государства по Гоббсу, которое ограничивает поведение индивидов для жизнеспособности политической системы. Дилемма состоит в том, что принцип рациональности, о котором, возможно, сегодня скажут, противоречит второй части формулировки – регламентации и ограничению свободы выбора.

В ракурсе данных рассуждений можно отметить и то, что *выработанная идеология* в явных и неявных формах в концентрированном *виде формулирует общую стратегию развития* той или иной экономической модели развития и функционирования, которая вытекает из выяснения складывающихся законов–тенденций. На основании этого уже можно предложить выработку принципов поведения хозяйствующих агентов и функционирования применительно к конкретно–историческим условиям. Но неоклассическая теория занимается вторым и не ставит себе задачу разрабатывать проблемы развития. (Не надо путать с экономическим ростом).

Если сформулированная стратегия принимается большинством, то воспринятая идеология служит также объединяющей и цементирующей основой общества. «...Вера производит теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцем и духом» (Карамзин Н.М. 1987, т. 1, с. 69). Если же консолидирующей идеи нет, то возникает многочисленное количество партий и группировок, как, например, в абсолютном большинстве постсоциалистических государств. Нарушенное институциональное равновесие создает условия для роста издержек по защите прав собственности, выполнению контрактов и пр. Для государства как органа политической власти также возникает проблема достижения того, что в нашей терми-

нологии получило название «стабилизация». Но содержание последней выходит далеко за пределы денежно-финансовой стабилизации. Если большинство населения, которое очень неоднородно по своему социально-классовому составу, поддерживает выработанную наукой стратегию, этапы и формы ее достижения, и которая находит адекватную политическую интерпретацию, то это говорит о высокой степени доверия и лояльности общества к избранной линии совместного поведения. Неформальные нормы поведения и взаимоотношений дают положительный эффект создавая институциональный капитал при низких транзакционных издержках. Если уровень лояльности населения к сформулированной идее низкий, то для проведения последней издержки резко возрастают.

И здесь возникает два направления: *затраты на образование и издержки на содержание правоохранительных органов*. Первые дают эффект в долгосрочной перспективе, создавая условия и потенциал для развития, а вторые – в краткосрочной. Расходы на эти сферы, а также количество обучающихся на сто тысяч жителей страны служат хорошими показателями складывающихся социально-экономических тенденций и соотношения к ним проводимых политических курсов.

Однако высокий показатель доли осужденных еще вовсе не свидетельствует о склонности населения той или иной страны к преступлениям или правонарушениям. Конечно, бедность, нищета и безысходность не добавляют общественного капитала. Но по исследованиям Эр.Де Сото, формирование теневой экономики обусловлено, в том числе противоречием неформальных норм и правил с формальными, с «образцовыми европейскими законами», которые принимаются законодательными органами. Эти формальные сложные и дорогие правила, законы могут тормозить инициативу населения. Усиливается в силу этого размер патерналистских ожиданий, которое государство не может удовлетворить.

Идеология выполняет важную коммуникативную функцию, позволяющую воспринимать *и прошлое, и настоящее, и будущее на одном уровне представлений*. Специалисты в области герменевтики уже давно обнаружили эту проблему адекватного восприятия письменных или вербальных знаков как носителей информации. Представители же теории экономики, по-прежнему не замечают того обстоятельства, что даже в рамках одной и той же школы возникающие дискуссии часто являются всего лишь следствием неверно понимаемых определений. Идеология, которую в данном случае можно сравнить с методологической основой, создает однородный подход к изучаемому предмету в синкретическом едином образе. Иногда эта общая идея и начинающими, и более зрелыми экономистами не совсем осознается, хотя она всегда присутствует в любых трактатах об экономике и ее проблемах. Есть ли у нас эта четкая историческая линия прошлого, настоящего, будущего? Ведь эта вежа, в том числе и экономических, и культурных ценностей, связывающих целые поколения. А это права наследования и не только имущественные, но и те, которые в молодом поколении формируют активные культурно-деятельные начала, а не стяжательства и наживы, лени и праздности. Ценность учения А. Смита (как, впрочем, и других наиболее значимых мыслителей) состояла в том, что он сформулировал такую норму экономического поведения, которая была воспринята не просто всеми, а

именно классом *наемного труда и производительного капитала*, которые на тот период выступали главным источником богатства.

У нас почему-то сейчас культивируется и пропагандируется спекулятивное поведение финансового капитала. Все хотят быть финансистами, банкирами, биржевиками, дилерами... Но финансовый капитал с его спекулятивной логикой поведения усиливает источник нестабильности и кризисов. Кейнс писал: «Превращение предпринимателя в спекулянта — это удар капитализму, ибо он разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов... Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им» (Кейнс Дж.М. 1993б, с.100).

Средняя норма прибыли не только оправдывает существование капитала, но и выступает ориентиром, общественно признанным мотивом производительного капитала, что цементирует экономику рыночного типа. Но из-за резких колебаний нормы прибыли в финансовом и реальном секторе экономики, предприниматель (особенно мелкий) теряет в целом устойчивость своего экономического положения, постепенно отходя от своих нормальных дел, также примыкая к финансовой пирамиде законного и незаконного типа образования. Здесь уместно вспомнить известное изречение Маркса о 300% норме прибыли, после которой снимаются все ограничения для возможных преступлений капитала. Государство, центробанки, кредитно-банковские учреждения и другие финансовые институты, сконцентрировав политико-экономическую власть, могут по-разному влиять на институциональное равновесие, проводя в жизнь необходимые политико-правовые акты и законы, достигая своих незамысловатых, но вполне осязаемых спекулятивных денежных целей. Конкуренция здесь переходит из экономического поля в поле политическое, детерминируя коррупцию как естественную сделку между финансистами и политиками, где взятка выступает всего лишь ценой услуги.

Сходство представлений об объекте, которое дает господствующая идеология, предполагает некоторую закономерность, универсальность и в поведении различных людей и их групп. Таким образом, это обстоятельство позволяет прогнозировать складывающуюся ситуацию и делать нормативные выводы более точными и адресными. В нашем случае идеологические разночтения не позволяют экономистам делать прогнозы и рекомендации более точными и верифицируемыми. Когда-то Рузвельт говорил, что все мы стали уже кейнсианцами.

Не следует *отождествлять идеологию* как внутреннего компонента социально-экономической системы с идеологией как имманентного свойства любой политической системы и власти. Как институт идеология является основанием для формулировки идеологической доктрины политической системы и власти, выполняющей свои функции. Но дело в том, что властные структуры имеют свойство независимо от своего происхождения и названия обособляться от национальной социально-экономической системы, имея свой корпоративный интерес. Здесь нет ничего удивительного, поскольку власть получает делегированные полномочия по многим функциональным вопросам собственности, права, культуры и т. п. А так как реализация контроля за действиями власти усложнена и крайне бюрократизирована, то национальный политико-экономический интерес и интерес самих властных структур мо-

гут находиться в серьезных противоречиях. И если ранее к работам Н. С. Паркинсона относились всего лишь с ироническим пониманием, то сегодня проблема бюрократии от национального до международного уровня приобрела особую актуальность как непосредственно в практике, так и в теории, включая экономическую. Возник политический рынок и «работающие» на нем получают легальную *политическую ренту*. И не зря на Западе работа в правительственных учреждениях, хотя и не является самой высокооплачиваемой, однако считается весьма престижной. Правда, и у нас что-то нет объявлений о вакансиях на министерские или другие посты.

Кроме научной идеологии, которая является отражением объективно складывающихся тенденций многих составляющих, идеологии политической власти можно выделить идеологию «народа», «электората». Социально-классовая структура последнего позволяет вычленив из него (условно) также несколько классов: собственников и управленцев-предпринимателей, класс наемного труда, занятого в сфере массового производства и слой (класс) деятельных людей в сфере услуг и научно-информационной сфере. Число последних, кстати сказать, возрастает, а зависимость их от собственников или менеджеров значительно ослабла. Скорее, наоборот. Можно посмотреть на структуру ВВП в развитых странах. Но в данном контексте рассуждений мы хотели бы отметить лишь несовпадение и возможное даже противоречие идеологических позиций общества. Если же говорить о перспективной, объединяющей идеологии, то ей должна выступить идея, отражающая интерес основного производительного слоя (класса) с точки зрения сложившихся современных условий разделения труда, используемых технологий и организации «золотых» и «синих воротничков», если использовать старую терминологию.

Новые элементы идеологии в современной экономике

Как институт *идеология не возникает на пустом месте*. Всегда существуют предпосылки любой идеологии. Оказывая влияние на все сферы жизни человека, она и сама подвержена влиянию истории, концепциям и теориям, внешней среде, опыту. Информация и весь информационный сектор является сегодня самым мощным источником, генерирующим современное социально-экономическое развитие, динамику и рост. По сути, это дополняет современную теорию *эндогенного экономического роста*. Например, к 2000г. в известных странах, имеющих характеристику индустриально развитых, информационный фактор составил 50-75% добавочной стоимости. Аналитики подсчитали величину ВВП, произведенного американскими работниками, имеющими образовательный ценз в 10,5, 12,5 и 14 лет. Оказалось, что именно третья группа дает свыше половины ВВП. Подобные исследования проводились и в России. Люди с высшим образованием, составляющие 25% работающих, производили 56% стоимости национального дохода. Если предположить страну j , а y^j -душевой доход этой страны, то при мировом запасе знаний W^1 этот доход страны есть функция от используемого страной всего мирового запаса знаний: $y^j=f(w^1)$.

Следовательно, от степени и активности комплексной разработки научно-информационных отраслей и отраслей, обеспечивающих воспроизводство «человеческого капитала», в конечном итоге зависят не только макроэкономические показатели текущего благополучия, но и

динамики развития. *Информационный цикл отражает, прежде всего, способ мышления, а также способ работы с информацией: ее сбором, обработкой, производством, накоплением, обновлением, защитой, передачей, обменом и использованием целесообразной информации.* По мнению Д. Норта и Р. Фогеля, именно способы мышления и методы сбора информации являются главными в объяснении экономической истории государств.

Временные рамки информационного цикла выходят за пределы долгосрочного кондратьевского периода, а траектория его имеет дискретный характер, фиксирующая переход на качественно новую научную и образовательную парадигму. Сейчас мы являемся свидетелями настойчивого поиска и внедрения как у нас, так и за рубежом новых, более эффективных методик и образовательных технологий, отражающих происходящие научные, практические, информационные и психологические изменения людей. Изменяются структура и форма общественного богатства. Натурально-имущественная и стоимостная формы уходят как бы в основание общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства, вершину которого замыкает богатство информационное, социокультурное или человеческое, идеологическое. Информационное богатство имеет крайне специфическую потребительную ценность. Стоимость, созданная знанием, по своему характеру требует в высшей степени субъективированного общества, иначе она не сможет получить должного признания. Примером здесь может быть цена галстука или косметики известной фирмы, кратно превосходящую цену на аналогичную продукцию менее известной фирмы. И покупатель платит не за дополнительные граммы или площади изделия, а за те особенности потребительной стоимости, технологическое своеобразие, которое придало в конечном итоге общественное признание марки этой фирмы ее популярность. Если предположить, что экономическая деятельность – это, прежде всего деятельность информационная, то категория информации выступает универсальной атрибутивной характеристикой всех объективно-субъективных хозяйственных отношений. *Информация, таким образом, есть субстанция современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда во времена представителей классической политэкономии.*

В настоящее время заслуживает поддержки и развития мысль о том, что «инструменты и машины, будучи овеществленным трудом, суть в то же время овеществленная информация. Эта идея справедлива по отношению к капиталу, земле и любому другому фактору экономики, в котором овеществлен труд. Нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же самое время не был бы приложением информации. Но информация как, например, деньги, акции, права собственности и пр. может существовать и существует как самостоятельный ресурс, о чем уже отмечалось. В ней находят отражение понятия «экономического времени», о чем когда-то говорили Й. Шумпетер и Н. Кондратьев, как в «старом», традиционном, так и в «новом» измерении.

Однако с глобальной точки зрения важно отметить рост степени влияния ТНК и ТНБ (транснациональных банков) на все политико-экономические процессы. Они контролируют сегодня до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий. Вследствие

этого экономики стран как экспортирующих, так и принимающих капиталы сами становятся все более транснациональными и зависимы от возникших наднациональных рынков и международных институтов. Сегодня международные институты являются главными законодателями (техническими, программными, инновационными), регуляторами и основными пользователями первичного продукта информационной деятельности. В последующем происходит дальнейшее распределение информационного продукта, законы которого никак не отвечают известным экономической теории законам распределения совокупного общественного продукта. Можно для иллюстрации вспомнить высказывание Капицы о принципиальной разнице обмена между людьми яблоками и идеями, обогащающий во втором случае общество на количество воспринятых идей.

Существенно исходя из ограниченности суверенитета страны меняется содержание национальной политики, ее формы, структура, реализация стратегических и тактических целей. Центр, тяжесть конкуренции из сферы экономической влиявшей на национальную политику, переносится уже в политическую сферу, что диктует в свою очередь правила конкурентной борьбы в области экономической. Глобальная политика определяет необходимость увеличения открытости экономик, которая возросла с 16% в 1950 г. до 37% в 2000г. И в этом проявляется один из множества парадоксов, которые сопровождают «новую экономику». Суть его заключается в том, что увеличение открытости экономики какой-либо страны не только подрывает ее национальный суверенитет со всеми составляющими, но и создает условия для извлечения глобальной ренты ТНК и ТНБ. Этим закрепляется экономическое, политическое и социальное неравенство страны. Но с другой стороны государство, создающее жесткие границы также лишается возможности извлечь выгоду от торговли, инвестиций, внедрения инноваций. Но уже очевидно, что современные слабо развитые государства сами не сумеют преодолеть установленные для него различными способами пределы для своего развития, потому что за последние десятилетия разрыв между странами не только не сократился, как прогнозировали, а значительно увеличился.

Кроме того, что за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, возникла новая форма эксплуатации и неравенства – информационная, т.е. разноступенчатость стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. С одной стороны, разные страны имеют существенно различную материально-программную подготовку и условия для участия в деятельности мировой информационной сети. А с другой – глобальную ренту можно получить лишь манипулируя сознанием и поведением всего активного человечества на информационном поле. Это то новое «экономическое поле», которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не имеющей национальной принадлежности, но имеющей доминирующее влияние в мире.

Возникли, если использовать привычную терминологию, новый класс, сообщество, социальные группы и целые нации, которые умело пользуются всеми преимуществами нового информационного ресурса, распоряжаясь богатством, которое они не присвоили в ходе привычной эксплуатации, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняли силой в военных действиях, а придали

ему социальную ценность и обрели его, соблюдая известные рыночные правила и демократические процедуры.

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создала экономическое пространство, утверждающее свою противоположность поведения – неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию. Этика, которую в свое время преподавал А. Смит и нашедший эффективные и справедливые для своего времени экономические принципы реализации морально-нравственных идеалов, сегодня еще не освоила всей остроты возникшего нового противоречия и признает пока такую ситуацию нормальной. Но острые события последних лет все же заставляют более основательно задуматься о последствиях современной «расколотой цивилизации».

Онтологические изменения и их отражение в идеальных теоретических конструкциях

Эволюция товарно-денежных операций породила меркантилизм, физиократы объясняли и анализировали сельское хозяйство, эпоха промышленного капитала выступала объектом исследования классической политэкономии. Неоклассицизм отвечал духу времени, влиянию силы монополий, воздействующих через цену на социально-психологическое поведение. Логическим продолжением является поиск новой теории для «новой экономики», которая существенно изменила всю политико-экономическую систему.

Прежде всего, теория новой экономики должна строиться на методологическом подходе, принимающем во внимание два принципиально иных по сравнению с предшествующим гносеологическим достижением компонента. Первый – признание в познавательном объекте активного сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся в том числе и конкурентную среду¹. Второй аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, – это признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. Информационные

1 Просто знание и знание о знании существенным образом меняет предположение о том, как будут вести себя экономические агенты: потребители, производители, политики, законодатели. Сегодня мы наблюдаем «экономический спектакль» по той теории сценического искусства, которая существовала ранее и по которой поставил спектакль режиссер. Этот «спектакль» хотя приносит доходы, уже больше не привлекает «зрителей». То есть критикуется как современная практика, так и существующая теория.

Но как возникла современная ситуация и кто ее «режиссеры» - это остается пока существенным вопросом, поскольку экономистами элемент когнитивно-информационного влияния на теорию, а последней и на практику пока не учитывается. Правда, анализ приобретает несколько иной смысл, если это хоть как-то имплантировать в теорию. Например, некоторый учет обстоятельств разнородности олигополистического поведения позволяют выделять стратегии поведения Курно, Бертрана или Штакельберга.

технологии делают не только предметом труда, но и экономической науки сознание человека, проявляющееся в различных общественных формах.

Еще ранее экспериментально доказано, что тонкие материи, замечавшие себя в исследовательском фокусе, значительно меняют свои свойства. Это означает необходимость пересмотра аксиом. Человек же, принимающий себя как игрок в массе игроков, и понимающий правила игры, вероятнее всего будет выбирать для себя варианты поведения, в которых учтет себя и как наблюдаемого среднестатистического индивида, и выполнит определенные функции наблюдателя, после чего попытается выйти за пределы возможно новой предполагаемой кем-то (может быть и государством, организаторами локального рынка и пр.) очередной «ловушки». Надо отметить, что возможных аналитических вариантов, а, следовательно, и вариантов поведения в зависимости от степени достоверности циркулируемой информации может быть целое множество, в котором иногда теряется даже тот, кто запускает ложную или ограниченно правдивую информацию. И для этого есть основание, поскольку, впитав определенного качества информацию, люди будут руководствоваться именно последней, даже если она не будет отвечать реальным условиям и практике. И такой факт надо будет признать уже объективным фактом и считаться с ним как с реальностью. Такая и другие аналогичные ситуации, которых может быть множество, еще далеко не изучены, по крайней мере, экономической теорией. Однако фактом остается огромное влияние пиар-технологий на сознание в целом и его составные части, включающие, например, экономическое, политическое и другие уровни и формы сознания. Естественно, это формируемое (целенаправленно или стихийно) политико-экономическое сознание можно и необходимо учитывать, определяя при этом вероятность выбора потребителем, группой потребителей, например, Фанты или принятия очередного политического решения, в котором всегда присутствуют чьи-то предпочтения в проведении определенной экономической политики.

Специфичность, как стоимости, так и потребительной стоимости информации придают в целом специфичность и всему товару, который имеет свойство неделимости и временного периода существования. Информационная деятельность и соответственно услуги выходят за пределы того, что называют информационным рынком. И рыночный и просто обмен информацией не попадают в прописанную классиками/неоклассиками теорию обмена. Информация как исходный ресурс социализированного общества и как конечный его продукт, сфера жизнедеятельности этого общества является, прежде всего, общественным благом. Это своего рода и институт, который обеспечивает нормальное демократическое существование и функционирование современного общества. Уже не распределение материального продукта выступает основным критерием нарушения прав человека или же проявлением монополизации локальных рынков. Как и государство, так и монополии обязуются под общественным контролем (если это получается) предоставлять необходимую информацию не только «для служебного пользования», но и для социально-политической и экономической регламентации. Парадоксально то, что на современный рынок в связи с развитием информационной сферы все большее влияние приобретают нравственные ценности и сами организационные механизмы. В частно-

сти, контроль за качеством продукции должны осуществлять нерыночные институты, поскольку, как пишет К. Эрроу, «индивиды на рынке преследуют личную выгоду, что нередко приводит к сокрытию истинного положения дел» (Эрроу К. 1995, с. 107).

Дж. Сорос подавление естественной информационной свободы рынком назвал смертельной угрозой для современного общества с его ориентацией на демократические ценности, для чего в первую очередь предложил и потребовал изменить содержание системы отношений в мировых финансовых сферах.

Информационный обмен не вписывается в закон стоимости, а также спроса и предложения, поскольку участники трансакций не отражают уровень эквивалентных отношений. К тому же механизм ценообразования на продукцию информационной деятельности влияет на покупателей и продавцов так, что равновесие между спросом и предложением приобретает несколько условный характер. Дело в том, что в оценке капитальных активов, которые играют первостепенное значение в формировании цен на продукцию, осуществляется переход к оценке нематериальных активов интеллектуальной собственности, как в настоящем, так и в будущем.

Известное правило неоклассиков о равенстве предельных издержек и предельного дохода также не отражает меновых пропорций. Оценка предельных издержек и предельной выгоды в части информационной деятельности не имеет, кроме всего прочего, устойчивых критериев. Иначе говоря, информационный обмен всегда сопровождается асимметричностью операций и отношений.

Перед выборами на политическом рынке избирателям достаточно сложно, если не сказать, что это вообще возможно при современных политехнологиях, оценить достоверность той или иной информации о кандидате и принять решение своим скромным голосом, подтверждая как бы свое участие в демократической процедуре выборов.

В информационной экономике нарушается еще один известный экономический закон – это закон убывающей доходности, сформулированный в восемнадцатом веке Т. Мальтусом и Д. Рикардо. Как гласит теория, каждое последующее вложение капитала из-за ограниченности ресурсов и под влиянием конкуренции снижает свою отдачу. Высокоприбыльная отрасль притягивает конкурентов, в результате чего начинают расти издержки, снижаться цены, а, следовательно, и доходы. В результате ситуация на рынке стабилизируется. Но это наблюдается лишь в «традиционных отраслях», т. е. таких как сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и частично промышленность перерабатывающая. Об этом еще заметил в конце 50-х годов К. Кларк в своей «трехсекторной» экономической модели.

В информационной экономике велики первоначальные затраты на производство готовой продукции. И поэтому почти всегда цены на новые товары в несколько раз превышают их действительный полезный эффект. С точки зрения окупаемости это вполне объяснимо. Более того, заложенная доля рентабельности даже первыми экземплярами удовлетворяет коммерческий интерес инвестора. Однако в последующем происходит типичное тиражирование продукции, где затратами могут быть лишь то, что необходимо для копирования. Изменяется структура себестоимости, в которой первоначальные затраты на открытие стремятся к нулю. И дажекратно сниженная цена, таким образом, обе-

спечивает высокую рентабельность производимой продукции или информационной услуги. И получается, что чем больший объем производства (тираж), тем больше получаемый доход.

Возникает новая норма, регламентирующая не только поведение хозяйствующих субъектов, но и передающая целостность современной экономической системе – институциональная ценность. Она подобна стоимости. Количественно она находит отражение в *средней норме прибыли высокотехнологических отраслей.* Эта норма прибыли является нормативом и базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким ограничением была средняя норма прибыли промышленного капитала.

Для новой теории принципиально важным является рассмотрение того, что раньше выступало предметом классической политэкономии – производственных отношений современного общества. «Неоэкономика (новая экономика), - пишет В.Г. Белолипецкий, – это экономика, основанная на глобальном финансовом капитале, который посредством пронизывающих весь этот атлас мира гибких сетей, управляемых мозговыми центрами, формирует особые экономические отношения, в которых производственные отношения преобразуются в хозяйственные связи» (Осипов Ю.М., Белолипецкий В.Т., Зотова Е.С. М., 2001, с.315). Связи, таким образом, в современной экономике разрешают противоречия существующих производственных отношений через согласование интересов хозяйствующих субъектов (сторон). Основной же предмет согласований этих субъектов в современном регулировании производственных отношений – это трансакции и попытка повышения эффективности через снижение трансакционных издержек. Вот как охарактеризовал эти изменения М. Кастельс: «Если капиталистические производственные отношения по-прежнему сохраняются, то капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше зависит от конкретного труда и все больше и больше от объема накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей. На более глубинном уровне новой социальной реальности производственных отношений в их прежнем виде не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет возможность беспрепятственного обращения, тогда как труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубокого противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия» (Иноземцев В.Л. 1999, с. 502-503). Эта мысль требует не только осмысления, но и проверки на истину. Однако фактом остается то, что эти изменения являются существенной реальностью, в которой современный мир находит свое развитие и свое ограничение. Учение Вернадского о ноосфере, пожалуй, получило свое яркое выражение. Поэтому идеология, являясь формой отражения ин-

формационной экономики, должна выступить объектом более тщательного изучения науки об экономике.

Возникает идеология как стихийно, так и организовано.

В первом случае доминирующими будут неформальные нормы, отражающие генетические изменения страны, региона. Их закрепление потребует формализации социально-экономических отношений. Во втором случае опорой на изменение среды будут неформальные правила, законы, которые будут способствовать изменению традиций, побудительных мотивов, норм. Институциональные конфликты, возникающие при этом далеко не всегда разрешаются положительно с желаемым эффектом. Пример – новая экономическая реформа, которая пока не достигла по целям даже 90-х годов.

В структуре идеологии различные компоненты имеют свой век существования, после чего может начаться процесс «трения» между несовместимыми институциональными свойствами. Если взять, например, такие государства, как Беларусь, Россию, Украину и другие, которым до сих пор не удается выйти на эффективный путь развития, то одна из причин такого положения заключается в отсутствии адекватной и цельной идеологии в этих государствах. И дело не только в том, что не учитываются историко-культурные особенности этих стран. Проблема состоит еще и в том, что общая идеология складывающейся системы есть составляющая разных ее сторон и уровней, о которых известно обществу. И хотя, безусловно, должно быть их соответствие даже по закону гармонии, к которому стремится любая система, включая общественную, создатели новых государственных систем, к сожалению, этого не обеспечивают. Общая идеология разветвляется как бы в ряд частных, сохраняющих каждая по себе в той или иной форме основной, философский компонент общей национальной идеологии. В свою очередь, стержнем последней выступает политико-экономическая доктрина страны, разработка которой предполагает учет многих составляющих, включая сложившуюся в мировой экономике расстановку сил, изменения в технологических способах производства и их использование, трансформацию в структуре собственности как на мировом, так и на национальном уровнях, динамику отношений распределения и некоторые другие компоненты. Таким образом, молодые демократические государства натолкнулись в своих намерениях к лучшему на то, с чем начинали бороться, — с преодолением или уничтожением старой социалистической идеологии и образовавшимся вакуумом в области общей стратегии развития, которая фиксируется в ... этой же идеологии страны. Парадокс обнаруживается лишь в том, что разрушение прежнего института идеологии начиналось сверху, формально и весьма решительно. Достаточно же образованному обществу, выработавшему и впитавшему за десятилетия прежнюю систему ценностей, определявших нормы поведения людей, не было предложено соответствующей замены технологических, культурологических, экономических и других ценностей и ориентиров, позволивших бы этим людям реализовать свой профессиональный уровень и чувствовать себя лучше, комфортнее, защищеннее, материально обеспеченнее. В качестве альтернативы прежней идеологии была предложена достаточно абстрактная формулировка времен

А. Смита, без учета национальных исторических традиций, развития, сложившихся культурных и экономических связей.

До 50-х гг. XX в. никто не ставил под сомнение ограниченность и невоспроизводимость природных ресурсов. В то же время в теории «факторов производства» труд описывался никак не более, чем обычный фактор производства. Кстати сказать, это последнее обстоятельство было предопределено существовавшей на тот период идеологией, согласно которой считалось, что лучше уравновесить фактор труда и капитала, чем способствовать разрешению нарастающих противоречий между ними, о чем писал Маркс. Сегодня уже никто не сомневается в том, что более эффективным являются вложения в труд. Но отношение к факторам производства с позиций принципа взаимодополняемости позволяет институционально реализовать на практике социальное партнерство между трудом и капиталом. Свобода политическая и экономическая – это разные уровни человеческих отношений. Риторика о равной экономической свободе между трудом и капиталом, по крайней мере, должна быть умеренной...

Не всегда свобода также выступала человеческой ценностью. «...Несвободные работники, — пишет Л. Мизес о периоде рабства, — привыкли к своей зависимости и не воспринимали ее как зло» (Мизес Л. 2000, с. 27). В период же становления рыночной экономики свобода выступила как одна из важнейших ценностей, подталкивающая к социальным превращениям и увеличению своего пространства. То же можно сказать о равенстве — неравенстве, о критерии социальной справедливости. Переход от зависимости к свободе может быть воспринят человеком не как благо. Неумение реально в жизни осуществлять свой выбор в условиях свободы, приведет к росту издержек разного рода, к падению объемов производства и социально-политическим конфликтам.

Степень отклонения частных идей различных социальных групп и классов, отдельных людей от официальной доминирующей идеологии характеризует целостность и стабильность общества, его экономическую устойчивость. Чем меньше степень отклонения, тем выше экономическая и социальная общность страны, выше его хозяйственная культура. В свою очередь эти отклонения влияют на выбор организационных форм и культуру. Вот одна из причин того, почему в социалистической модели экономики были неприемлемы многие выводы из западной теории менеджмента. Преобладание в идеологии США индивидуализма, а в Японии коллективизма отличают «американский стиль управления» от «японского» с соответствующим теоретическим обоснованием и, естественно, результатами.

Правильная оценка значения идеологии в системе общественных институтов позволяет осуществлять и лучший выбор в направлении инвестиционной политики. Например, общественный порядок можно достигать как через образование, так и с помощью правоохранительных органов. И то и другое требует каких-то затрат. Но лояльность населения к существующему общественному порядку, поддерживаемому с помощью правоохранительных органов, может уменьшиться даже при росте затрат на эти органы. И это будут чистые издержки общества. Затраты же на образование обеспечат не только общественный порядок, но и повысят трудовой потенциал страны, ее культуру. Может быть, это и не всегда так, но, по крайней мере, учет идеологии в таких расчетах, позволяет сделать оптимальный выбор проекта.

Надо отметить, что выработка новой идеологии, с которой можно было бы уверенно войти в XXI в., это не только проблема постсоциалистических государств. Уже не один кризис, в том числе и идеологический, был преодолен тем или иным способом западным обществом. Но это были кризисы локального характера, когда не требовалось смены фундаментальных основ общества как целостной и сложной системы, испытывающей уже на протяжении нескольких последних десятилетий серьезные «перегрузки», проявления которых крайне различны. Сегодня экономисты, кроме уже известных и признанных «внешних эффектов» рынка, занимаются *категорией транзакционных издержек как отражением одного из проявлений «перегрузок» этой общественно-экономической системы. Самый общий вывод, который можно пока сделать из теории транзакционных издержек, состоит в том, что разделение труда и обменные операции, на которых основывается хозяйственная деятельность в рыночной модели, приводят к огромным нерациональным с точки зрения общественно полезного эффекта затратам.* Но, думается, что проблема транзакционных издержек для более плодотворных и конкретных выводов нуждается прежде всего в смене методологии и подходов к ее позитивному разрешению. «И рынки, и правительство, — пишет Дж. Бьюкенен, — терпят провалы, и нет никакой благосклонной «мудрости». Человек 70-х попал в ловушку дилеммы. Он понимает, что две «великие альтернативы», «laissez-faire» и социализм, умирают, и вряд ли можно ожидать их возрождения» (Бьюкенен Дж. 1997, с. 430).

Как же проникает идеология в экономику, в теорию?

Прежде всего, проникновение идеологии в экономику осуществляется через общепринятую парадигму теории, которая пытается тем или иным способом объяснить закономерности происходящих экономических явлений и процессов. В любую парадигму встраивается ряд аксиом, которые как бы очевидны и принимаются без доказательств. Но именно эта «очевидность» держится на витающей в обществе гипотетической и интуитивной вере. И хотя «очевидность» при самом беглом анализе оказывается наиболее уязвимой с точки зрения логики, все же она очень живуча в представлении и предрассудках людей. Второй путь проникновения идеологии в экономику — это существующие теории. Дело в том, что в самой теории через ее парадигмальную основу уже закладывается элемент идеологии. Поэтому все последующие рассуждения и умозаключения, выводы, безусловно, будут иметь идеологический общий знаменатель или оболочку. По заранее оговоренным и принятым научным канонам теория не только позволяет более четко оформить, а иногда и «научно» обосновать идеологические принципы, но и закрепить их в рассудке людей целостной концепцией или теоремой. В-третьих, система образования распространяет полученные научные знания в широкую массу людей, которые в последующем будут работать в различных экономических сферах. «Переучить» таких людей, когда меняется идеологическая ориентация, крайне трудно, если вообще возможно. Опять-таки для подтверждения можно обратиться к социологическим данным, фиксирующим крайне медленную трансформацию в сознании людей различных ценностей и идеалов.

Огромнейшие возможности идеологического проникновения во все сферы человеческой деятельности открылись через современные средства массовой информации, компьютерной техники, информационных

технологий. Но использование этого канала может быть и разрушителем любой идеологической схемы. В свою очередь через современные информационные технологии можно навязывать такую идеологию, которая выгодна небольшой олигархической группировке и которая вовсе не следует из текущей объективной ситуации. То есть в данном случае речь идет о ненаучной идеологии. Приблизительно такая же позиция наблюдается во взаимоотношениях между транснациональными компаниями, владеющими средствами массовой информации, и развивающимися странами. Нет смысла ставить вопрос по-старому, кто здесь виноват. Более продуктивно ставить вопрос о решении этой проблемы. Но, думается, в первую очередь необходимо адекватное восприятие текущих мировых процессов, включающих и мощное идеологическое воздействие политической, научной элиты этих стран и всех сил, которые влияют на внешнюю и внутреннюю политику.

Идеология *современной мир-экономики*, безусловно, отличается по содержанию от национальных государств, скажем, в 30—40-е гг. XX столетия, когда преобладала *континентально-страновая идеология*. В целом же механизм «работы» идеологии в экономике чрезвычайно сложен, и он зачастую невидим и поэтому игнорируется. Естественно, и внимание теоретиков, политиков, хозяйственников и потребителей к этому крайне влиятельному компоненту отвлеченное или вовсе незначительное. Но можно однозначно сказать, что эпоха «чистого экономизма» со своими критериями эффективности и другими расчетами закончилась еще в начале 30-х гг. XX в. Плотность экономического поля, опосредованная углублением разделения труда, возникновением новых технологий, интенсивным освоением сокращающихся ресурсов, предельным уровнем использования трудового потенциала с его мотивацией, обусловила его столкновение с областью, или с полем, социально-культурных и нравственно-этических отношений. С одной стороны, это противоречие требует затрат разного порядка (не только экономических) для своего разрешения. С другой стороны, высокая плотность экономического поля затрудняет, что называется, свободный выбор производителя — потребителя для своего рационального и оптимального действия. В-третьих, эффективность использования ресурсов в заданной или привычной модели снижается из-за роста трансакционных издержек. Так или иначе, однако, вовсе не случайно Д. Норт в качестве одного из ключевых направлений развития экономической теории выделил направление теории идеологии. Вопрос не только в том, что всякая новая модель хозяйствования, известная истории, вначале фиксировалась в идее. Вопрос уже в том, чтобы аккумулировать силы для скорейшей выработки принципиально новой парадигмы социально — экономического развития, поскольку плодотворных, но разрозненных идей на протяжении веков уже было высказано довольно немало. Необходимо их обобщение и синтез. Тому подтверждением, например, является теория собственности, в которой как бы признается «плюрализм» существования ее различных форм без плюрализма теоретической оценки.

Если идеология пронизывает все сферы общественно-экономической деятельности человека, то, очевидно, что *и в процессе анализа* этот компонент не должен не только из него исключаться, но и прямо или косвенно имплантироваться в теорию. «Отношение между личностью и обществом, — пишет Дж. Бьюкенен, — в большей степени является основным вопросом политической философии, чем экономики. Но лю-

бой экономист, пытающийся пролить свет на эту взаимосвязь, неизбежно вторгается в пределы философии — глубочайшей области научного познания» (Бьюкенен Дж. 1997, с. 18). Конечно, все это не так просто, поскольку экономическая наука, во-первых, не имеет опыта и традиций инструментального анализа экономической системы в контексте ее идеологического выражения. Во-вторых, идеология в силу своей специфики сама по себе крайне сложно поддается формализации без существенных потерь своего содержания. Однако сложность такой процедуры не должна исключать идеологию из среды экономического поля в теории и практике.

Беларусь как геополитическая, экономическая и культурная национально-государственная единица имеет большие ограничения в выборе экономических и политических форм своего существования. Ее *политика выбора* требует научного осмысления не только своей истории, но и практики, которая является следствием уже выбранной позиции. Какова это была позиция, как она закладывалась, реализовывалась, как она будет трансформироваться в будущем — дело очень непростое и не может быть познано без научного освоения. И вот как раз последнее, т.е. исследование «самих исследований», что входит в *предмет метатеории*, требует самой серьезной проработки. Преодоление кризиса возможно только преодолением заблуждений и преодолением теоретического кризиса. «В нынешних обстоятельствах нет ничего более важного для каждого мыслящего человека, чем экономическая наука. На карту поставлены его собственная судьба и судьба его детей. ... Экономическое знание представляет собой существенный элемент в структуре человеческой цивилизации; оно является фундаментом, на котором стоят современный индустриализм, а также все нравственные, интеллектуальные, технологические и терапевтические достижения последних столетий. Оно оставляет на усмотрение людей, воспользуются ли они должным образом богатством этого знания или оставят его неиспользованным. Но если им не удастся извлечь из него выгоду и они пренебрегут его учениями и предупреждениями, то они не только аннулируют экономику; они истребят наше общество и род людской» (Мизес Л. 2000, с. 824, 830). Сегодня идеология, основанная на методе хаоса и здравого смысла, является, пожалуй, самой разрушительной для экономики и общества в целом. Ньютону удалось сконструировать свои известные законы физики благодаря некоторой четкости религиозного учения, идеи о сотворении мира. Современные экономисты ушли от проблемы сотворения мира, отстранились от нравственно-этических норм поведения людей, не воспринимают в выборе своих теоретических конструкций историко-социального контекста и духовного мира общества (Лемещенко П.С., Голубев К.И. 2014, с. 159-167). В итоге аналитический инструментарий, построенный на жестко детерминированной и утилитарной экономической рациональности, при всей своей кажущейся стройности, строгости и последовательности просто не имеет практического смысла. Ведь любое начинание и любая реформа начинаются с критики прежней хозяйственной системы, безусловно, имеющей некую идеальную картину, и генерирования, выработки новой идеи, приобретающей при дальнейшей научной разработке парадигмальное выражение и теоретическое завершение. В этом смысле выработка новой идеологии современной реформы представляет собой, прежде всего, научную проблему по выработке новой парадигмы и, следовательно, новой или видоизмененной

экономической доктрины. Так было, например, во времена промышленной революции, так было в период Великой депрессии, так было в эпоху влияния монетаризма и такова же задача стоит сейчас.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Бьюкенен Джеймс Макгилл. Нобелевские лауреаты по экономике. Избранные труды / Пер. с англ. М., 1997.
2. Иноземцев Владислав. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. – 640с.
3. Карамзин Николай. История Государства Российского. М., 1987.
4. Кейнс Джон Мейнард. Общая теория занятости, процента и денег // Избранные произведения. М., 1993.
5. Кейнс Джон Мейнард. Трактат о денежной реформе // Избранные произведения. М., 1993.
6. Кондратьев Николай. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М., 1991.
7. Лемещенко Петр, Голубев Константин. Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество // Философия хозяйства. – 2014. – № 1 (91). – С. 159-167.
8. Лемещенко Петр. Исторический тренд и современные ограничения институциональной динамики // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – 2016. – № 1 (4). – С. 49-61.
9. Мизес Людвиг. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000. – 878с.
10. Норт Дуглас. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
11. Осипов Юрий и др. Экономическая теория на пороге XXI века - 5: Неоэкономика / Под ред. Ю. М. Осипова, В. Т. Белолипецкого, Е. С. Зотовой. М., 2001. – 624с.
12. Эрроу Кеннет. Информация и экономическое поведение. – Вопросы экономики. – 1995. – № 5. – С. 98-117.

PIOTR LIAMESCHANKA

THE CONCEPT OF IDEOLOGY IN THE ECONOMY: HISTORICAL THEORETICAL CONTEXT

Author affiliation. Piotr Liameschanka (Liamp@bsu.by), Doctor of Economics, professor, Head of Theoretical and Institutional Economics Department of the Belarusian State University. Belarus, Minsk, Karl Marx St., 31. +3750172223601

Abstract. Ideology is an internal component of any socio-economic system. An effective model of economy can be that one which has a central idea and its clear expression, which is supported by most citizens as consumers, producers, voters, political, scientific and cultural elite. The history of the economic science is the history of evolution and transformation of ideas that reflected direction and method of social organisation of production, as well as principles, norms, behaviours, and relationships of people who achieved their objectives through activities.

Keywords: institution, economy, development, ideology.

UDC 330.1 (075.9)

Статья поступила в редакцию 17.09.2016г.

УСТОЙЧИВЫЙ БАНКИНГ: AD OVO

Статья посвящена малоисследованному феномену современной финансовой системы, получившему название «устойчивый банкинг». Его история и проблемы современного развития привлекают внимание все большего числа ученых и политиков разных стран. В статье проанализирован широкий круг оригинальной исторической литературы, посвященной религиозным основам финансово-экономического развития европейского общества, раскрыты процессы зарождения и эволюции феномена устойчивого банкинга. Авторы делают вывод о том, что сохранение и расширение социальных основ устойчивого банкинга, подпитываемых сохранившими свою жизненность религиозными учениями и практиками, открывает новое направление для поиска эффективных посткризисных бизнес-моделей в финансовой сфере.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивый банкинг, ростовщичество, процент, ломбарды, «банки милосердия», кредитные кооперативы, сберегательные институты.

УДК 330.341

Канаев Александр Владимирович (a.kanaev@spbu.ru), доктор экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, экономический факультет, профессор кафедры теории кредита и финансового менеджмента. Россия, 191123, ул. Чайковского, 62, Экономический факультете СПбГУ +7 812-272-78-21

Канаева Ольга Алексеевна (o.kanaeva@spbu.ru), кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, экономический факультет, заведующая кафедрой экономической теории и социальной политики. Россия, 191123, ул. Чайковского, 62, Экономический факультете СПбГУ +7 812-273-52-25

Mutuuum date, nihil inde sperantes
И займы давайте, не ожидая ничего
Евангелие от Луки 6:35

«Весь день милует и в заимъ даетъ праведный,
и племя его благословлено будет. Уклонися
от зла, створи добро, визици мира и пожени,
и живи в вѣкы вѣка»
Почтение Владимира Мономаха (ок. 1100 г.).

Устойчивое развитие и устойчивый банкинг

Появление идей устойчивого развития связано с публикацией получивших широкий резонанс докладов Римского клуба («Пределы роста» (Meadows D. et al., 1972), «Человечество на перепутье» (Mesarovic M,

Pestel E., 1974), «За пределами роста» (Meadows D. et al., 1988), основополагающих материалов Конференции ООН по окружающей среде в Стокгольме (UN Conference on the Human Environment, 1972) и Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (UN Conference on Environment & Development, 1992), а также документов Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию (World Commission on Environment and Development), касающихся будущего планеты и охраны окружающей среды. В 1987 г. Комиссия, возглавляемая премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд (Gro Harlem Brundtland), опубликовала доклад «Наше общее будущее», в котором появилось первое формальное определение понятия «устойчивое развитие» ("sustainable development"): «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» (Our Common Future, 1987, 41). Позднее Всемирный банк предложил более практико-ориентированное (операционное) определение, согласно которого: «устойчивое развитие – это процесс управления портфелем активов с целью сохранения и расширения человеческих возможностей. Устойчивое развитие включает в себя экономическую, экологическую и социальную устойчивость, которая достигается путем рационального управления физическим, природным и человеческим капиталом» (Soubotina T., 2000, p.106).

Параллельно активно шло проникновение идей устойчивого развития в ряды мирового бизнес-сообщества. За время, прошедшее после работы Стокгольмской Конференции, оно выступило с целым рядом деклараций о намерениях, добровольных обязательств и инициатив, заключило важные международные корпоративные соглашения, связанные с созданием определенных организационно-экономических и финансовых механизмов, руководств и стандартов, направленных на практическую реализацию принципов устойчивого развития, экологической и социальной ответственности бизнеса, и открытых для присоединения или участия компаний и финансовых институтов из различных государств. Среди инициатив финансовых институтов в области устойчивого развития следует выделить следующие:

- Финансовая инициатива Программы ООН по окружающей среде (UNEP Finance Initiative) – глобальное партнерство между UNEP (United Nations Environment Programme) и финансовым сектором, созданное в 1992 г. целях содействия финансовым институтам в вопросах интеграции принципов устойчивого развития и охраны окружающей среды в их деятельность. В 2010 г. с целью популяризации вышеуказанных инициатив в банковском секторе UNEP была создана Банковская комиссия;

- Декларация Коллевеккьо о финансовых организациях и устойчивом развитии (The Collevocchio Declaration on Financial Institutions and Sustainability). Проект этого документа был подготовлен некоммерческой организацией Banktrack (создана в 1996 г.) и представителями более 100 других НКО, включая WWF Великобритании и WWF Италии, в итальянском городе Коллевеккьо. Декларация была представлена широкой публике на Давосском форуме в январе 2003 г.;

- Сеть инвесторов по климатическим рискам (Investor Network on Climate Risk, INCR) – созданное в ноябре 2003 г. объединение (сеть) американских институциональных инвесторов и других финансовых институтов, целью которого является содействие лучшему пониманию

финансовых рисков и инвестиционных возможностей, связанных с изменением климата;

- Принципы ответственных инвестиций ООН (UN Principles for Responsible Investment, UN PRI) – добровольные принципы, отражающие растущую актуальность вопросов экологического, социального и корпоративного управления (ESG) при принятии инвестиционных решений. UN PRI были разработаны в 2005 г. по инициативе Генерального секретаря ООН Кофи Аннана и в апреле 2006 г. были представлены на Нью-Йоркской фондовой бирже;

- Принципы Экватора (Equator Principles, EP) – добровольный стандарт финансовой отрасли, предметом которого является управление социальными и экологическими аспектами сделок по проектному финансированию. EP применяются к любому новому финансированию проектов, которые осуществляются в любой точке земного шара и в любой отрасли и общие проектные капитальные затраты по которым составляют не менее 10 млн долл. США. Финансовые институты, принявшие Принципы Экватора (EPFI) используют их в целях обеспечения того, чтобы финансируемые нами проекты разрабатывались на принципах социальной ответственности и в соответствии с разумными практическими методами управления окружающей средой. Первоначальный вариант был создан в 2003 г. десятью крупнейшими банками в сотрудничестве с дочерней структурой Всемирного Банка Международной финансовой корпорацией (International Financial Corporation, IFC). В последствие в 2006 г. и 2013 г. вышли уточненные версии Принципов.

Устойчивый банкинг. Как можно убедиться, к сегодняшнему дню проблематика устойчивого развития охватывает национальный, региональный, отраслевой и корпоративный уровни хозяйственной деятельности и занимает ведущие позиции в списке наиболее актуальных тем социально-экономических исследований. В определенной мере это касается и перспектив развития банковского бизнеса. Впервые термин «устойчивый банкинг» был использован в докладе «Устойчивый банкинг для бедных: всемирная инвентаризация микрофинансовых институтов» (World Bank, 1997) применительно к деятельности институтов микрофинансирования, которые с этого момента прочно ассоциируются с новой, социально-ориентированной бизнес-моделью финансовой деятельности. Однако данный доклад не содержит формального определения устойчивого банкинга, ограничиваясь лишь упоминанием о социальных услугах, оказываемых лицам с низкими доходами. Это, видимо, можно объяснить относительной новизной проблематики устойчивого развития для финансовой сферы и отсутствием теоретических разработок в этой области исследований. Действительно, вышедшая вскоре монография Дж. Боума, М. Джеукена и Л. Клинкерса «Устойчивый банкинг: озеленение финансов» также не содержит точного определения этого финансового феномена (Bouma J. et al., 2000). Это характерно и для других авторов, в центре внимания которых оказываются отдельные темы, касающиеся реализации идей устойчивого развития в практике отдельных банков: банковские политики развития; прозрачность и коммуникации с заинтересованными сторонами; инвестиционные природоохранные фонды, экологические риски и их влияние на банковские продукты и услуги; деятельность многосторонних банков (институтов) развития и др.

В последние годы наметилась тенденция к использованию широко и узкого подходов к анализу содержательных аспектов деятельности устойчивых банков. Расширительная трактовка представлена в Декларации Коллежкво о финансовых организациях и устойчивом развитии. Её суть заключается в том, что финансовые институты могут и должны играть положительную роль на пути к экологической и социальной устойчивости путем предоставления финансовых услуг и ответственного ведения бизнеса. Для этого финансовые институты должны пересмотреть свои миссии, перейдя от приоритета получения максимальных прибылей к видению социальной и экологической устойчивости, приверженности принципам устойчивости, что «требует от них учитывать соображения пределов экологического потенциала, а также социальной и экономической справедливости в корпоративных стратегиях и основной деятельности (включая кредитование, инвестиции, андеррайтинг, консультирование), а также активно стремиться к финансированию деятельности, способствующей устойчивому развитию» (The Collevocchio Declaration, 2003, 2).

Узкая трактовка также достаточно широко представлена в литературе. Многие авторы используют понятие «устойчивый банкинг» в качестве обобщённого термина, охватывающего группу особых кредитных организаций – социальных, солидарных, ответственных, этических или альтернативных банков. Их объединяет общее стремление «оказывать положительное влияние на людей и окружающую среду посредством банковских продуктов и услуг» (Weber O., Remer S., 2011, 2). К наиболее крупным из них относятся: Alternative Bank Schweiz (Швейцария), Banca Etica (Италия), Charity Bank, Ecology Building Society (Великобритания), Clann Credo (Ирландия), Cultura Bank (Норвегия), Ekobanken (Швеция), GLS Bank, GLS Treuhand, Umweltbank, Ethikbank, Hannoversche Kassen (Германия), La NEF (Франция), Merkur Bank (Дания), Triodos Bank (Нидерланды).

Данные институты специализируются на финансировании таких социально и экологически значимых проектов, как строительство социального жилья, повышение энергоэффективности, улучшение социально-гигиенических условий и т. п., во многих случаях предоставляя кредиты по ставкам ниже среднерыночной величины (Pure Profit for Russia, 2010, 95–96). Устойчивые (социальные) банки осуществляют финансирование предприятий сельского хозяйства и производителей биопродукции («зеленые» кредиты, экологический лизинг), а также демонстрируют высокую прозрачность своих финансовых операций и социальную ответственность в отношениях с клиентами и собственными сотрудниками. Важным инструментом деятельности этих банков являются депозиты и депозитные сертификаты устойчивого развития (часто низкопроцентные), которые по желанию вкладчиков могут быть использованы целевым образом в качестве источников ресурсов для конкретных социально и экологически эффективных кредитов, и инвестиций.

Отдельно нужно сказать о деятельности многочисленных микрокредитных организаций, начало которой связано с операциями Grameen Bank (с октября 1983 г.), ставшего в 2006 г. совместно с его основателем Мухаммедом Юнусом (проф. Muhammad Yunus разработал проект микрокредитования в 1976г.) лауреатами Нобелевской премии мира. Банк был создан для финансирования малообеспеченных слоев населения

в сельских районах Бангладеш. В настоящее время термин «микрофинансирование» охватывает как практику выдачи мелких и мельчайших кредитов людям с низкими доходами, так и некоторые другие виды финансово-банковских услуг – прием мелких сбережений и страхование жизни. Несколько особняком стоят другие социальные финансовые институты, получившие название исламских банков (араб. *مصرف إسلامي*), отрицающих взимание процента и строящих отношения с клиентурой на принципах Шариата (араб. *شريعة*). Первым из них стал сберегательный банк, созданный 1963 г. в египетском городе Мит Гамре египетским финансистом доктором Ахмед-аль-Наджаром. Этот банк не начислял и не платил процентов, накопленные на счетах средства инвестировались в торговлю и промышленность, а полученная прибыль делилась между вкладчиками. С возникновением банка принято связывать начало развития современной исламской банковской системы.

При всей кажущейся нетрадиционности и даже некой «экстравагантности» подобного рода кредитных организаций их влияние, особенно в кризисные годы, неуклонно возрастает, а динамика финансовых показателей ведущих институтов не уступает лидерам обычных коммерческих банков. Во многом это объясняется привлекательностью данной бизнес-модели банковской деятельности для клиентуры и общества в целом, определяемой опорой на морально-этические принципы ведения хозяйства, имеющие глубокие исторические корни в Европейской и Исламской цивилизациях.

Деятельность «банков милосердия»

Религиозный запрет на взимание процента. Ключевым моментом, объясняющим причины возникновения и проблемы развития исторически первых социальных (устойчивых) банков, является однозначное отрицательное отношение христианской религии к ростовщичеству (взиманию процента по любым кредитным сделкам). Истоки этого запрета восходят к моральным требованиям и установкам иудаизма, зафиксированным в Ветхом Завете (евр. Танахе). Библия безусловно запрещает процент по кредиту любого вида (Втор. 23:19 «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост»), безотносительно к его размеру, высокому или низкому. При этом Ветхий Завет обращает внимание на нравственную обязанность поддержать впавшего в нужду израильянина-эзраха ('ezrah) или живущего рядом с ним и пользующегося покровительством иудейской общины иноплеменника пришельца-гера (ger) и поселенца-тошаша (twšb): «Если брат твой обеднеет и придет в упадок у тебя, то поддержи его, пришлец ли он, или поселенец, чтоб он жил с тобою. Не бери от него роста и прибыли и бойся Бога твоего; чтоб жил брат твой с тобою. Серебра твоего не отдавай ему в рост и хлеба твоего не отдавай ему для получения прибыли» (Лев. 25:35–37).

Кроме того, запрещается не только взыскивать сам процент (Втор. 23:19, Лев. 25:35–37, Исход. 22:25, Иезек. 18:8,17), но и как-либо притеснять должника: требовать залога необходимых вещей (Исход. 22:26–27), насильственно изымать заложенное движимое имущество (Втор. 24:10–11), обращать кабального должника в раба (Лев. 25:39–40 «Когда обеднеет у тебя брат твой и продан будет тебе, то не налагай на него работы рабской. Он должен быть у тебя как наемник, как поселенец; до юбилейного года пусть работает у тебя»). Отчуждение заложенной земли,

которое часто сопровождало кредитные сделки, допускалось только на определенный срок («Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля... по всей земле владения вашего позволяйте выкуп земли» (Лев. 25:23–24)), а в юбилейный (субботний) год устанавливалось полное погашение задолженности и происходило её возвращение собственнику – полноправному гражданину-эзрачу.

Если внутриплеменная солидарность и благожелательное отношение к бедным иноземцам обуславливали полный запрет на взимание процентов (Лев. 25:35–37), то отношение к зажиточным слоям поселенцев-герим и приезжим иностранцам-нохрим были другими. Чужак нохри (пкгу) находился на более низкой ступени общественной лестницы, чем гер или тощав, прежде всего потому, что его не защищал закон и он не мог рассчитывать на льготы и привилегии оседлых герим и тошавим. В силу этого граждане могли давать нохрим деньги в рост (Втор. 23:20 «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост»), а в юбилейный год закон прямо указывал: «у нохри взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости» (Втор. 15:3).

Такое положение вполне закономерно, поскольку в древнем мире отношение к чужакам всегда было довольно жестким. Они не имели гражданских прав, им запрещалось иметь земельную собственность, а также участвовать в религиозных праздниках наравне с гражданами и т.п. С другой стороны, инородцы занимались торговлей и ростовщичеством. Это подтверждается содержащимся в Библии проклятием, которое может постигнуть нарушившего заповеди иудея: «Пришелец, который среди тебя, будет возвышаться над тобою выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже. Он будет давать тебе займы, а ты не будешь давать ему займы; он будет главою, а ты будешь хвостом» (Втор. 28:43–44). И более того, вполне возможно, что гражданин-эзрач может оказаться в силу этого в долговой кабале: «Если пришлец или поселенец твой будет иметь достаток, а брат твой пред ним обеднеет и продается пришельцу, поселившемуся у тебя, или кому-нибудь из племени пришельца: То после продажи можно выкупить его; кто-нибудь из братьев его должен выкупить его» (Лев. 25:47–48).

Эта доктрина за некоторыми уточнениями сохранилась в талмудический период и в более поздние времена. Кроме того, она стала основой исламской и христианской теологии и права. Ранняя христианская церковь признавала авторитет Ветхого Завета и стремилась четко следовать новозаветным императивным установкам взаимопомощи и запрета на ростовщичество: «Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5:42), «Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. ...И если займы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же» (Лк. 6:30–34). Такие религиозные авторитеты как Климент Александрийский (ок. 150 – ок. 215гг.), Тертуллиан (155/165–220/240 гг.), Киприан Карфагенский (ум. 258г.), Аполлоний Эфесский (конец I – начало II в.), Лактанций (ок. 250 – ок. 325 гг.), Иларий Пиктавийский (ок. 315 – 367гг.), Василий Великий (ок. 330 – 379 гг.), Амвросий Медиоланский (ок. 340 – 397 гг.), Иоанн Златоуст (ок. 347 – 407гг.), Иероним Стридонский (342–419гг.), Августин (345–430гг.) опираясь на эти императивы категорически осуждали ростовщичество в виду его несовместимости с христианской любовью и моралью. Папа Лев I Великий (понтификат 440–

461г.) четко обозначил отношение христиан к ростовщичеству “Fenus rescupiae, funus est animae” («Ростовщическая прибыль в деньгах – погибель души»).

Запрет на взимание процентов нашел отражение в правилах (канонах) христианских Вселенских и поместных соборов. Так, поместный Эльвирский собор (305 г. или 306 г., современная Гранада) составил перечень канонов в отношении церковного и нравственного благочестия, среди которых выделим 20 канон, гласящий: «Если кто-либо из духовенства занимается ростовщичеством, пусть он будет осужден и извержен. Если мирянин пойман за ростовщичеством, он может быть прощен при условии, что обещает прекратить эти дела. Если он продолжит это зло – да будет изгнан из церкви» (The Council of Elvira).

Это был первый собор, на котором осуждалась пагубная ростовщическая деятельность не только священнослужителей, но и мирян. Следующие два собора, в Арле (314г.) и Никее (325г.) мирян уже не упоминали, а содержали каноны, строго запрещающие ростовщичество только для духовенства. Последующие соборы I тыс. в Карфагене (345–348 гг., 397 г., 398 г., 401 г.), Лаодикии (364г.), Таррагоне (516 г.), Константинополе (VI Вселенский собор 680–681 гг. и Трульский собор 691–692гг.), Эксе (789 г., 816 г.), Париже (829г.) и др. постоянно возвращались к запрету ростовщической деятельности во всех его видах для всей церковной иерархии.

Поместные соборы в первые столетия II тыс. и папы продолжали бороться против ростовщичества доступными церкви средствами: исповедью, проповедью, воззваниями к вмешательству светских властей:

- II Латеранский собор (1139г.), созванный папой Иннокентием II (понтификат 1130–1143гг.), ввел универсальный запрет на практику ростовщичества для клира и мирян. 13 канонами собор заклимал свирепую жадность ростовщиков и лишил их, если они не покаются, церковного утешения и христианского погребения (The Second Lateran Council);

- на III Латеранском соборе (1179г.) по инициативе папы Александра III (понтификат 1159–1181гг.) ростовщичики были фактически отлучены от Церкви: «Мы повелеваем, чтобы заведомые ростовщичики не допускались к причастию и, если они умрут, пребывая в своем грехе, чтобы их не хоронили по христианскому обряду» (25 канон) (The Third Lateran Council);

- IV Латеранский собор (1215) («Великий собор»), проходивший под председательством папы Иннокентия III (понтификат 1198–1216 гг.), по сути, легализовал ростовщическую деятельность евреев, но жестко предупредил их от взимания чрезмерного (гнетущего и неумеренного) процента с христиан под угрозой изгнания, а также потребовал, чтобы евреи платили местным церквям десятину за земли и иное имущество, которые прежде были во владении христиан (67 постановление) (The Fourth Lateran Council);

- на II Лионском соборе (1274г.) было постановлено, чтобы коммуны, корпорации и отдельные лица не позволяли иностранцам-ростовщикам нанимать помещения и вообще пребывать на их землях, но в течение трех месяцев изгнали бы их из своих пределов и не допускать этого впредь; запрещалось также кому бы то ни было отдавать им внаем дома за процент по кредиту. Нарушитель, если это был клирик, подлежал временному отстранению от должности, если мирянин, то подлежал изгнанию из церкви (канон 26). В 27 каноне провозглашалось, что

духовные завещания нераскаявшихся ростовщиков, т. е. ростовщиков, не вернувшим своим должникам процентов, объявлялись не имевшими силы (The Second Council of Lyon);

• Папа Климент V (понтификат 1305–1314гг.) на Вьеннском Соборе (1311–1312гг.) заклеил как ересь мнение о допустимости ростовщичества. Там же было предписано инквизиторам преследовать людей, утверждающих, что ростовщичество не грех: «Если действительно кто-то впал в заблуждение, осмеливаясь упрямо утверждать, что ростовщичество не греховно, мы постановляем, что он должен быть наказан как еретик, и мы строго предписываем местным ординариям и инквизиторам возбудить судебное дело против тех, кого они посчитают подозреваемыми в таком заблуждении, как в случае лиц, подозреваемых в ереси» (29 канон) (The Council of Vienne).

Появление «банков милосердия». XI–XIII века в Европе отмечены бурным ростом городов и связанных с ними торговли и ремесла. Эти процессы сопровождались появлением феноменов «нового богатства» (купцы, финансисты – «жирный народ», итал. *popolo grasso*) и «новой бедности» – сформировалась масса бедного городского населения («тощего народа», итал. *popolo minuto*). В этих условиях зародились и получили развитие монашеские ордена, обитающих уже не в сельской местности, а в городе – католические нищенствующие ордена, двумя главными из которых были доминиканцы и францисканцы-минориты (лат. *Ordo Fratrum Minorum* – «меньшие братья»). Они искали новые способы борьбы с богатством нарождающегося купечества и финансистов и, одновременно, стремились содействовать новым беднякам с помощью поощрения благотворительности и милосердных дел этого же класса.

Одной из целей ордена францисканцев была борьба против ростовщичества и его высоких процентов. Здесь в эпицентре их ожесточенной критики оказались, прежде всего, евреи, деятельность которых не подлежала церковному запрету. Их бизнес в большинстве городов Италии строился в соответствии с утвержденной властями долгосрочной лицензией, или хартией (*condotta*), определяющей порядок налогообложения доходов и предельные размеры ставки процентов по кредитам для горожан (для иных лиц ограничения не предполагались). Так, в середине XV в. в городах Умбрии ставка устанавливалась на уровне 42–60%, городах Тосканы – 30% и Венецианской округи – 10–12%. В некоторых городах на ставку влияли размер и обеспечение кредита. Здесь диапазон был достаточно широк 33–50% для необеспеченных кредитов и 10–12% – для обеспеченных (Botticini M., 1999, p.167–168).

Безусловно, такие проценты ложились тяжким бременем на плечи не только простых горожан, но средних слоев. Справедливости ради следует отметить, что не меньшую их ненависть вызывали христианские по происхождению и по вере кредиторы, уроженцы северной Италии и южного французского города Кагора, так называемые ломбардцы и кагорцы. Их ставки были даже выше – они не брезговали барышами в 43½ и часто 80% годовых (The Catholic Encyclopedia, 1913, p.535).

В этих условиях монахи францисканского ордена не только усиливают проповедь борьбы с ростовщичеством. Они призывают городские власти к созданию альтернативной кредитной организации с прямой целью поддержания бедных лиц и освобождения их из пучины ростовщичества (*vorigine dela usura*) и от приносимых им больших бедствий.

Для этого предполагалось выдать кредиты преимущественно бедным горожанам под залог движимого имущества по низким ставкам или вообще без процента, а получаемую прибыль направлять на увеличение капитала и снижение процентной ставки.

Эти организации получили от францисканцев название «банков милосердия» (“Monti di Pietà”), т. е. организаций, капитал которых состоял из добровольных пожертвований, а кредиты выдавались из сострадания (pietatis) и милосердия (caritas) – безвозмездно или под низкий процент. В Италии их также называли “Montes Christi”, “Monte della Carita”, “Mare di Pietà”, а в других странах, поскольку в Европе часто всех итальянцев называли ломбардцами, – ломбардские учреждения, или ломбарды. Сам термин “monte” (от лат. “mons” – большое количество, масса, куча, гора) широко использовался в Средние века для обозначения различных фондов, создаваемых для специальных финансовых (городские займы) и благотворительных целей.

Первая “Monte di pietà” была открыта в 1462 г. в Перудже францисканскими монахами Фра Варнавой да Терни (Varnaba da Terni, 1430–1474/77) и имевшим хорошую юридическую подготовку Фортунато Копполи (Fortunato Coppoli, 1430–1477), составившим его устав. Согласно другой версии создателями были Ф. Копполи и Фра Микеле да Каркано (Michele da Carcano, 1427–1484). В Великий пост 12 апреля 1462 г. вышел декрет (provvisone) об учреждении ломбарда. Свою деятельность он начал позднее 13 января 1463 г. уже после сбора необходимых средств. По иронии капитал в размере 1.200 флоринов был получен в качестве займа от еврейской общины, бизнес которых ломбард по замыслу создателей и должен был заменить (Moorman J., 1968, p.530).

Хотя слава творца идеи «банков сострадания» принадлежит Фра Варнаве да Терни, однако само движение по распространению ломбардов ассоциируется с деятельностью другого францисканца Фра Бернардина да Фельтре (Bernardino da Feltre, 1439–1494гг.), который за последние десять лет жизни способствовал учреждению 30 ломбардов на севере Италии. Всего в создании ломбардов активное участие приняли более 66 францисканских монахов, чьими стараниями было создано до конца XV в. 89 ломбардов по всей Италии (из них 20 только за 60-егг.). К столетию создания первого ломбарда их число достигло 214 (Menning C., 1992, p.66). Поддержку францисканцам оказывали и некоторые представители их критиков - доминиканцев.

Пламенная проповедь в Вербное воскресенье 1495 г. Джироламы Савонаролы (1452–1498гг.) привела к созданию в следующем году ломбарда в тогдашнем финансовом центре Италии Флоренции.

Известный итальянский историк и политический деятель Паскуале Виллари (Pasquale Villari, 1827–1917гг.), используя уникальные документы той эпохи, оставил следующее описание деятельности Дж. Савонаролы по созданию банка милосердия (ломбарда) во Флоренции: «И, в самом деле, нельзя было представить себе ничего более полезного для облегчения тяжелого положения бедного класса народа, как учреждение Ломбарда. Во Флоренции были тогда евреи, которые давали деньги в ссуду из 32½% со сложными процентами, так что взятые у них 100 флоринов вырастали чрез 50 лет в 49792556 флоринов с лишним. Все это возбуждало к ним страшную ненависть в народе, и последний уже несколько раз пытался как-нибудь помочь своему горю. ... Савонарола обыкновенно воздерживался от вмешательства в бесполезные споры

и никогда у него не срывалось с языка ни одного слова против евреев. Спрошенный по этому поводу жителями Лукки, он еще с мая 1493 года постоянно рекомендовал терпимость: не гнать их хотел он, а обратить в христианство. Когда народ возвратил себе свободу, он тоже стал проповедовать идею учреждения Ломбарда, и только ему одному и удалось основать его во Флоренции. 28 декабря 1495 года был проведен закон, который начинался так «Блажен тот, кто заботится о бедном и нуждающемся: в день гнева он будет помилован Господом». Далее высказывается возмущение против «зловредной бездны и гнуснейшего червя ростовщичества, от которого Флоренция страдает вот уже 60 лет». Наконец, приказывается избрать восемь граждан, которые бесплатно выработали бы устав Ломбарда. После этого все контракты с ростовщиками евреями должны были считаться потерявшими силу, и им давался год сроку, чтобы они могли выехать из Флоренции. 15 апреля 1496 года статут был готов, а 21-го и утвержден Великим Советом. В нем все было рассчитано на то, чтобы предоставить преимущества простому народу. Расходы на администрацию не должны были превышать 600 флоринов в год. Проценты, какие платил закладчик, колебались между 5–7½%: однако, он должен был поклясться, что пришел в Ломбард занимать деньги не для игры. В своем старании об учреждении этого Ломбарда Савонарола так благоволил народу, что сначала даже предполагал уплачивать содержание чиновникам из сумм коммуны, а ссуды выдавать без процентов. Это оказалось невозможным, но все же новый устав Ломбарда принес большое облегчение нуждающимся. Для этого не было никакой необходимости преследовать евреев и изгонять их из Флоренции, на чем одно время настаивали монахи-минориты. Савонарола и его последователи хоть и были несколько экзальтированы, но нетерпимыми не были никогда» (Виллари П., 2002, р.252–253).

Первые ломбарды появились в тех городах, где францисканский орден находил активную поддержку со стороны городских властей. В других центрах францисканские проповедники появлялись либо по приглашению городских властей, либо по указанию главы ордена или самого папы. Уставы ломбардов вырабатывались специально назначаемыми комиссиями из уважаемых горожан (*formatori*) и нотариев (*notarii*) при активном участии францисканцев. Устав получал одобрение со стороны городских властей в лице гонфалоньера или подеста, утверждался феодальным властителем, если ему был подчинен город, и папой. Так, в 1467 г. папа Павел II (понтификат 1463–1471гг.) своим брeве одобрил устав перуджийского ломбарда, несмотря на теологическую оппозицию в лице доминиканцев и августинцев, обвиняющих францисканцев в смертном грехе алчности и называющих ломбард «банком несправедливости» (*“Monte Impietatis”*). Следующие папы покровительствовали организации ломбардов. Многие уставы ломбардов были утверждены папами Пием II, Сикстом IV, Юлием III, Павлом III, Пием IV, Иннокентием VIII.

Итальянские ломбарды представляли собой независимые или муниципальные организации с весьма скромным поначалу штатом сотрудников, включающим управляющего (*depositarius*), хранителя залогов (*conservator*), нотариуса, глашатая публичных аукционов (*trambetta*) и аукциониста (*venditor*) невыкупленного имущества. Бухгалтерскую книгу (*libro di debitori e creditori*) вел счетовод. Предполагалось, что они будут работать безвозмездно или за весьма скромную плату (*honorarium*).

В дальнейшем сотрудники стали получать фиксированную плату или процент от прибыли. (Moorman J., 1968, p.532).

Необходимость погашения издержек и неудачный опыт работы некоторых первых ломбардов привели к тому, что их организаторам пришлось отказаться от беспроцентных кредитов и перейти к взиманию умеренного процента (4–12%) (The New Catholic Encyclopedia, 2003, 834). Известный историк Церкви Филипп Шафф отмечал следующую динамику процентных ставок: «В Перудже процент предоставляемых займов снизился с 12 в 1463 г. до 8 год спустя. В Милане в 1488 г. он сократился с 10 процентов до 5. Пять процентов взимались в Падуе, Виченце и Пизе, 4 – во Флоренции... Нет сомнения в том, что эти фонды были эффективны, и отчасти благодаря их существованию проценты по займам в Италии к концу XV в. сократились с 40 до 4 и 10» (Schaff Ph., 1910, 467). В 1515 г. Папа Лев X (булла “Inter multiplices” от 14.05.1515) и 10-я сессия V Латеранского собора (1512–1517гг.), официально одобрили практику взимания ломбардами умеренных процентов и пригрозили отлучением всем священникам, проповедующим или пишущим против данной практики.

Первоначально ломбарды предоставляли кредиты наиболее обездоленным слоям горожан, поэтому суммы займов были весьма скромными – в Перудже – шесть флоринов, в Губбио – четыре максимально на 6 месяцев. Постепенно сумма займа была увеличена в некоторых местах до 100 и даже до 1000 дукатов. На руки заемщик получал не более двух третей от суммы заложенного имущества. В случае невозврата займа залог продавался на открытом аукционе. Если вырученная сумма превышала задолженность, разница возвращалась собственнику. Капитал ломбардов формировался за счет частных пожертвований, денежных сборов с прихожан во время литургии и беспроцентных вкладов. Для поощрения вкладчиков им часто обещалось полное отпущение грехов сроком на 10 лет. В Губбио на все наследства начислялся налог в один процент в пользу местного фонда, а уклонение от его уплаты облагалось штрафом еще в один процент. В г. Спелло нотариус должен был напомнить завещателю, что он должен оставить что-нибудь для местного ломбарда.

С середины XVI в. (во Флоренции с 1533г.) ломбарды вынуждены были начать активное привлечение процентных вкладов от городского среднего класса. Их доходность составляла 5%, что позволяло получать маржу и увеличивать капитал ломбарда (Menning C., 1992, p.672). Позднее эта практика стала повсеместной, что привело к существенному увеличению ресурсной базы и позволило, наряду с бедняками кредитовать предпринимателей (ремесленников и купцов) на вполне достойных условиях в 8–10% годовых (The New Catholic Encyclopedia, 2003, 834; The Encyclopaedia Judaica, 2007, p.461). В результате благотворительные ломбарды постепенно стали превращаться в подобие муниципальных сберегательных банков.

Решения V Латеранского собора и папская булла 1515 г. запустили процесс создания благотворительных ломбардов, поддерживаемых местными властями, в католических странах. Первые ломбарды появились в Бельгии в 1534 г., в Германии в 1498 г., в Испании в 1702 г., во Франции в 1577 г. (The Catholic Encyclopedia, 1913, p.536). К 1896 г. только в Италии их насчитывалось 556. Позднее на их основе были созданы многие кооперативные народные банки, муниципальные и региональ-

ные розничные банки, среди которых следует назвать существующий поныне и считающийся старейшим в мире Banca Monte dei Paschi di Siena, SpA (с 1472г.). Ломбарды Monte di Pieta di Perugia (1462 г.), впоследствии ставший Banca dell'Umbria, и Monte di Pieta di Bologna (1473 г.), который к моменту вхождения в группу носил имя Rolo Banca, стали далёкими предками ЮниКредит Групп (с 1998г.).

Несмотря на исчезновение или реорганизацию первых «банков милосердия», они оставили богатое наследство в виде институциональной основы итальянской банковской системы, а также заложили мощную базу для следующего поколения социально значимых и взаимных форм кредитования для широких слоев общества. Они передали эстафету сберегательным банкам и кредитным кооперативам.

Сберегательные банки и кредитные кооперативы

Первые сберегательные учреждения появились в Европе в конце XVIII в. Первым городом в 1765 г. стал Брауншвейг, за ним в 1778 г. последовал Гамбург, затем в 1787 г. Берн, в 1790 г. Ольденбург, в 1792 г. Базель, в 1794 г. Женева и в 1796 г. Киль (Kniffin W., 1912, 4; Moss M., 2011, p.27).

Однако свою мощь и широту сберегательное движение приобрело в Великобритании. 10 мая 1810 г. приходской священник церкви деревни Ратвелле (графство Дамфришир, Шотландия) Генри Дункан (Henry Duncan, 1774–1846гг.) провозгласил создание сберегательного банка для нуждающихся и других членов прихода, основанного не только на началах бережливости и самопомощи, но и рыночных условиях функционирования. Этому предшествовали долгие годы пропагандистской работы и многочисленные публикации священника. Преподобный опирался на идеи Даниэля Дефо (1660–1731г.), предложившего, в 1697 г. создать «Общество друзей для развития обычаев предусмотрительности у населения» (“Friendly Society for Provident Habits in General”), и философа Иеремии Бентама (1748–1832гг.), ратующего за создание «Банков Бережливости» (“Frugality Banks”) под управлением «Национальной благотворительной компании» (“National Charity Company”). Кроме того, он изучал различные сберегательные схемы – в течение трех лет он проработал в ливерпульском Heywoods Bank и внимательно изучил опыт благотворительного «Банка Пользы» (“Benefit Bank”), открытый 1 января 1804 г. Присциллой Вейкфилд (Priscilla Wakefield, 1751–1832гг.) в приходе Тоттенхэм на севере Лондона (многие авторы считают его первым сберегательным банком в истории Англии) (Moss M., 2011, 14).

Главным отличием нового депозитного института стало принятие во вклады самых незначительных сумм. Тогда как в обычном шотландском банке минимальная сумма вклада равнялась 10 фунтам, в приходском банке – лишь 6 пенсов. Собранные деньги размещались на депозит в Linen Bank в г. Дамфри, который приносил 5% годовых. Вкладчики приходского банка получали 4% (Saving Bank History, 2002). Разность шла в благотворительный фонд и на погашение административных расходов. Всю административную деятельность вел сам преподобный Г. Дункан. При этом причитающееся ему вознаграждение он направлял на финансирование строительства приходской школы.

Благодаря широкой публицистической и политической деятельности преподобного опыт организации нового банка стал достоянием широкой общественности и приобрел последователей и защитников.

В результате в течение следующих пяти лет сберегательные банки были открыты по всей Великобритании; в следующем году они распространились в Европе и Соединенных Штатах. За первый год работы общая сумма сбережений составила поразительную для столь бедной общины сумму в 151 фунт. Но уже спустя десять лет в Великобритании объем сбережений превысил три миллиона фунтов стерлингов (Saving Bank History, 2002). Это успехи сделали Г. Дункана настоящим отцом-основателем сберегательного движения (как считается ныне большинством исследователей). Это подтверждается масштабами распространения данной финансовой инновации – к началу XXI в. сберегательные организации появились уже в 92 странах мира.

Иную сберегательную схему предложил член британского парламента Джордж Роуз (George Rose, 1744-1818гг.). Он стал инициатором принятия в 1817г. Savings Bank (England) Act – первого закона, регулирующего деятельность, ставших к этому времени достаточно многочисленными, сберегательных банков, представляющих собой небольшие независимые организации, находящиеся в ведении добровольных менеджеров или попечителей. Согласно этого закона все собранные от населения Англии и Уэльса депозиты подлежали размещению на счете в Банке Англии под контролем Уполномоченных по делам национального долга (Commissioners of the National Debt). Эта мера обеспечивала высокую надежность сбережений и гарантировала высокую доходность в 4,5% годовых (Moss M., 2011, p.17). В 1835 г. действие норм закона было распространено на сберегательные банки Шотландии. Защитные меры правительства стимулировали волну публикаций, поддерживающих новую модель сбережений. И уже к концу 1817г. в Англии и Уэльсе был открыт 101 сберегательный банк с более чем 250 тыс. фунтов вкладов, а в следующем году к ним прибавилось еще 125 банков. К 1861 насчитывалось 645 сберегательных банков с общим объемом вкладов 41 млн фунтов. Эти факты, свидетельствующие о масштабном развитии банков для бедных, позволяют Дж. Роузу претендовать на звание со-основателя мирового сберегательного движения.

В 1861 г. британское правительство Уильяма Гладстона (William Ewart Gladstone, 1809–1898гг.) создало Почтовый сберегательный банк (Post Office Savings Bank) в дополнение к существующим сберегательным банкам с целью достижения общенационального охвата населения услугами через сеть почтовых отделений. Уже к концу 1862 г. почтовые отделения привлекли более 178 тыс. клиентов и почти 1,7 млн. фунтов вкладов для нового банка, который стал серьезным конкурентом существующих организаций по всей стране. Серьезными конкурентами для сбербанков стали и обычные коммерческие банки. Это давление привело к тому, что сбербанки вынуждены были искать пути повышения доходности вкладов. Оставаясь в рамках существующего законодательства, многие из них стали предлагать специальные инвестиционные счета, средства которых были инвестированы в облигации местных органов власти, обеспечивающих большую доходность, чем Банк Англии. Так сберегательное дело в Великобритании обогатилось новым доходным инструментом и получило большую свободу для бизнеса.

США стартовали также достаточно рано. Так, «Филадельфийское сберегательное общество» (“Philadelphia Savings Fund Society”), организованное богатым бизнесменом и филантропом Конди Раке (Condy Raguet 1784–1842), начало операции в декабре 1816г., хотя официаль-

но было зарегистрировано лишь в 1819г. «Институт бережливости для сбережений» (“Provident Institution for Savings”), созданный Джеймсом Саваджем (James Savage, 1784–1873гг.) был зарегистрирован в Бостоне в середине 1816г. и приступил к операциям в феврале 1817г. «Сберегательный банк Балтимора» (“Savings Bank of Baltimore”) и «Сберегательный банк Салема» (Salem Savings Bank) в Массачусетсе были основаны в 1818 г. (Woelfel Ch., 1994, p.134).

Как и сберегательные банки, ссудо-сберегательные ассоциации, как правило, находились в совместном владении вкладчиков. Первая ссудо-сберегательная ассоциация (The Oxford Provident Building Association of Philadelphia) также была учреждена в Филадельфии в 1831 г.; это было закрытое общество, членами которого стали 40 человек, договорившихся еженедельно сберегать определенную сумму и объединить свои средства для того, чтобы давать займы членам общества. К 1850г. большинство ссудо-сберегательных ассоциаций стало открытыми для вступления в них всех граждан, желающих открыть депозитные счета. Это привело к быстрому расширению этого бизнеса, и к 1890г. во всех штатах США существовали ссудо-сберегательные ассоциации. С широким географическим распространением ссудо-сберегательных ассоциаций связано их организационное разнообразие. Тогда как большая их часть оставалась в совместном владении, довольно многие превратились в акционерные компании, контролируемые акционерами.

Кредитные кооперативы возникли в Германии в 1850г., когда Герман Шульце (1808–1883гг.) создал в прусской деревне Делич «Авансовый союз» (нем. Vorschussverein) – первую кассу для ссуд на случай болезни и смерти. С 1852 г. он стал называться народным банком (нем. Volksbanken). Примерно в это же время начинает разворачивать свою деятельность бургомистр городка Геддерсдорфа Фридрих Вильгельм фон Райффайзен (1818–1888гг.). В 1849 г. он организовал первый кооператив, а в 1864г. – первое кредитное товарищество. Оно стало основой для банковской группы, активно развивающейся в настоящее время.

Заключение

Как можно убедиться, банковское дело на протяжении многих столетий развивалось под влиянием двух тенденций, имеющих глубокие исторические корни. Прежде всего, это создание финансового бизнеса, ориентированного на максимальное извлечение прибыли за счет высоких процентов и использования различных имущественных обеспечительных мер. С другой стороны, морально-этические нормы делового поведения и религиозные основы общественной жизни диктовали необходимость самой широкой благотворительности – проявления сострадания к ближнему и нравственной обязанности имущего помогать неимущему. В современном мире благотворительность и милосердие находят реализацию в деятельности устойчивых, социальных, солидарных, ответственных, этических или альтернативных банков. Их появление в хозяйственной жизни не является чем-то экзотическим. Наоборот, можно говорить о традиционности этих институтов, по крайней мере, для европейских стран.

Это подтверждают представленные в статье малоизвестные или забытые исторические факты и события, связанные с социально-ориентированным и социально-ответственным ведением банковского бизнеса в Средние века и в годы промышленной революции. Их содержание на-

глядно подчеркивает живучесть и «укорененность» социального начала в банковской сфере, что доказали события, связанные с мировым финансовым кризисом. Устойчивые банки не только сохранили свои позиции, но и достигли впечатляющих экономических показателей. Последнее, как нам представляется, позволяет сделать вывод о том, что сохранение и расширение социальных основ устойчивого банкинга, подпитываемых сохранившими свою жизнеспособность религиозными учениями и практиками, открывает новое направление для поиска эффективных посткризисных бизнес-моделей в финансовой сфере. В первую очередь это должно касаться трансформации бизнеса розничных банков и расширения практики проектного финансирования.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. – М.: Изд-во «Астрель», Изд-во «АСТ», 2002. – 832 с.
2. Botticini M. A tale of 'benevolent' governments: private credit markets, public finance, and the role of Jewish lenders in medieval and Renaissance Italy // *The Journal of Economic History*. – 2000. – Vol. 60. Is. 01. – P.164–189.
3. Bouma, J., Jeucken M., Klinkers L. & Deloitte&Touche. Sustainable Banking: The Greening of Finance. – Sheffield, UK. Greening Publishing, 2001. – 480 p.
4. Kniffin W. H. The Saving Bank and Its Practical Work. – New York, The Banker Publishing Company. 1912. – 551 p.
5. Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. – New York, NY Universe Book, 1972. – 205 p.
6. Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J. Beyond the Limits: Confronting Global Collapse, Envisioning a Sustainable Future. – Post Mills VT: Chelsea Green Publishing Company, 1988. – 320 p.
7. Menning C. B. The Monte's 'Monte': The Early Supporters of Florence's Monte di Pietà // *The Sixteenth Century Journal*. – 1992. – Vol. 23. N 4. – P.661–676.
8. Mesarovic M., Pestel E. Mankind at the Turning Point: The Second Report to the Club of Rome. – New York, NY: E. P. Dutton and Co. Inc., 1974. – 125 p.
9. Moorman J. A History of the Franciscan Order: From Its Origins to the Year 1517. – Oxford. Clarendon Press. Oxford University Press. 1968. – 641 p.
10. Moss M. Henry Duncan and the Savings Bank Movement in the UK // *Perspectives*. – 2011. – N 63. – P.11–26.
11. Our Common Future. World Commission on Environment and Development. – Oxford: Oxford University Press. 1987. – 400 p.
12. Saving Bank History. Saving Bank Museum. – Ruthwell, Dumfries DG1 4NN, Scotland UK. 2002. URL:http://www.savingsbanksmuseum.co.uk/savings_banks_history.html. (дата обращения 05.04.2016).
13. Schaff Ph. History of the Christian Church. Vol. VI: The Middle Ages. A.D. 1294-1517. – New York: Charles Scribner's Sons, 1910. Reprint. Eerdmans Publishing Company. 1960. – 444 p.
14. Soubbotina T. Beyond economic growth meeting the challenges of global development. – Washington, D.C. The World Bank. 2000. – 161 p.

15. The Collevocchio Declaration. January 2003. URL: http://www.banktrack.org/download/collevocchio_declaration_2/0_030401_collevocchio_declaration.pdf (дата обращения 05.04.2016).
16. The Catholic Encyclopedia. Vol. 10. – New-York, NY. The Encyclopedia Press. 1913. – 800 p.
17. The Council of Elvira. URL: <http://faculty.cua.edu/pennington/Canon%20Law/ElviraCanons.htm#Clergy> and trade. (дата обращения 05.04.2016).
18. The Council of Vienne. URL: <http://www.papalencyclicals.net/Councils/ecum15.htm> (дата обращения 05.04.2016).
19. The Encyclopaedia Judaica. Second Edition. Vol. 14. – Detroit. New York. Keter Publishing House Ltd. Thomson Gale. 2007. – 803 p.
20. The Fourth Lateran Council. URL: <http://www.papalencyclicals.net/Councils/ecum12-2.htm> (дата обращения 05.04.2016).
21. The New Catholic Encyclopedia. Vol. 10. Second Edition. Detroit. New York. The Catholic University of America. Thomson Gale. 2003.
22. The Second Lateran Council. URL: <http://www.papalencyclicals.net/Councils/ecum10.htm> (дата обращения 05.04.2016).
23. The Second Council of Lyon. URL: <http://www.papalencyclicals.net/Councils/ecum14.htm>. (дата обращения 05.04.2016).
24. The Third Lateran Council. URL: <http://www.papalencyclicals.net/Councils/ecum11.htm>. (дата обращения 05.04.2016).
25. The World Bank. Sustainable Banking with the Poor: A Worldwide Inventory of Microfinance Institutions. – Washington, DC. 1997. – 32 p. URL: http://www.wds.worldbank.org/servlet/WDSContentServer/IW3P/IB/2006/04/12/000160016_20060412172642/Rendered/PDF/354680_paper.pdf (дата обращения 05.04.2016).
26. Weber O., Remer S. Social Banks and the Future of Sustainable Finance. – London, UK: Routledge. 2011. – 238 p.
27. Woelfel Ch. J. Encyclopedia of Banking and Finance. Tenth ed. – Chicago, IL. Probus Publishing. 1994. – 1100 p.

ALEXANDER KANAEV
OLGA KANAeva

SUSTAINABLE BANKING: AD OVO

Author affiliation. Alexander Kanaev (a.kanaev@spbu.ru), Doctor of Economics, Associate Professor at Saint-Petersburg State University, Department of Economics, Professor of the Department of Credit Theory and Financial Management (Russia, St. Petersburg). Olga Kanaeva (o.kanaeva@spbu.ru), PhD, Associate Professor, Saint-Petersburg State University, Department of Economics, Head of the Department of Economic Theory and Social Policy (Russia, St. Petersburg).

Abstract. The article is devoted to the underexamined phenomenon of modern financial system termed as “sustainable banking”. Its history and problems of modern development attract the attention of researchers and policy makers from different countries. A wide range of original historical literature on the religious bases of the financial and economic development of European society has been analysed by the authors. The article examines the origin and evolution of the sustainable banking phenomenon. The authors conclude that preservation and expansion of the social pillar of sustainable banking, which retains its vitality in religious doctrines and practices, open a new direction for finding effective post-crisis business models in the financial sector.

Keywords: sustainable development, sustainable banking, usury, interest, pawnshops, Monte di pietà, credit cooperatives, saving institutions.

UDK 330.341

Статья поступила в редакцию 15.09.2016г.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСКОГО ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье анализируется современная католическая доктрина социальной ответственности бизнеса и понимание современных православных авторов идей о социальной защите и социальной ответственности. Показано, что современное католическое и православное понимание социальной ответственности во многом схожи, хотя и есть определенные различия в акцентах и подходах. Особое внимание уделяется христианскому пониманию путей к устойчивому благосостоянию каждого члена общества и мотивам социально ответственного бизнеса в современной рыночной экономике.

Ключевые слова: христианский, социальная ответственность, рынок, корпоративный, частный, католическая, православный, труд, собственность, богатств.

УДК 241.13

Лукин Сергей Владимирович (lukin@bsu.by), доктор экономических наук, зав кафедрой международного менеджмента, Белорусский государственный университет, г. Минск, ул. К.Маркса, 31, к. 118. +375297051582

Введение

Современное католическое понимание социальной ответственности является наиболее разработанным христианским учением в этой области. Оно раскрывается во многих трудах, специально посвященных христианскому взгляду на социальную ответственность бизнеса. В основу современного католического учения о социальной ответственности бизнеса и состоятельных людей, помимо новозаветных и святоотеческих идей, легли труды католического святого Фомы Аквинского, его идея об общем благе. Этот вопрос является предметом исследования в нескольких католических университетах США и Европы.

В последние десятилетия начала формироваться православная доктрина социальной ответственности. Показано, что современное католическое и православное понимание социальной ответственности во многом схожи, хотя и есть определенные различия в акцентах и подходах.

Согласно христианским воззрениям, Бог даровал людям способность к созидательному труду, к созданию тех или иных полезных благ. Благодаря труду человек может обеспечить благосостояние своей семьи, увеличить благосостояние всего общества. Люди наделены различными по степени и разнообразию талантами. Согласно христианскому

учению, это составляет основу разделения труда. Кроме этого, после грехопадения прародителей это неизбежно приводит к имущественному и социальному неравенству. Как разделение труда, так и имущественное неравенство создают возможность взаимного служения людей друг другу (Лукин, 2015, с.41-60). Накопленное богатство, кроме этого, может быть средством служения богатых слабым и обездоленным членам общества во исполнение Божьих заповедей путем добровольного перераспределения богатства. Христианское служение сильных может осуществляться и путем создания возможности более слабым своим трудом обеспечить себе достаток (Голубев, 2013, с.450-453). Социальная ответственность в христианском понимании – это ответственность каждого перед всеми и, прежде всего, тех, кому дано больше перед теми, кому дано меньше.

Католическое учение о социальной ответственности бизнеса

Католическое понимание социально ответственного бизнеса во многом базируется на учении Фомы Аквинского о приоритете для христианина общего блага перед благом частным. По словам автора «Суммы теологии», «общее благо многих угодно Господу более чем благо отдельного индивида» (Thomas Aquinas, 1981: Part II-II, Question 31, Article 3). По его же мысли, человек не прав в своем желании конкретного блага, если он не видит общего блага как конечную цель (Thomas Aquinas, 1981: Part II-II, Question 19, Article 10). Подкрепляя свою мысль доводами благоразумия, Фома Аквинат отмечает, что, во-первых, благо индивида невозможно без общего блага семьи, общины, страны в целом. Он приводит слова древнеримского мыслителя Валерия Максима (Valerius Maximus) о том, что лучше быть бедным в богатой стране, чем богатым в стране бедной. Во-вторых, по мысли Фомы Аквината, поскольку человек является частью семьи и общества он должен рассматривать свое благо как производное от блага многих. Благоприятное состояние частей зависит от их отношений к целому. В подкрепление этого довода Фома приводит слова блаж. Августина о том, что любая часть, которая не гармонизирована с целым, отвратительна (Thomas Aquinas, 1981: Part II-II, Question 19, Article 10).

Основу современной католической социальной доктрины составляют ряд энциклик, начиная с энциклики Льва XIII *Recurramus ad Christum*, вышедшей в 1891 году. В них идея Фомы Аквинского о приоритете общего блага получает дальнейшее развитие при рассмотрении деятельности компании, взаимодействия отдельного индивида, корпорации и общества в целом. Наряду с идеей общего блага, в основе современного католического социального учения лежат идеи субсидиарности и солидарности (Голубев, Лукин, 2010, с.89-112.). Не случайно, поэтому рассматривая социальную ответственность индивида, корпорации и государства особое внимание уделяется двум первым.

Согласно католической социальной доктрине наличие института частной собственности порождает ответственность собственника за богоугодное распоряжение ею. В то же время этот институт создаёт и возможность такого распоряжения. Частная собственность дает возможность людям делать добро другим, самоотверженно помогая им. Кардинал Йозеф Хёффнер, ссылаясь на свт. Василия Великого, свт. Григория Нисского, свт. Иоанна Златоуста, свт. Амвросия Медиоланского и

Фому Аквината, подчеркивает, что «без грехопадения была бы осуществлена райско-коммунистическая общность имущества, поскольку в раю не было бы зловещего, все отрицающего духа раздора и жадности». В эру после грехопадения народное хозяйство, основанное на общности имущества, может привести только к пагубным последствиям, и трансформироваться в ту или иную разновидность концлагеря (Хёффнер, Ч.2, Р.1, Гл.2, §5, п.1). Согласно положениям Фомы Аквинского, во-первых, человек вправе брать в собственность земные блага, чтобы использовать их в хозяйстве и управлять ими — право, которое человек имел и в райском состоянии. Во-вторых, после грехопадения это право становится необходимостью и обязанностью, потому что иначе нежелание работать, беспорядок и раздоры сорвали бы достижение цели экономики. Таким образом, согласно Фоме Аквинскому, христианской нормой является восприятие собственником своих потребительских благ как предназначенных не только для собственного потребления, но и для помощи нуждающимся. Накопление потребительских благ собственником, следовательно, не может считаться добродетелью. Что же касается инвестиционных благ, то их накопление и производительное использование собственником способствует экономическому развитию и общественному благосостоянию, и, поэтому не должно приравниваться к накоплению благ потребительских (Хёффнер, Ч.2, Р.3, Гл.2, §4, п.2).

Как уже отмечалось выше, одним из основных принципов католического социального учения, является принцип субсидиарности. Кардинал Хёффнер подчеркивает, что государственная забота действует холодно и безлично (Хёффнер, Ч.2, Р.3, Гл.2, §3). Не случайно, поэтому, католические авторы предупреждают об опасности чрезмерной передачи функций социальной защиты государству. Католические авторы отмечают, что в современном мире даже в тех странах, где доминирует рыночная экономика стали проявляться негативные явления. Не имеющие значительной, прежде всего капитальной, собственности работники ожидают экономическую обеспеченность не от собственности, а от заработной платы и системы социального страхования. Это идет вразрез с принципом субсидиарности. Собственность на инвестиционные ресурсы в свою очередь все больше в современном мире переходит к институциональным инвесторам и юридическим лицам. Среди форм частной собственности усиливается роль благ текущего потребления, товаров длительного пользования, права на социальное страхование и ослабевает роль сбережений и участия в производственном капитале. Выход из кризиса видится католическим авторам в как можно более широком участии граждан в «народнохозяйственном капиталобразовании» (Хёффнер, Ч.2, Р.3, Гл.2, §6). Выделяются две формы такого участия: владение работниками предприятия акциями или долями этого предприятия; участие в народнохозяйственном капиталобразовании работников, государственных служащих и иных категорий граждан через владение акциями инвестиционных фондов и иных институциональных инвесторов. Заметим, что идея о капитальной собственности, собственности на средства производства как основе социальной защищенности семей коренится еще в Ветхом Завете. Католическое социальное учение развивает эту идею и положительно оценивает не только прямое, но и опосредованное участие граждан в народнохозяйственном капиталобразовании. Такое участие, согласно этому учению, соответствует принципу субсидиарности и является прочной основой со-

циальной самозащиты семей и отдельных индивидов. Корпоративная социальная ответственность (КСО) и социальная политика государства дополняют эту своеобразную пирамиду социальной защиты.

Предприятия, частные организации и компании, согласно католической доктрине, также должны быть частью системы социальной защиты. Соответствующая христианской норме компания видится как трудовое сообщество (Community of Work), ориентированное на достижение общего блага (Naughton, 2006, p.33-75). Отдельная компания, организация гармонизируется как часть с целым (обществом) не только как субъект, производящий для общества товары и услуги, но и как социально ответственный субъект. Наибольшая ответственность возникает по отношению к «ближним» организации – потребителям, поставщикам, акционерам, местному сообществу и занятым в ней. В свою очередь, занятые в компании, также гармонизируются с компанией как часть с целым и не только как часть с целым. По замечанию Майкла Нотона, индивид становится в компании – трудовом сообществе не только частью целого, но соотносится с ней как целое с целым, поскольку полноценное сообщество состоит из ответственных индивидов, которые служат потребностям тех, кто находится вне этого сообщества, что является основой развития находящегося в нем (Naughton, 2006, p.45).

Современные католические ученые проводят как нормативные, так и позитивные исследования в области КСО¹. При этом выводы исследователей, использующих эти различные подходы, во многом очень близки. Господствующие в обществе нормативные взгляды на ответственное поведение предпринимателей и менеджеров влияют на их действия. Конкурирующие на рынках корпорации, мелкие и средние фирмы стремятся соответствовать общественным ожиданиям относительно их социально ответственного поведения. Автор данной статьи в течение осеннего семестра 2014 года изучал теорию и практику социально ответственного бизнеса в университете св. Фомы Аквинского (University of St.Thomas), Сент-Пол, Миннесота. В числе прочего, он взял интервью у нескольких представителей топ-менеджмента американских корпораций, имеющих штаб-квартиры в Миннесоте, в числе которых были Eric S. Rangen, вице-президент United Health Group (# 14, Fortune 500, на момент исследования), Paul W. Johnson, вице-президент Ameriprise Financial и др. Эти корпорации уделяют большое внимание КСО. На вопрос о том, почему менеджмент этих корпораций придает этому столь большое значение, все интервьюируемые дали близкие по смыслу ответы. Предметом их заботы является хорошая репутация корпорации. В незначительной степени этому способствует социально ответственное поведение.

Нормативные идеи, в том числе и социальные доктрины различных христианских деноминаций, могут оказывать существенное влияние на

---

¹ Одним из лучших нормативных исследований католических авторов по корпоративной социальной ответственности является труд Майкла Нотона и Хелен Алфорд «Менеджмент когда вера имеет значение». Helen J. Alford, O.P. & Michael J. Naughton, *Managing As If Faith Mattered: Christian Social Principles in the Modern Organization*, Notre. Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2001. В свою очередь, одним из самых обширных и фундаментальных позитивных исследований опыта КСО американских корпораций стала книга: *Corporate Responsibility: The American Experience*. Carroll, Archie B., Kenneth J. Lipartito, James E. Post, Patricia H. Werhane, and Kenneth E. Goodpaster, executive editor. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

общественные ожидания в отношении КСО. В свою очередь, общественные ожидания влияют на поведение менеджмента фирм, заботящегося о хорошей репутации их компаний. При этом субъективные взгляды менеджеров и акционеров влияют на активность фирм в сфере КСО в гораздо меньшей степени. Сравнивая отчеты по КСО корпораций, входящих в Fortune 500, можно убедиться, что они принципиально схожи и различаются лишь в деталях.

Православный взгляд на социально ответственный бизнес

Православное социально-экономическое учение в целом и концепция социальной ответственности бизнеса в частности, разработаны в значительно меньшей степени, в сравнении с католической социальной доктриной. Это касается и общецерковных документов, и работ отдельных авторов.

В период коммунистической диктатуры и непрекращающихся гонений на Церковь в СССР почти все усилия клира и мирян были направлены на то, чтобы сохранить литургическую жизнь Церкви. Русская Православная Церковь Заграницей была в лучшем положении в аспекте внешних гонений. Кроме этого, большинство ее членов нашли себе приют в наиболее экономически развитых странах мира. Все это создавало более благоприятные условия для развития православной социально-экономической мысли. Одним из наиболее ярких ее представителей является архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский Иоанн (Шаховской), представитель древнего дворянского рода, долгое время несший пастырское служение в Германии и переехавший затем в Калифорнию.

В своих «Основах пастырской социологии» владыка Иоанн уделяет внимание христианскому пониманию бедности и богатства, проблемам собственности, социальной ответственности бизнеса, которая рассматривается как служение богатых. Отмечая нравственную нейтральность богатства, владыка Иоанн отмечает, что не богатство само по себе вредно, и не сама по себе бедность полезна... но похотение, обожествление богатства (и богатым и бедным) есть личный и социальный яд (Иоанн Сан-Францисский, 1992, с.109). На этической карте мира, по выражению владыки Иоанна, находятся три лагеря: 1 - безбожные бедняки, 2 - безбожные богачи и 3 - бедные и богатые (материально) христиане. Для Церкви Христовой есть богатые и бедные в ином качестве: «богатые» - это нищие духом, «бедные» - богатящиеся своими земными ценностями (Иоанн Сан-Францисский, 1992, с.109).

В отношении богатых (материально), по словам владыки Иоанна, у Церкви такой обычай: они Ей служат. В отношении бедных: она им служит. Бедные почитаются достойными помощи, богатые - достойными служения. «В чисто земном смысле богатство, власть, положение всегда для христианского сознания связаны с принципом служения, а не ... наслаждения земной жизнью (что есть принцип не только язычества, но язычества низшего, ибо высшее возвышалось над этим принципом эпикурейства)» (Иоанн Сан-Францисский, 1992, с.112). Далее владыка Иоанн так развивает свою мысль: «Говоря миру: «Бóльший да будет всем слуга», Господь Иисус Христос под «бóльшим» разумел богатого, все равно чем: деньгами, положением, талантом... «Бóльший» должен служить, а не властвовать чрез те дары (материальные или духовные), ко-

торые даны ему лишь на время» (Иоанн Сан-Францисский, 1992, с.114). То, что дано человеку как «талант», по словам владыки Иоанна, должно быть пущено в оборот на пользу всего мира, а не зарыто для себя. Зарыть для себя означает эгоистически использовать свое богатство. Можно добавить, что получение прибыли для себя, с христианской точки зрения, есть не пускание в оборот, а как раз зарывание «таланта». Оборот же есть благодатное управление богатством, в котором, по мысли архиепископа Иоанна, возможны два пути: одни раздают свою собственность сразу или постепенно. Другие сохраняют всю видимость владения, но в душе своей искренно отдают его Богу, заботясь только о правильном его распределении. Это правильное распределение может быть «обычным экономическим хозяйствованием, построением хорошего земного фабричного или сельскохозяйственного предприятия». Однако, как замечает владыка Иоанн: «по виду оно будет как «все дела мира сего», но по внутреннему содержанию своему оно уже будет малым осуществлением Царствия Божия...» (Иоанн Сан-Францисский, 1992, с.114). Имеющие состояние христиане, землевладельцы и предприниматели, формально являясь хозяевами, на деле становятся заботливыми отцами или даже слугами работающих у них людей.

Спустя десятилетие с небольшим после окончания гонений на Церковь в России и других странах бывшего СССР на рубеже тысячелетий был созван Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Важнейшим документом, принятым Собором, стали Основы социальной концепции РПЦ (Основы). В разделах, посвященных экономической проблематике нашлось место и вопросам социальной ответственности бизнеса. Изложение взгляда РПЦ на эту проблему содержится и в «Своде нравственных принципов и правил в хозяйствовании». Оба документа представляют собой описание, как отмечается в преамбуле к Своду, идеальной модели хозяйствования, которой не существует сейчас, но к которой можно и должно стремиться в повседневности.

В Основых и Своде акцент делается на личной социальной ответственности предпринимателя. Примечательно, что предпринимательство рассматривается как вид трудовой деятельности, хотя и весьма специфический. «Церковь благословляет всякий труд, направленный ко благу людей; при этом не отдается предпочтения никакому из видов человеческой деятельности, если таковая соответствует христианским нравственным нормам» (Основы, 2000, 6.5). В Основых отмечается, что Господь наш Иисус Христос в своих притчах, упоминая о различных профессиях, в том числе, связанных с ведением бизнеса и менеджментом (купец, домоправитель) не выделяет ни одну из них. В Своде также предпринимательская деятельность приравнивается к трудовой: «Благосостояние добросовестных предпринимателей и тружеников должно соответствовать их трудовому вкладу». Выражая такой взгляд, Церковь явно стремится преодолеть сформировавшийся и укоренившийся в годы коммунистической власти стереотип о непримиримых противоречиях между трудом (Лукин, 2015, с.41-60) и капиталом. Церковный взгляд видит, прежде всего, общие цели бизнеса и наемных работников. Во Христе нет ни предпринимателя, ни наемного работника. Если уж нет «ни раба, ни свободного», как говорит св. апостол Павел в Послании к Галатам, то тем более это относится к свободным работодателю и работнику. Социальная ответственность лежит на каждом трудящемся, как на предпринимателе, так и на наемном работнике. (Заметим,

что доходы многих формально наемных работников (представителей топ-менеджмента корпораций, успешных спортсменов, популярных музыкантов и др.) многократно превышают доходы предпринимателей, подвигающихся в сфере мелкого и среднего бизнеса, а также доход акционеров на их акции).

В Основах выделена мысль о том, что Священное Писание свидетельствует о двух нравственных побуждениях к труду: трудиться, чтобы питаться самому, и трудиться, чтобы подавать нуждающемуся, отмечается также, что заповедь Божия повелевает трудящимся заботиться о тех людях, которые по различным причинам не могут сами зарабатывать себе на жизнь, - о немощных, больных, пришельцах (беженцах), сиротах и вдовах - и делиться с ними плодами труда, «чтобы Господь, Бог твой, благословил тебя во всех делах рук твоих» (Втор. 24. 19-22) (Основы, 2000, 4-6). В Своде развивается эта мысль: «Выделение части доходов на помощь пожилым и больным людям, инвалидам и обездоленным детям должно быть нормой для любого рентабельного предприятия, а также для любого состоятельного работающего человека, в том числе наемного работника» (Свод, 2004, 5). На предпринимателях, в силу специфики их деятельности, связанной с использованием наемного труда, лежит ответственность перед занятыми ими работниками (Лемещенко, Голубев, 2014, с.159-167). Прежде всего, она выражается в своевременной оплате честного труда. В Основах говорится, что отказ от оплаты честного труда является не только преступлением перед человеком, но и грехом перед Богом (Основы, 2000, 6). Труд для наемного работника – основной источник средств к существованию наемного работника, развивает эту мысль Свод, поэтому необоснованное увольнение, низкая оплата труда, несвоевременная и неполная выплата заработной платы ставят его на грань выживания (Свод, 2004, 6). Хищением называется Свод неуплату предпринимателями достойного жалования своим работникам, что обрекает их на нищету и озлобление, лишая радости труда. Свод качественно определяет прожиточный минимум, нижний предел оплаты труда. Заработная плата должна позволять человеку не только полноценно питаться, но и приобретать необходимые для быта товары, растить детей, обеспечивать себя жильем (Свод, 2004, 8). Это важнейшая, но не единственная с точки зрения Основ и Свода обязанность работодателя. Хозяйствование во всех его проявлениях, является социально ответственным видом деятельности. Основы и Свод выделяют несколько аспектов такой ответственности бизнеса: ответственность за духовное, интеллектуальное и физическое развитие работников и менеджмента, забота об их полноценном отдыхе, участие в программах социального и пенсионного страхования работников, развитие программ партнерства, привлечения работников к управлению предприятием, экологическая ответственность, ответственность за общественную нравственность. Особо отмечается, что социально ответственным поведением является и добросовестная конкуренция.

Таковы основы, на которых формируется православная концепция социально ответственного бизнеса.

Заключение

Католическая доктрина социально ответственного бизнеса во многом базируется на учении Фомы Аквинского о приоритете для христианина общего блага перед благом частным. Согласно этому автору,

христианской нормой является восприятие собственником своих потребительских благ как предназначенных не только для собственного потребления, но и для помощи нуждающимся. Накопление потребительских благ собственником, следовательно, не может считаться добродетелью. Что же касается инвестиционных благ, то их накопление и производительное использование собственником способствует экономическому развитию и общественному благосостоянию, и, поэтому не должно приравниваться к накоплению благ потребительских. Предприятия, частные организации и компании, согласно католической доктрине, также должны быть частью системы социальной защиты. Соответствующая христианской норме компания видится как трудовое сообщество (Community of Work), ориентированное на достижение общего блага. Согласно католической социальной доктрине наличие института частной собственности порождает ответственность собственника за богоугодное распоряжение ею. В то же время этот институт создаёт и возможность такого распоряжения. Частная собственность даёт возможность людям делать добро другим, самоотверженно помогая им. Одним из основных принципов католического социального учения, является принцип субсидиарности. Католическое социальное учение положительно оценивает не только прямое, но и опосредованное участие граждан в народнохозяйственном капиталобразовании. Такое участие, согласно этому учению, является прочной основой социальной самозащиты семей и отдельных индивидов. Корпоративная социальная ответственность (КСО) и социальная политика государства дополняют эту своеобразную пирамиду социальной защиты. Отдельная компания, организация гармонизируется как часть с целым (обществом) не только как субъект, производящий для общества товары и услуги, но и как социально ответственный субъект. Наибольшая ответственность возлагается по отношению к «ближним» организации – потребителям, поставщикам, акционерам, местному сообществу и занятым в ней.

Одним из наиболее ярких представителей православного социально-экономического учения является архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский Иоанн (Шаховской). В своих «Основах пастырской социологии» владыка Иоанн уделяет внимание христианскому пониманию бедности и богатства, проблемам собственности, социальной ответственности бизнеса, которая рассматривается как служение богатым. В отношении богатых (материально), по словам владыки Иоанна, у Церкви такой обычай: они Ей служат. В отношении бедных: она им служит. Бедные почитаются достойными помощи, богатые – достойными служения. В современной православной доктрине Церковь явно стремится преодолеть сформировавшийся и укоренившийся в годы коммунистической власти стереотип о непримиримых противоречиях между трудом и капиталом. Церковный взгляд видит, прежде всего, общие цели бизнеса и наемных работников. Согласно современному социальному учению РПЦ, выделение части доходов на помощь пожилым и больным людям, инвалидам и обездоленным детям должно быть нормой для любого рентабельного предприятия, а также для любого состоятельного работающего человека, в том числе, наемного работника. При этом на предпринимателях, в силу специфики их деятельности, связанной с использованием наемного труда, лежит ответственность перед нанятыми ими работниками.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Alford, Helen J., O.P. & Naughton, Michael J., *Managing As If Faith Mattered: Christian Social Principles in The Modern Organization*, Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, – 2001.
2. *Corporate Responsibility: The American Experience*. Carroll, Archie B., Kenneth J. Lipartito, James E. Post, Patricia H. Werhane, and Kenneth E. Goodpaster, executive editor. Cambridge: Cambridge University Press, – 2012.
3. Naughton, Michael, *The Corporation as a Community of Work: Understanding The Firm Within The Catholic Social Tradition*, Ave Maria Law Rev. 33, Winter. – 2006.
4. Thomas Aquinas, *Summa Theologica* (Fathers of the English Dominican Province trans., Christian Classics. – 1981.
5. Голубев Константин, Лукин Сергей. Теория ордолиберализма и католическое социальное учение: некоторые параллели. – Христианское чтение. – 2010. – № 3. – С. 89-112.
6. Голубев Константин. О некоторых аспектах формирования отношения к собственности на материальные блага в христианском обществе. – Проблемы современной экономики. 2013. № 3 (47). С. 450-453.
7. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский Избранное. – Петрозаводск: «Святой остров». – 1992г.
8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. VI.5. (Основы). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения 17.07.2016).
9. Свод нравственных принципов и правил хозяйствования. – Православная беседа. – 2004. – № 2. (Свод).
10. Лемещенко Петр, Голубев Константин. Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество. – Философия хозяйства. – 2014. – № 1 (91). – С. 159-167.
11. Лукин Сергей. Труд в христианской доктрине. – *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*. – 2015. – № 1 (2). – С. 41-60.
12. Хёффнер Йозеф. Христианское социальное учение. URL:http://www.gumer.info/bogoslov/Buks/bogoslov/Hoff_HrSoc/02.php (дата обращения 17.07.2016).

SIARHEI LUKIN

KEY ASPECTS OF CONTEMPORARY CHRISTIAN UNDERSTANDING OF SOCIAL PROTECTION AND SOCIAL RESPONSIBILITY

Author affiliation. Siarhei LUKIN (lukin@bsu.by), Dr. hab., Chair and Professor. Belarus State University (Minsk, Belarus)

Abstract. The article analyses the modern Catholic doctrine of social responsibility of business and contemporary Orthodox authors' understanding of ideas of social protection and social responsibility. It is shown that the modern Catholic and Orthodox understandings of social responsibility are similar in many ways, although there are certain differences in emphasis and approach. Special attention is given to the Christian understanding of the ways toward sustainable well-being of every member of society, as well as to motives of socially responsible businesses in the modern market economy.

Keywords: Christian, social responsibility, market, corporate, private, Catholic, Orthodox, labour, property, wealth.

UDC 330.87

Статья поступила в редакцию 07.09.2016 г.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ИДЕИ «ИНТЕГРАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ» В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ УЧЕНИИ ПАПЫ РИМСКОГО ФРАНЦИСКА

В статье рассматриваются особенности подхода Папы Римского Франциска к проблемам взаимоотношения человека и окружающего мира. Особое внимание уделяется комплексному институциональному подходу к решению социально-экономических проблем. В основе анализа данных проблем рассматривается понятие «интегральной экологии», предполагающее комплексный анализ социальных вопросов и необходимость исследования экологии в ее широком понимании с учетом особенностей окружающей среды, экономики, социальной сферы, культуры, повседневной жизни человека.

Ключевые слова: экология, труд, свобода, человек, глобализация, кризис, католическое социально-экономическое учение.

УДК 241.13

Голубев Константин Иванович (gki@rambler.ru), доктор экономических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета, Минск, Партизанский проспект, 26-801, +375298177247.

Введение

После того как 28 февраля 2013 г. Папа Бенедикт XVI (Joseph Alois Ratzinger) покинул кафедру Римских епископов, на нее 3 марта 2013 г. был избран Папа Франциск (Jorge Mario Bergoglio). Особое внимание в своих энцикликах Папа Франциск обратил на социальные вопросы. При этом он подчеркнул необходимость комплексного институционального подхода к решению социально-экономических проблем. В частности, одним из основных понятий его подхода к социально-экономическим вопросам стало понятие «интегральной экологии», предполагающее комплексный анализ социальных вопросов и необходимость исследования экологии в ее широком понимании с учетом особенностей окружающей среды, экономики, социальной сферы, культуры, повседневной жизни человека.

Основы подхода Папы Франциска к социальным вопросам в первые годы понтификата.

Первой энцикликой Папы Франциска стала *Lumen fidei* (29.06.2013). Она начинается со словосочетания «Свет веры», указывающего на великий дар, принесенный Иисусом Христом, и определяющего значение этих слов для подхода к социальным вопросам. Таким образом прежде всего подчеркивается значение слов Иисуса Христа, говорящего о Себе

в Евангелии от Иоанна: «Я свет, пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме» (Ин 12: 46). Как и говорит об этом св. ап. Павел: «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить [нас] познанием славы Божией в лице Иисуса Христа» (2 Кор 4, 6). Заметим, что энциклика *Lumen fidei* (Franciscus. *Lumen fidei*. 2013) продолжает линию, обозначенную в энцикликах Папы Бенедикта XVI, по раскрытию значения единства христианских добродетелей веры, надежды и любви как движущей силы к надежному будущему. Иисус Христос говорит Марфе у гроба Лазаря: «Не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?» (Ин 11: 40). В свою очередь, мы можем видеть обратную тенденцию в современном обществе, в котором люди стремятся опираться на разум и выдвигают всевозможные аргументы против жизни в свете веры, а веру ассоциируют с темнотой. Но реальная жизнь все больше демонстрирует, что света автономного разума недостаточно для освящения будущего, которое остается во тьме и которое страшит неизвестностью. Таким образом человечество поменяло поиск великого света и самой Истины на то, чтобы довольствоваться меньшим светом, который освещает скоротечное мгновение, но не в состоянии показать путь к истинной цели. К тому же в отсутствии света все оказалось в беспорядке, когда отсутствует сама возможность отличить добро от зла, путь к истинной цели от пути, заставляющего бесконечно бесцельно кружить (§§ 1-3, 57).

Таким образом в настоящее время можно говорить о потере ощущения присутствия Бога, когда отсутствует осознание деятельности Бога в мире; считается, что Бог существует в потустороннем мире, на другом уровне реальности, далеко от нашей повседневной жизненной среды. Христиане, напротив, исповедуют свою веру в реальную и действенную любовь Божию, которая полностью раскрывается в Страстях Христовых, Его смерти и воскресении, любовь, которая в самом деле влияет на историю и определяет ее участь. Вера предполагает не просто то, чтобы смотреть на Христа, но видеть вещи, так как сам Христос их видит. Христианская вера – вера в совершенную любовь, в ее не вызывающую сомнений силу, в ее способность преобразить мир. Говоря словами св. ап. Иоанна Богослова: «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. ...» (1 Ин 4:16). Абсолютное подтверждение надежности Христовой любви основывается на том, что Он умер ради нас. Смерть Христа раскрывает совершенную надежность Божьей любви прежде всего в свете Его Воскресения. Как и говорит об этом св. ап. Павел: «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна...» (1 Кор 15, 17). Без этой надежной любви невозможно и существование единства между людьми. В противном случае человеческое единство могло бы быть осуществлено только из соображений полезности, как основанное на совпадении интересов, на страхе, но не на благодати общежития, не на радости, вызываемой присутствием другого. Именно вера дает возможность понять архитектуру человеческих взаимоотношений, ибо раскрывает их подлинное основание и окончательное предназначение в Боге, в Его любви. При этом такая вера не отдаляет от мира и не чужда практическим обязанностям человека (§ 15-18, 51).

Буквально через несколько месяцев после *Lumen fidei*, вышло апостольское обращение *Evangelii gaudium* (24.11.2013). В самом его начале Папа Франциск отметил огромную опасность распространения идеологии потребительства как современной модели поведения человека,

которая основывается на индивидуалистской печали, происходящей из самодовольного и алчного сердца, из болезненного стремления к поверхностным удовольствиям, из обособленной совести. Как об этом и предупредил св. ап. Павел: «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей» (1Тим 4: 1-2). Результатом является внутренняя опустошенность и тоска современного человека, внутренний мир которого замыкается в рамках его собственных интересов, в нем не остается места для иных людей, не слышен больше глас Божий. Многие пали жертвой этого и стали раздраженными и апатичными (§ 2). Эти проблемы особенно актуальны в связи с тем, что модель человека, исходящая из идеологии потребительства является основой для многих социально-экономических теорий, изучаемых в современных учебных заведениях и создающих ментальные образцы для повседневного реального поведения человека. В свою очередь одной из основных идей апостольского обращения *Evangelii gaudium* (Franciscus. *Evangelii Gaudium* 2013) является признание необходимости для всех христиан заботиться о построении лучшего мира, ибо Земля есть наш общий дом, а все мы являемся братьями. Тогда как стремление к власти и обладанию само по себе не имеют пределов. В такой модели, при наличии стремления поглотить все с целью выгоды, всякая хрупкая сфера, с том числе, окружающая среда, окажется беззащитной перед интересами обожествляемого рынка, который провозглашается абсолютным законом в обществе (§ 56, 183). В этом отношении можно отметить продолжение и развитие идей энциклики *Deus caritas est* (§ 28) папы Бенедикта XVI, который признавая, что установление справедливого порядка в обществе является главной задачей политики, подчеркивал, что Церковь не только не может, но и не должна быть сторонней наблюдательницей в борьбе за справедливость (Benedictus XVI *Deus Caritas Est*. 2005).

Особенности подхода Папы Франциска к проблеме взаимоотношения человека и окружающей среды.

В энциклике *Laudato si'* (24.05.2015) Папа Франциск особое внимание обратил на проблемы взаимоотношения человека и окружающей среды. Причем он говорит не просто о необходимости организации защиты окружающей природы. В основе подхода Папы Франциска (Franciscus. *Laudato si'* 2015) лежит понятие «интегральной экологии», включающее человеческие и социальные измерения, в том числе, экологию таких объектов как окружающая среда, экономика, социальная сфера, культура, повседневная жизнь (§§ 51, 100). В самом начале Библии говорится, что человек создан по образу и подобию Божию (Быт 1, 26). Однако человек, совершив грех, претендуя на роль Бога, нарушил гармонию между Творцом, человечеством и творением. В результате вместо гармоничной связи человека с природой мы видим конфликт (Быт 3, 17-19), который разрешается только через Христа («ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное» (Кол 1, 19-20)). Таким образом перед человеком стоит как задача борьбы с грехом, так и задача возделывать и хранить землю (Быт 2, 15). В этой связи Папа Франциск напоминает, что земля является общим наследием, а право частной собственности

не может быть абсолютным и неприкасаемым, но следует говорить о всеобщем предназначении благ и всеобщем праве на их использование. Заметим, что эта тема неоднократно поднималась Римскими понтификами (в частности, Папой Иоанном Павлом II в таких энцикликах (Голубев, 2016, С. 14-23)), посвященных социально-экономическим проблемам, как *Laborem Exercens* (14.09.1981), *Sollicitudo Rei Socialis* (30.12.1987), *Centesimus Annus* (01.05.1991).

Особое значение Папа Франциск придает развитию христианского понимания экологии в ее широком толковании, продолжая разработку этой проблемы в рамках католического социально-экономического учения. Так, Папа Иоанн Павел II в энциклике *Centesimus annus* (*Ioannes Paulus II. Centesimus Annus 1991*) подчеркивал важность истинной «экологии человека», требующей оберегать полученные природную и нравственную структуру, считая особенно актуальным совершенствование «социальной экологии» труда (§§ 36-38). В свою очередь Папа Бенедикт XVI в энциклике 2009 года *Caritas in Veritate* (29.06.2009) отмечал, что ситуация в сфере экологии, а также культурный и моральный кризис требуют пересмотра модели развития. При этом он подчеркивал необходимость совершенствования «экологии человека» (*Benedictus XVI. Caritas in Veritate 2009*), предусматривающей целостность общественного морального уклада, неразрывность обязанностей человека перед окружающей средой, перед личностью и отношениями между людьми (§§ 32, 51).

Папа Франциск показывает, что современная экологическая ситуация требует немедленного вмешательства, ибо значительное загрязнение окружающей среды не просто оказывает влияние на людей, но ведет к миллионам преждевременных смертей, особенно среди бедных. Так, он указывает, что климатические изменения ведут к разрушениям экосистем (и последующей угрозе таким отраслям как сельское и лесное хозяйство, рыболовство), повышению уровня мирового океана (и неизбежной угрозе проживающему вблизи моря четверной части всего человечества). Еще одной особо острой проблемой является сложность доступа к безопасной питьевой воде, без которой невозможна сама жизнь (§ 25, 30).

Причем сокращение ряда ресурсов создает дополнительные соблазны для решения проблем военным путем. Особенно актуально это в связи с тем, что современные технологии дают огромную власть своим владельцам. Таким образом, владеющие знаниями и экономическими возможностями приобретают гигантское влияние на отдельного человека и мир в целом. Актуальным является вопрос о модели поведения владельцев этой власти, особенно, если учесть, что она находится в руках очень незначительной группы людей. Пристальное внимание Папа Франциск обращает на существующую технократическую парадигму. Сам по себе технический прогресс не предполагает развитие в человеке ответственности и сознательности. В результате современная экономика принимает любую технологию (и экономические концепции – К. Г.), если она обеспечивает прибыль. Особенно явственно эта проблема проявилась, когда в ходе финансового кризиса народ был вынужден оплатить действия по спасению банков, что продемонстрировало ситуацию современного господства финансов, которое не в состоянии обеспечить будущее, но грозит новыми кризисами. То есть можно говорить об отсутствии выводов из мирового финансового кризиса, а также об очевид-

ной необходимости переосмысления подходов к организации управления обществом и проблеме обожествления рынка (§§ 43-57, 102,109, 123,189, 196). Если не признается объективная истина и всеобщие принципы (в частности, игнорируется роль естественного закона в организации общественной жизни (Голубев, 2015, с.44-72)), ни политические программы, ни закон не смогут реально решить современные проблемы.

В этой связи существенное место в энциклике отводится ценности и значению трудовой деятельности человека и подчеркивается, что труд должен быть сферой личностного становления, в том числе, и в современном обществе (Лемешенко, Голубев, 2014, с.159-167). При этом большой опасностью может стать и технологический прогресс, предполагающий снижение расходов путем использования техники, заменяющей человеческий труд, что создает предпосылки для размывания «социального капитала». Таким образом современная технократическая парадигма не в состоянии обеспечить важнейшее требование уважать и развивать достоинство человеческой личности.

В *Laudato si'* Папа Франциск показал, что недостаточно говорить отдельно о кризисе социальном и кризисе экологическом, но необходим анализ комплексного кризиса, являющегося одновременно и социальным, и экологическим. Речь идет о необходимости рассматривать проблемы с позиции «интегральной экологии», которая должна включать человеческие и социальные измерения, экологию таких объектов как окружающая среда, экономика, социальная сфера, культура, повседневная жизнь. Таким образом современное понимание гуманизма, предполагает объединение различных сфер знаний для целостного видения (§ 137, 139, 141, 142).

В этой связи в *Laudato si'* высказывается мнение о необходимости соглашения об управлении общим достоянием человечества. Управление общим достоянием человечества и стремление к глобальному общему благу должно опираться на власть, организованную субсидиарно и коллегиально, чтобы не повредить свободе и не создать опасную всемирную тиранию, об опасности которой предупреждал, в частности, в *Caritas in veritate* Папа Бенедикт XVI. Особенно опасная ситуация складывается, когда основной характеристикой модели поведения становится потребительство, являющееся неизбежным отражением существующей в настоящее время технократической парадигмы. Причем данная парадигма создает искаженное представление о свободе, когда люди начинают верить, что свободны, если у них есть свобода для неограниченного потребления (тогда как реальная финансовая и экономическая власть в обществе принадлежит небольшой группе). Результатом может стать опасность глобальных волнений и конфликтов. Таким образом весьма актуальным на настоящий момент является изучение возможности использования христианских принципов организации общества (Голубев, Лукин, 2010, с.89-112), позволяющих создать эффективную модель управления и защитить достоинство человека.

Заключение

Весьма важным заключением, на которое Папа Франциск обратил особое внимание в своем подходе к социально-экономическим проблемам, является декларация того, что Церковь вовсе не пытается разрешить научные вопросы или заменить политиков. Но она призывает к честной и прозрачной дискуссии, чтобы частные потребности или

идеологии не мешали общему благу. Реальное развитие, по мнению Папы Франциска, предполагает отказ от стремления навязать свое собственное понимание законов и интересов и осознание того, что приобретение является не просто экономическим, но и нравственным выбором (что предполагает существенное изменение модели поведения). При этом безусловно актуальным является признание Бога единственным Творцом и Властителем мира.

Литература и электронные публикации в Интернете.

1. Benedictus XVI. Caritas in Veritate. (29.06.2009) // Vatican: the Holy See. URL:http://w2.vatican.va/content/benedict-xvi/en/encyclicals/documents/hf_benxvi_enc_20090629_caritasinveritate.html (дата обращения: 28.08.2016).
2. Benedictus XVI. Deus Caritas Est. (25.12.2005) // Vatican: the Holy See. URL:http://w2.vatican.va/content/benedict-xvi/en/encyclicals/documents/hf_ben-xvi_enc_20051225_deus-caritas-est.html (дата обращения: 28.08.2016).
3. Franciscus. Lumen fidei. (29.06.2013) // Vatican: the Holy See. URL: https://w2.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20130629_enciclica-lumen-fidei.html (дата обращения: 28.08.2016).
4. Franciscus. Evangelii Gaudium (24.11.2013) // Vatican: the Holy See. URL:https://w2.vatican.va/content/francesco/en/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20131124_evangelii-gaudium.html (дата обращения: 28.08.2016).
5. Franciscus. Laudato si' (24.05.2015) // Vatican: the Holy See. URL:https://w2.vatican.va/content/francesco/en/encyclicals/documents/papa-francesco_20150524_enciclica-laudato-si.html (дата обращения: 28.08.2016).
6. Ioannes Paulus II. Centesimus Annus (01.05.1991) // Vatican: the Holy See. URL:http://w2.vatican.va/content/john-paulii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_01051991_centesimus-annus.html (дата обращения: 28.08.2016).
7. Голубев Константин, Лукин Сергей. Теория ордолиберализма и католическое социальное учение: некоторые параллели. – Христианское чтение. – 2010. – № 3. – С. 89-112.
8. Голубев Константин. Вопросы развития социума в энцикликах Папы Римского Иоанна Павла II. – Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – 2016. – № 1 (4). – С. 14-23.
9. Голубев Константин. Естественный закон в позиционировании современного католического социального учения. – Христианское чтение. – 2015. – № 1. – С. 44-72.
10. Лемещенко Петр, Голубев Константин. Трудовой характер материальных благ и постсекулярное общество. – Философия хозяйства. – 2014. – № 1 (91). – С. 159-167.

KONSTANTIN GOLUBEV

POSITIONING OF THE INTEGRAL ECOLOGY IDEA IN SOCIO-ECONOMIC TEACHING OF POPE FRANCIS

Authors affiliation. Konstantin Golubev (gki@rambler.ru), Doctor of Economics, Candidate of Theology, Professor at the Belarus State Economic University (Minsk, Belarus)

Abstract. The article presents characteristics of Pope Francis' approach to problems of relationships between man and the world. Particular attention is paid to the complex institutional approach to solving social and economic problems. Analysis of these problems is based on the concept of "integral ecology" that implies a comprehensive analysis of social issues and necessity to study ecology in its broadest sense, taking into account environmental features, economics, social sphere, culture, and everyday life.

Keywords: ecology, labour, freedom, man, globalisation, crisis, Catholic social and economic teaching.

UDK 241.13

Статья поступила в редакцию 09.09.2016 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ И СВОБОДА ТРАНЗИТА ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ – ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ – КИТАЙ

Свобода транзита – это международная норма, предусмотренная тремя статьями ГАТТ-1994 Всемирной торговой организации. В статье отмечено, что Китай занимает первую позицию в экспортных поставках в Европейский союз, а ЕС является основным импортером Китая. Перевозка грузов в направлении ЕС-Китай сухопутным транспортом является перспективной. Развитие транзитных перевозок через территорию государств-членов ЕАЭС по направлению к Западной Европе в настоящее время осложняется рядом проблем связанных, прежде всего, с высоким уровнем издержек при использовании транспорта. Перспективы развития международных грузоперевозок и транзита в Республике Беларусь в значительной степени зависят от уровня согласованной политики в Евразийском союзе.

Ключевые слова: Международные грузоперевозки, транзит, внешняя торговля.

УДК 347.272

Галина Владимировна Турбан. (TurbanGV@mail.ru), к.э.н., доцент, заведующая кафедрой международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета, 220070 г. Минск, Партизанский пр. 26, к. 225. + 375 17 209-78-23

Введение

С усилением влияния глобализации и интегрированности государств одним из важных элементов конкурентоспособности экономики страны или группы стран является развитая система транспортных коммуникаций. Данный показатель является одним из важнейших признаков технологического прогресса и цивилизованности. Геостратегическое расположение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является достаточно выгодным при осуществлении перемещения международных грузопотоков товаров.

Важнейшим показателем интегрирования транспортной системы стран-участниц ЕАЭС является рациональное использование существующих транспортных сетей, реализация преимуществ их географического расположения и коммуникационной способности, обеспечивающей кратчайший путь между стран Европейского союза (ЕС) и Азии.

Азиатско-Тихоокеанский регион – это треть мирового валового продукта, четверть мирового экспорта и почти сорок процентов всех мировых инвестиций. Все прогнозы сходятся на том, что торговля между странами этого региона и Европой станет самым динамичным рынком,

и максимальные выгоды получают те страны, которые смогут привлечь на свои коммуникации транзитный евроазиатский грузопоток (Национальный центр правовой информации Ежегодный доклад IRU, 2014).

Обеспечение свободы транзита – международная норма

Целый ряд стран, особенно европейских, таких как Польша, Германия, Венгрия, Чехия, Австрия, Голландия, государства Прибалтики, обладая относительно небольшой территорией, используя выгодное географическое положение, давно превратили транзит в существенные статьи доходов своих бюджетов (Евростатистика, 2016).

Значение международного транзита для государств заключается, прежде всего, в следующем:

- возможность заработать странам, осуществляющим транзит по территории государства;
- повышение качества транспортной инфраструктуры в связи с постоянно увеличивающейся конкурентоспособностью;
- совершенствование нормативно-правовой базы и документации в связи с необходимостью соответствия международным стандартам;
- создание рабочих мест (работники на таможне, экспедиторы, работники придорожного сервиса и др.);
- совершенствование и постоянное поддержание единообразия правил дорожного движения, знаков и прочих элементов движения;
- необходимость совершенствования таможенных правил, что в результате благоприятно скажется на экономике страны в связи с привлекательными условиями для транзита и др. (Евразийское экономическое сообщество, 2016).

Адам Смит в своей работе «Богатство народов» отмечал, что помимо наличия свободной рыночной экономики важное значение для показателей экономической деятельности страны имеют географическое положение и выход к морю и соответственно к торговым путям. С течением времени железнодорожный, наземный и воздушный транспорт, а также телекоммуникационные и информационные технологии сократили преимущества прибрежных стран по сравнению со странами, не имеющими выхода к морю.

Нормативные источники, регулирующие транзит, представлены широким кругом правовых актов, состоящих как из международных источников, так и из нормативных актов внутреннего (национального) законодательства. Их цель – оптимизация процесса транзита, улучшение условий международных перевозок, упрощение оформления документов.

Обеспечение свободы транзита – это международная норма, предусмотренная тремя статьями ГАТТ-1994 Всемирной торговой организации:

- статья V (свобода транзита) устанавливает свободу транзита товаров, судов и других транспортных средств через территорию государств-членов ВТО по маршрутам, наиболее удобным для международных грузоперевозок. При этом товары и транспортные средства освобождаются от таможенных пошлин и от всех транзитных или других сборов, установленных в отношении транзита, за исключением сборов за перевозку или сборов, соразмерных с административными расходами, вызываемыми транзитом, или со стоимостью предоставленных

услуг. Все устанавливаемые сборы должны быть разумными и учитывать условия перевозки. Статья V содержит положения о запрете на неоправданные задержки или ограничения транзитных потоков.

- статья VII (оценка товара для таможенных целей) предусматривает, что договаривающиеся стороны признают действительность общих принципов оценки товаров. При этом оценка ввезенного товара для таможенных целей должна основываться на действительной стоимости ввезенного товара, в отношении которого применяется пошлина, или аналогичного товара, и не должна основываться на стоимости товара отечественного происхождения или на произвольной, или фиктивной стоимости. Под «действительной стоимостью» понимается цена, по которой товар продается или предлагается для продажи при обычном ходе торговли в условиях полной конкуренции.

Основы и методы определения стоимости товаров, подпадающих под обложение таможенными пошлинами или другими сборами должны быть стабильными и должны предаваться достаточной гласности для того, чтобы дать возможность коммерсантам определить, с разумной степенью точности, стоимость товаров для таможенных целей.

- статья X (публикация и применение торговых правил) предусматривает обязательства стран о своевременной публикации информации, чтобы дать возможность правительствам и коммерсантам ознакомиться с ней. Информация может касаться классификации или оценки товаров для таможенных целей, ставок пошлин, налогов, других сборов, требований, ограничений и запрещений импорта или экспорта, перевода платежей за них, влияющих на их продажу, распределение, транспортировку, страхование, хранение на складах, осмотр, выставление на обозрение, обработку, смешивание или другое использование и др.

Причем никакая мера общего применения, ведущая к повышению ставки пошлины или другого импортного сбора в рамках сложившейся и единообразной практики, или устанавливающая новые или более обременительные требования, ограничения или запреты на импорт, или на перевод платежей за него, не применяется до тех пор, пока эта мера не будет официально опубликована.

Грузопотоки Европейский союз-Китай

Следует отметить, транспорт является одной из основ экономики Европейского союза и играет важную роль в экономическом росте и создании рабочих мест. Стоимость транспортной инфраструктуры и технологий оценивается в 20 % суммарной стоимости основного капитала стран ЕС. Структура импорта и экспорта коммерческих услуг в ЕС представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Доля услуг по перевозке грузов в общем экспорте и импорте коммерческих услуг в 2014 г., %

Вид услуг	Экспорт	Импорт
Сопутствующие услуги	4,6	2,2
Перевозки грузов	18,7	21,5
Перевозки пассажиров	14,4	17,0
Прочие коммерческие услуги	62,3	59,4

Доля услуг по перевозке грузов в экспорте в 2014 году составила 18,7%, в импорте 21,5%. Что касается сопутствующих услуг: складские услуги, услуги по разгрузке, погрузке, услуги по оформлению документов и т.д.; то их доля в экспорте составила 4,6%, а в импорте 2,2% (Евростатистика, 2016).

США, Швейцария, Китай, Российская Федерация и Турция, как показано на рисунке 1, являются топ-5 основными странами-экспортерами Европейского союза (16,4%, 9,7%, 8,5%, 6,8%, 4,4% соответственно) (Евростатистика, 2016).

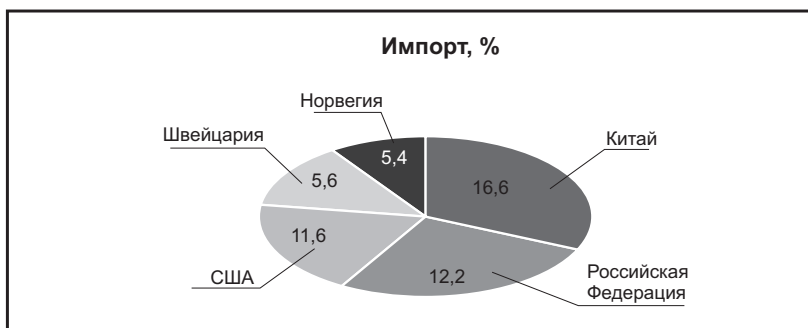

Рисунок 1 – Основные страны-экспортеры Европейского союза в 2014 г.

Китай, Российская Федерация, США, Швейцария и Норвегия являются топ-5 основными странами-импортерами Европейского союза (рисунок 2). Китай занимает лидирующую позицию с долей 16,6%.

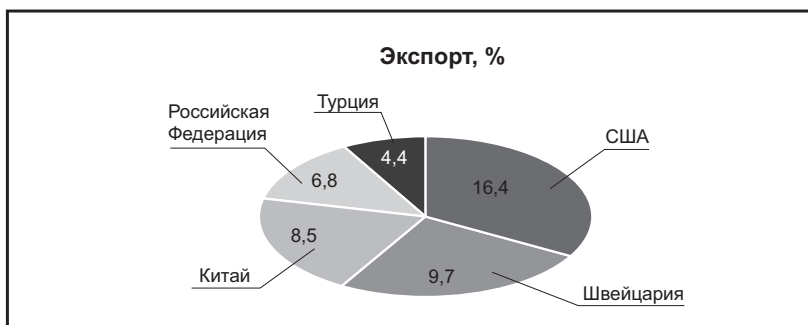

Рисунок 2 – Основные страны-импортеры Европейского союза в 2014 г.

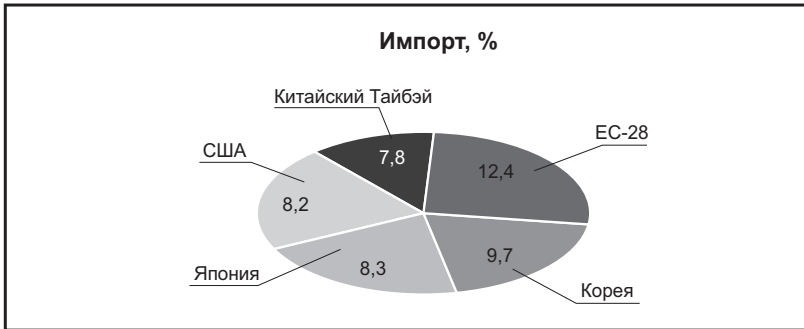
Структура импорта и экспорта коммерческих услуг в КНР представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Доля услуг по перевозке грузов в общем экспорте и импорте коммерческих услуг в 2014 г.,

Вид	Экспорт	Импорт
Сопутствующие услуги	9,9	0,2
Перевозки грузов	16,5	25,2
Перевозки пассажиров	24,5	43,2
Прочие коммерческие услуги	49,2	31,4

Доля услуг по перевозке грузов в экспорте в 2014 году составила 16,5%, в импорте 25,2%. Что касается сопутствующих услуг: складские услуги, услуги по разгрузке, погрузке, услуги по оформлению документов и т.д.; то их доля в экспорте составила 9,9%, а в импорте 0,2% (Евростатистика, 2016).

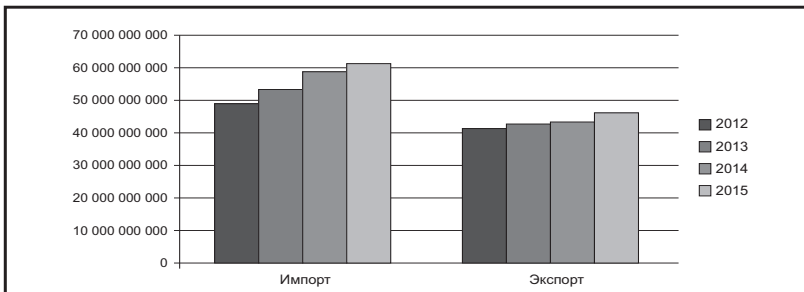
ЕС, Корея, Япония, США и Китайский Тайбэй являются топ-5 основными странами-импортерами Китая (рисунок 3). Доля ЕС-28 наибольшая и составляет 12,4%.

Рисунок 3 – Основные страны-импортеры КНР в 2014 г.

В 2015 году Китай экспортировал в основном в следующие страны ЕС: в Германию, Польшу и Великобританию. По сравнению с 2014 годом объемы экспорта увеличились на 13,3%, 23,9% и 44,5% соответственно.

В тоннажном выражении объемы экспорта и импорта представлены на рисунке 4.

Рисунок 4 – Импорт и экспорт стран ЕС в направлении ЕС- Китай за 2012 - 2015 гг., тонн

Из рисунка очевидно, что с 2012 года по 2015 год объем экспорта из Китая в ЕС стабильно растет с незначительными отклонениями. Экспорт из Евросоюза хотя и имеет тенденцию роста, но по своим показателям уступает китайскому импорту в несколько раз.

Основной товаропоток Китая сосредоточен на Востоке: около 91% экспорта проходит через крупные восточные порты. Однако в настоящее время железнодорожная инфраструктура на Востоке Китая перегружена, а загруженность крупнейших портов близка или выше максимальной. Перегруженная инфраструктура является барьером для развития промышленности, и поэтому появляется необходимость переклечения части экспортных потоков на сухопутные маршруты доставки товаров.

Также Центральные и Западные индустриальные районы в силу своей удаленности от Восточных морских портов, что ещё больше увеличивает сроки доставки товаров в ЕС, склоняются на сторону железнодорожного транспорта.

Железнодорожный транспорт является наиболее актуальным способом доставки товаров для быстро развивающихся центральных и западных провинций Китая. Существует, как минимум, 4 железнодорожных маршрута по направлению Китай-ЕС: Транссибирская магистраль (Транссиб), Транс-Азиатский коридор (ТАК), Южная Транс-Азиатская железнодорожная магистраль (ТАЖМ) и ТРАСЕКА. Наиболее перспективным направлением является Транс-Азиатский коридор (Чунцин – Достык – Брест – Дуйсбург). ТАК имеет протяженность приблизительно 10700 км и является самым коротким из выше перечисленных. Срок доставки по данному маршруту составляет 16-18 суток, что в 2,5-3 раза быстрее, чем перевозки морским транспортом (Шимов, Быков, 2016, с.7).

Реализуемая программа по развитию Западных и Центральных провинций Китая только поспособствует развитию железнодорожных перевозок в направлении ТАК.

Железнодорожные компании уже сейчас могут предложить потенциальным клиентам конкурентоспособные услуги по перевозке товаров особо требовательным к срокам доставки в сообщении Китай - Европа. С марта 2011 года курсирует ускоренный контейнерный поезд Чунцин-Дуйсбург. Прямой поезд стал одной из причин, по которой многие крупные компании стали открывать свои представительства и свое производство в Чунцине. На данный момент по маршруту курсируют 1-2 поезда в неделю, однако планируется с 2016 года отправка по этому маршруту 1-2 поезда в день. Он следует по территории шести государств: Китая, Казахстана, России, Беларуси, Польши и Германии. Проект ускорил сроки поставки груза из Чунцина в Дуйсбург до 16 суток. Проект экономит время грузоотправителей, поскольку контейнеры с грузами, которые доставляют из Китая в Европу, не находятся в простое для переоформления документов. Вся документация поезда унифицирована, а отсутствие переоформления исключает лишние затраты (Шимов, Быков, 2016, с.8).

Международный опыт также показывает, что одним из самых эффективных способов разрешения организационных проблем, связанных с транзитом через территории нескольких стран, является интеграция в рамках единой структуры железнодорожной перевозочной деятельности, терминально-складской сети и логистических компаний.

Немаловажным фактором увеличения транзита Китай-ЕС через территорию Республики Беларусь создание Объединенной Транспортно-Логистической Компании (ОТЛК) с участием железных дорог России, Казахстана и Беларуси. В июне 2013 года в рамках Петербургского международного экономического форума было подписано рамочное соглашение о создании ОТЛК, в октябре было подписано соглашение о базовых принципах создания и деятельности ОТЛК, в конце ноября 2013 года совет директоров РЖД одобрил вклад в уставный капитал ОТЛК в виде 50% плюс две акции ОАО «ТрансКонтейнер» и 100% минус одна акция ОАО «РЖД Логистика», принадлежащих РЖД, учредителями ОТЛК будут также АО «Национальная компания «Казакстан темир жолы» (Казахстан) и государственное объединение «Белорусская железная дорога» (Республика Беларусь). Данное объединение поможет

раскрыть потенциал транзита Китай-ЕС, ускорить сроки доставки грузов, предоставлять комплексные транспортные услуги отправителям на данном направлении, откроет новые возможности для создания транспортно-логистических схем доставки грузов между Азией и Европой.

Также Китай уже запустил проект «Экономический пояс шелкового пути». Впервые об этом проекте председатель КНР Си Цзиньпин сказал в сентябре 2013 года во время визита в Казахстан, выступая в «Назарбаев-Университете». В ноябре 2014 года было объявлено о создании фонда «Silk Road Company LTD» в размере 40 миллиардов долларов, которые предназначены для инвестиций в объекты нового Шелкового пути. Один из возможных вариантов пути начинается в Сиане (провинция Шэньси), затем следует в Ланьчжоу (провинция Ганьсу), в город Урумчи (Синьцзян-Уйгурский автономный район), пересечет Иран, Ирак, Сирию, Турцию, перейдет через Босфорский пролив. Дальше маршрут следует через страны Европы, среди которых Украина, Россия, Беларусь, Польша и завершится в Венеции. Там же заканчивается и еще один проект КНР «Морской Шелковый путь». Другой маршрут пересечет Европу и закончится в Испании. По расчетам властей КНР, их программы затронут более 4 миллиардов человек в 65 странах.

Таким образом, Китай наращивает промышленный потенциал весьма быстрыми темпами, что ставит страну перед выбором поиска оптимальных путей сбыта продукции. Так как большинство центров промышленных центров Китая не имеет выхода к морским портам, а Европа является перспективными рынков сбыта, что подтверждается объемами взаимной торговли, перевозка грузов в направлении ЕС-Китай сухопутным транспортом является весьма перспективной.

Грузопотоки государств-членов ЕАЭС

Следует отметить, что государства ЕАЭС в прошлом имели единую транспортную систему и инфраструктуру, а на данном этапе восстанавливают общее транспортное пространство. Поскольку развитие транспорта способствует ускорению экономического роста и социальной стабильности, а также повышению занятости, то формирование общего рынка транспортных услуг и создание единой транспортной системы становится одной из основных задач ЕАЭС.

Транзитный потенциал ЕАЭС составляет порядка 220 млн тонн и к 2020 году возможно достижение показателя в 400 млн тонн. Поэтому для перевозки таких объемов грузов необходима модернизация существующей транспортной инфраструктуры региона.

Рост спроса на услуги транспорта является следствием экономического развития и неотделим от него. Объем внешней торговли товарами государств – членов Евразийского экономического союза с третьими странами за 2015 год составил 579,5 млрд. долларов США, в том числе экспорт – 374,1 млрд. долларов, импорт – 205,4 млрд. долларов. По сравнению с 2014 годом объем внешней торговли сократился на 33,6%, или на 293,6 млрд. долларов. Объем экспорта товаров снизился на 32,7%, или на 181,5 млрд. долларов, импорт уменьшился на 35,3%, или на 112,1 млрд. долларов. Сальдо внешней торговли товарами сложилось положительное в размере 168,7 млрд. долларов (таблица 3) (Евразийская экономическая комиссия, 2016).

Как видно из таблицы 4, отрицательное сальдо внешней торговли наблюдается у Армении и Кыргызстана. В 2015 году оно составило

-0,9 и -0,9 миллионов долларов США. В Беларуси, Казахстане и России в 2015 году наблюдается превышение экспорта над импортом. В основном, это было связано с проводимой в этих странах политикой по импортозамещению.

Основным партнером по внешней торговле для стран ЕАЭС является Китай (в 2015 году удельный вес составил 13,3%). Следующими по величине партнерами стали страны-участницы ЕС: Нидерланды (9,0), Германия (8,7%), Италия (7,4%).

Объем взаимной торговли товарами за 2015 год составил 45,7 млрд. долл. США, или 74,7% к уровню 2014 года. Самые высокие показатели взаимной торговли наблюдаются между Казахстаном и Россией и между Россией и Беларусью. В товарной структуре взаимной торговли государств – членов ЕАЭС наибольший удельный вес занимают минеральные продукты (33,4% объема взаимной торговли), из которых 81,7% на рынок ЕАЭС поставляет Российская Федерация. Существенны поставки машин, оборудования и транспортных средств (16,4% объема взаимной торговли), из которых 60% приходится на Российскую Федерацию и 37,1% – на Республику Беларусь.

Объем экспорта Республики Казахстан на общий рынок снизился на 31,7% за счет сокращения поставок минеральных продуктов на 20,3% (43,6% общего объема экспорта Республики Казахстан во взаимной торговле), металлов и изделий из них – на 45,5% (17,7%), продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья – на 26% (8,6%).

Объем продаж товаров Кыргызской Республики сократился на 15,4%. Поставки продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья уменьшились на 48% (10,4% общего объема экспорта Кыргызской Республики во взаимной торговле), минеральных продуктов – в 2 раза (7,8%), в то время как по машинам, оборудованию и транспортным средствам показатель возрос на 7,3% (9,1%).

Таблица 3 – Объемы внешней торговли товарами со странами, не входящими в ЕАЭС (Миллиардов долларов США)

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Армения						
Оборот	3,7	4,3	4,3	4,4	4,5	3,5
Экспорт	0,8	1,1	1,1	1,1	1,2	1,3
Импорт	2,9	3,2	3,2	3,3	3,3	2,2
Сальдо	-2,1	-2,1	-2,1	-2,2	-2,1	-0,9
Беларусь						
Оборот	30,9	46,1	47,5	39,4	38,1	28,8
Экспорт	14,7	26,0	28,8	19,4	19,9	15,7
Импорт	16,2	20,1	18,7	20,0	18,2	13,1
Сальдо	-1,5	5,9	10,1	-0,6	1,7	2,6
Казахстан						
Оборот	71,9	97,5	107,9	107,9	98,6	60,0
Экспорт	53,8	76,8	79,6	78,1	72,3	40,8
Импорт	18,1	20,7	28,3	29,8	26,3	19,2
Сальдо	35,7	56,1	51,3	48,3	46,0	21,6

Кыргызстан						
Оборот	3,0	4,0	4,2	4,8	4,4	3,1
Экспорт	1,3	1,7	1,3	1,5	1,3	1,1
Импорт	1,7	2,3	2,9	3,3	3,1	2,0
Сальдо	-0,4	-0,6	-1,6	-1,8	-1,8	-0,9
Россия						
Оборот	580,5	760,2	774,9	781,1	727,5	483,9
Экспорт	366,4	476,0	481,9	486,4	460,9	315,2
Импорт	214,1	284,2	293,0	294,7	266,6	168,7
Сальдо	152,3	191,8	188,9	191,7	194,3	146,5
ЕАЭС						
Оборот	690,0	912,1	938,8	937,6	873,1	579,4
Экспорт	437,0	581,6	592,7	586,5	555,6	373,9
Импорт	253,0	330,5	346,1	351,1	317,5	205,5
Сальдо	184,0	251,1	246,6	235,4	238,1	168,4

Изменения в импорте-экспорте как между странами-участницами ЕАЭС, так и с внешними партнерами, оказали непосредственное воздействие на объемы перевозок грузов (таблица 4) (Евразийская экономическая комиссия 2016).

Таблица 4 – Перевозки грузов по видам транспорта (миллионов тонн)

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Армения	10,6	9,7	12,1	12,3	10,2	9,3
Беларусь	456,0	493,3	484,4	471,2	467,5	447,4
Казахстан	2 439,4	2 974,9	3 231,8	3 508,0	3 634,4	3 728,6
Кыргызстан	24,1	25,2	26,9	27,9	28,9	29,7
Россия	7 750	8 337	8 519	8 264	8 006	7 465,1
ЕАЭС	10 680,1	11 840,1	12 274,2	12 283,4	12 147,0	11 680,1

Таким образом, страны-участницы ЕАЭС владеют значительным транспортным потенциалом, который прежде все обусловлен географическим положением стран. Однако ввиду ряда проблем пропускная способность снижается, что приводит к снижению как внутренних, так и внешних грузопотоков.

Барьеры для международных перевозок и транзита в ЕАЭС

Наличие или отсутствие барьеров на рынках международных перевозок определяет открытость этих рынков и возможность более полной реализации возможностей международных перевозчиков, а также потенциала внешней торговли многих стран Евроазиатского региона.

Общее количество барьеров в сфере международных перевозок весьма значительно и по оценкам экспертов насчитывает от 80 до 120.

Проблема снижения уровня и последующего устранения барьеров в сфере перевозок наиболее активно стала изучаться с конца 90-х годов

XX века. К барьерам для международных автомобильных перевозок и транзита можно отнести физические, включая низкое качество инфраструктуры, в частности дорог. Наиболее сложные проблемы возникают в результате нефизических препятствий в международных перевозках и транзите.

Традиционно нефизические барьеры систематизируются в 4 основных группы:

- административные;
- технические (инфраструктурные);
- фискальные;
- трансграничные.

Каждая группа барьеров по-разному воздействует на рынок транспортных услуг и международные сообщения, однако результатом их действия всегда являются ограничения доступа на рынок, повышение стоимости доставки грузов, увеличение сроков доставки, снижение эффективности автомобильных перевозок и, в конечном итоге, снижение конкурентоспособности внешнеторговых товаров. Например, потери автоперевозчиков из-за одного только барьера - простоев на границах могут превышать 100 млн долларов. Перечень некоторых барьеров представлен в таблице 5.

Суть административных барьеров в широком понимании заключается в ограничении на законодательном национальном или международном (в рамках двусторонних соглашений) уровне доступа поставщиков к оказанию услуг. Наиболее ярким примером административных барьеров являются разрешительная система, квотирование перевозок, различного рода процедуры выдачи разрешений перевозчикам.

Технические барьеры в широком смысле связаны с инфраструктурными ограничениями, в т.ч. состоянием дорог, пропускной способностью пограничных переходов и т.д. Применительно к рынку перевозок грузов в рамках ЕАЭС барьеры представляют собой, в первую очередь, негармонизированные между странами-членами Союза ограничения на полную массу, габариты и осевые нагрузки транспортных средств, отсутствие взаимопризнания сертификатов взвешивания (требование повторного взвешивания) и др.

Под фискальными барьерами понимаются многочисленные местные сборы, в том числе дорожные, а также, в ряде случаев, сборы за транзитную перевозку, они включают приобретение дополнительных разрешений, спецразрешений, оплаты дополнительного времени пребывания водителей или транспортных средств и т.д.

Трансграничные барьеры проявляются при международных перевозках в форме различных проблем, возникающих при пересечении границ. Они включают простои на пограничных пунктах, необоснованный таможенный досмотр, принудительный конвой, ограничения на транзит и др.

Таблица 5 – Основные барьеры для международных автомобильных перевозок и транзита

Барьеры			
Административные	Технические	Фискальные	Трансграничные
-Разрешительные системы, закрепленные в некоторых двусторонних соглашениях -Квотирование выдаваемых разрешений -Длительные сроки выдачи разрешений и документов государственными органами -Обязательное страхование	-Требования повторного взвешивания -Плохое состояние дорог -Низкая пропускная способность пограничных переходов -Несоответственность в работе контрольных служб на пунктах пропуска -Плохие условия для полноценного отдыха водителей, стоянок, заправки топливом и технического обслуживания -Сложность ориентации на дорогах и в населенных пунктах (отсутствие указателей, неточные указатели и др.)	-Местные сборы (по массе, габаритам, отклонению от маршрутов, проезду отдельных населенных пунктов и территорий) -Плата за транзит (в т.ч. при отсутствии двусторонних соглашений) -Ставки дорожных пошлин -Высокие ставки за оформление деклараций -Поборы/взятки на трассах и в населенных пунктах	- Большое количество документов, требуемых для таможенного оформления при пересечении границы - Значительные сроки рассмотрения и оформления документации -Ограничения на транзит по территории страны -Платное сопровождение грузов -Досмотр транзитных грузов -Сложность/длительность получения виз для водителей -Разрешения на транзит и сроки их действия

Развитие транзитных перевозок через территорию государств-членов ЕАЭС по направлению к Западной Европе в настоящее время осложняется рядом проблем. Это, прежде всего, связано с высоким уровнем издержек при использовании транспорта на территории стран Союза. Например, автоперевозки являются рентабельными в том случае, если автопоезд имеет возможность в течение светового дня пройти расстояние до 1000 км. Это требование распространено в Европе и, если к транзиту привлекать европейские компании, то специальные системы отслеживания не позволят им, с целью соблюдения безопасности перевозок, двигаться в ночное время. Это обусловлено и состоянием дорожного покрытия, и дорог в целом (Ефременко, 2015).

Высокий уровень издержек в государствах-членах ЕАЭС обусловлен и следующими факторами:

- крайне неэффективное использование грузового транспорта. Согласно оценкам экспертов, его средняя производительность в четыре раза ниже по сравнению с развитыми зарубежными странами;
- значительная доля парка автомобилей характеризуется низким техническим уровнем, высокой степенью изношенности в эксплуатации, несоответствием структуре перевозимых грузов и другим эксплуатационным требованиям;

- недостаточное развитие логистических систем, слабая координация работ при осуществлении смешанных перевозок с участием других видов транспорта;

- отсутствие эффективных перевозочных технологий в грузоперерабатывающих узлах и на междугородных маршрутах обусловили значительное сокращение использования большегрузных автотранспортных средств и неадекватное увеличение на этих перевозках малотоннажного автопарка, при полной ликвидации системы загрузки порожних автомобилей грузом в попутном или обратном направлении (Кудряшов, 2016).

К барьерам физического характера можно отнести следующие:

- заметное отставание существующей инфраструктуры и технологий от международных стандартов качества (скорость прохождения пути маршрута и т.д.);

- недостаточная пропускная способность погранпереходов;

- отсутствие развитой логистической и коммуникационной сети, пунктов придорожного сервиса;

- недостаточное развитие мощностей по переработке, консолидации и расконсолидации грузов (Дзикович, 2016).

Согласно оценкам специалистов из Центра социально-экономических исследований CASE Belarus, посвященному транзитным перевозкам через Беларусь, грузоперевозки автотранспортом между Россией и ЕС к 2025 году вырастут примерно в 2,5 раза, если сравнить с 2010 г. Для достижения такого роста в первую очередь необходимо гармонизировать законодательство. Если же оставить все так как есть, по мнению экспертов, возможности транзитной сети ЕАЭС ухудшатся и привлекательность союза будет сходиться на нет.

Перспективы сотрудничества Беларуси и Литвы в контексте участия в проекте Китая «Экономический пояс Шелкового пути»

Международные перевозки грузов являются одним из наиболее перспективных направлений развития экономики транзитных государств, к которым относятся Республика Беларусь и Литва. Объем торгового оборота «США – Европа – Азия» составляет свыше 600 млрд. долларов США в год, контейнерных перевозок – превышает 6 млн. единиц (Булко, 2013, с.159). Потенциал для развития международных грузоперевозок и транзита в Беларуси и Литве обусловлен следующими факторами:

- географическим положением;
- техническими возможностями;
- устойчивой технологической структурой транспортных операций;
- широкой информационной базой;
- надежным правовым полем.

Для Республики Беларусь повышение эффективности использования транзитного потенциала является приоритетным направлением развития национальной транспортной системы. Этой стратегической цели будет способствовать и реализация на территории республики стратегии Китая «Экономический пояс Шелкового пути». У создаваемой сети огромный географический масштаб. По расчетам Китая, годовой товарооборот между странами, участвующими в проекте нового Шелкового пути, превысит 2,5 трлн долларов США уже в ближайшие 10 лет.

Фактически транзитные перевозки из Китая в Европейский союз по территории Беларуси начались ранее официально провозглашенной стратегией Экономического пояса Шелкового пути. В июле 2011 года был открыт железнодорожный маршрут, который соединил Западный Китай с Центральной Азией и Европой. На территории Китая он проходит от Чунцина до Алашанькоу в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, затем через Казахстан, Россию, Беларусь, Польшу и Германию. Общая протяженность этого маршрута – более 11000 км. (Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016). В настоящее время, по данным пресс-службы Белорусской железной дороги (БЖД), в сообщении Китай – Западная Европа (Польша, Германия, Литва, Чехия) – Китай по БЖД курсирует десять контейнерных поездов в месяц.

Альтернативой проекту нового Шелкового пути, создающегося на основе Транссибирской магистрали при участии Российской Федерации и Республики Беларусь, является транскаспийский международный транспортный маршрут. Он связывает Китай и Казахстан через Каспийское море с Азербайджаном, Грузией, Турцией, а далее с Европой, был разработан в 2013 году и получил название «Шелковый ветер». Первый рейс по альтернативному маршруту из Китая в Тбилиси прибыл 13 декабря 2015 году. Новый маршрут позволит практически в пять раз сократить время на доставку грузов: сейчас морем из Китая они идут до 45 дней, а по «Шелковому ветру» будут доставляться всего за 9 (Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016).

К проекту «Шелковый ветер» присоединилась Украина. 15 января 2016 года из Украины (г. Ильичевск Одесской области) отправился экспериментальный рейс контейнерного поезда по маршруту Украина-Грузия-Азербайджан-Казахстан-Китай, который включает как железнодорожные участки, так и паромные переправы Черного и Каспийских морей (Ильичевск - Батуми и Алят-Актау-порт). Проект «Шелковый ветер» выходит на проект «Викинг», который через Украину, Беларусь, Литву соединяет Черное и Балтийское моря и обеспечивает наиболее оптимальный маршрут при поставках товаров между Китаем и странами Скандинавии. Сотрудничество Беларуси и Литвы в рамках проектов «Викинг» и «Шелковый ветер» является взаимовыгодным, перспективным, повышающим транзитный потенциал обоих государств при поставках грузов на маршруте Китай-ЕС.

Реализация стратегии Китая предполагает современные способы доставки. При этом особое значение Китай придает созданию «Опорных пунктов Шелкового пути» - строительству индустриальных парков и логистических центров. Получили развитие совместно построенный Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень», Китайский промышленный парк в Астане и Актау (Казахстан), индустриальный парк в Джизаке (Узбекистан), Зоны свободной торговли в Каунасе и Клайпеде (Литва).

В Республике Беларусь создается одна из наиболее значимых опорных точек, соединяющих Центральную Азию и Европу – Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень». Он расположен в 30 км от столицы Беларуси, на площади 91,5 кв. км. Выгодное территориальное расположение Парка обусловлено его непосредственной близостью к международному аэропорту Минск, железной дороге, транснациональной автомобильной магистрали Берлин-Москва, а также доступом к Клайпедскому порту на побережье Балтийского моря на

расстоянии 500 км. China Merchants Group и Китайская машиностроительная корпорация Sinomach являются главными учредителями парка, ответственной за его развитие (Авдей, Чайковская, 2016, с.60).

Беларусь, с учетом экономических преимуществ, является активным участником международных грузоперевозок и обеспечения свободы транзита (Турбан, 2016, с.68).

Заключение

Обеспечение единства транспортного пространства ЕАЭС достигается за счет формирования системы международных транспортных коридоров, включающих инфраструктурные объекты всех видов транспорта, а также их обустройство. Для эффективного решения задач по повышению технического уровня транспорта необходимо предусматривать следующие меры:

- согласование на межгосударственном уровне национальных программ развития транспортных коммуникаций, включенных в перечень транспортных коридоров ЕАЭС;

- модернизация имеющихся инфраструктурных объектов международных транспортных коридоров ЕАЭС и постепенное приведение их в полное соответствие с требованиями международных конвенций.

Технологии перевозок грузов необходимо совершенствовать следующими путями:

- разработка и применение единых стандартов и типовых технологических процессов;

- развитие мультимодальных, контейнерных, контрейлерных и пакетных перевозок грузов, создания терминальных и логистических комплексов;

- внедрение механизмов повышения эффективности функционирования транспортных систем на основе использования современных логистических и информационных технологий,

- внедрение глобальной речной, морской, воздушной и дорожной навигации на основе использования спутниковых систем слежения и позиционирования;

- применение современных транспортно-таможенных технологий на внешних границах ЕАЭС в целях ускорения контрольных процедур, особенно при перевозках социально-важных грузов (гуманитарных грузов, скоропортящихся продуктов и т. д.);

- осуществление мер по обеспечению безопасности перевозок и сохранению окружающей среды (включая предотвращение чрезвычайных ситуаций техногенного и социального характера);

- унификация требований, правил и технологий на основе присоединения государств-членов ЕАЭС к международным соглашениям и конвенциям в области транспорта, приведение законодательной и нормативной правовой базы в соответствие с их требованиями.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Авдей Ольга, Чайковская Юлия. Анализ инновационного потенциала экономики Беларуси. – Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – 2016. – № 2 (5). – С. 56-65.

2. Булко Ольга. Развитие логистических услуг как фактор инновационного развития Беларуси. – Вестник Полоцкого государственного университета. – 2013. – № 4.– С. 154-162.
3. Дзикович Николай. Международные транспортные операции и логистика: курс лекций. URL: <http://bib.convdocs.org/v25753/> – (дата обращения: 03.10.2016).
4. Евростатистика: авто, динамика импорта/экспорта в Республику Беларусь, страны ЕС URL: <http://www.eurostat.com/services/state/by-road-dinamic.php> (дата обращения: 27.09.2016).
5. Ефименко Алексей. Формирование и развитие логистической системы в Республике Беларусь. – Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – № 1 (17). URL: <http://eee-region.ru/> (дата обращения: 28.09.2016).
6. Концепция формирования Единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества URL: <http://evrazes.com/docs/view/68> (дата обращения: 26.09.2016).
7. Кудряшов Никита. Использование транзитного потенциала Республики Беларусь посредством формирования транспортно-логистической системы. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/1841/232/> (дата обращения: 29.08.2016).
8. Перевозки грузов по видам транспорта. URL: <http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/transport-i-svyaz/osnovnyepokazateli-za-period-s-1995-po-2014-gody/perevozki-gruzov-po-vidam-transporta/> (дата обращения: 28.08.2016).
9. Таможенное регулирование. – Мн.: ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2016. – 244с.
10. Турбан Галина. Международные грузоперевозки и логистика в Республике Беларусь в контексте развития глобализации. – Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – 2016. – № 2 (5). – С. 66-75.
11. Шимов Владимир, Быков Алексей. Новый шелковый путь как глобальный проект развития: выводы для Беларуси. – Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: матер. IX между. науч.-практ. конф., – Мн., 2016. – С. 5-12.

GALINA TURBAN

**INTERNATIONAL TRANSPORTATION
AND FREEDOM OF “EUROPEAN UNION –
EURASIAN ECONOMIC UNION – CHINA”
TRANSIT**

Authors affiliation. Galina Turban (TurbanGV@mail.ru) PhD, Associate professor, Head of the International Business Department, Belarus State Economic University. (Minsk, Belarus)

Abstract. Freedom of transit is an international norm stipulated by three articles of GATT-1994 of the World Trade Organisation. The article points out that China ranks first in exports to the European Union, while the EU is the major importer to China. Transportation of goods between the EU and China by land is promising. Development of transit through the territory of the EAEU Member States towards Western Europe is currently complicated by a number of issues associated primarily with high costs of transportation. Prospects for development of international cargo transportation and transit in the Republic of Belarus are largely dependent on the level of coordinated policy in the Eurasian Union.

Keywords: International cargo transportation, transit, foreign trade.

UDC 347.272

Статья поступила в редакцию 3.10.2016

МИНИМИЗАЦИЯ ЭКСПОРТНЫХ РИСКОВ ПУТЕМ СТРАХОВАНИЯ В СИСТЕМЕ МЕР СТИМУЛИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭКСПОРТА

Современные формы внешнеэкономической деятельности предусматривают использование различных финансовых инструментов. Страхование экспортных контрактов позволяет экспортерам своевременно получать валютную выручку и обеспечивать бесперебойный производственный процесс, способствуя тем самым росту конкурентоспособности и укреплению экспортного потенциала страны. Использование экспортного страхования позволяет экспортеру предоставлять своим контрагентам более выгодные условия оплаты по контракту и служит вспомогательным инструментом диверсификации рынков сбыта, а значит влечет за собой повышение эффективности внешнеэкономической деятельности предприятия.

Ключевые слова: экспорт, кредитные риски, страхование, обеспечение выполнения обязательств.

УДК 339.56

Ольга Васильевна Авдей (rabotaeconomy@yandex.ru), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления бизнесом, Государственный институт управления и социальных технологий БГУ, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Обойная, 7. +37517306-00-20

Юлия Валерьевна Чайковская (J1931@yandex.ru), кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики, Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ, Республика Беларусь, Минск, ул. Московская, 5. + 37517 399-23-93

В современных условиях страхование экспортных контрактов играет все более значимую роль, так как в связи с кризисными явлениями в мировой экономике произошло увеличение числа неплатежей по внешнеторговым контрактам, что отрицательно влияет на результативность ВЭД предприятий. Таким образом, для экспортеров возникает необходимость поиска различных путей обеспечения выполнения своих обязательств контрагентами, в том числе и путем страхования.

В течении прошедшего столетия рынок страховых услуг динамично развивался, что определялось существенными изменениями всех секторов экономики. Сейчас существует большое многообразие доступных для потребителя страховых продуктов, адаптированных практически ко всем сферам экономической жизни, в том числе к внешнеэкономической деятельности предприятий и дающих возможность страхования внешнеэкономических рисков. Эти риски связаны с погашением экспортных кредитов, транспортировкой грузов, проведением международных выставок и ярмарок, инвестированием, интернационализацией

и ведением бизнеса за рубежом в целом. Условно их можно поделить на коммерческие риски, политические риски, конфискацию активов и запрет на репатриацию дивидендов.

В данной работе представлен анализ действующей практики страхования экспортных контрактов в Республике Беларусь и за рубежом. Его актуальность обусловлена необходимостью поддержки и предоставления большего доступа к информации малым и средним предприятиям, производящим продукцию с высокой добавленной стоимостью, но, как правило, не имеющих опыта ведения бизнеса за рубежом. Кроме того, падение потребительского спроса на традиционных внешних рынках вынуждает белорусских экспортеров выходить на новые рынки в странах с более высокими рисками.

Страхование экспортных контрактов относится к имущественному страхованию и представляет собой страхование операций между контрагентами в разных странах путем гарантирования исполнения обязательств по экспортному контракту на основе заключения между страховой компанией и экспортером договора. Этот вид страхования отчасти выступает альтернативой аккредитиву, который так же страхует риск неплатежа по контракту, но, как правило, по стоимости превышает издержки на приобретение страхового полиса.

В качестве основных достоинств страхования экспортных контрактов можно отметить длительный срок предоставления кредита контрагенту (финансирование в этом случае осуществляется под фиксированную ставку) и возможность диверсификации источников финансирования. Недостатком страхования является более длительная процедура андеррайтинга. Кроме того, максимальная сумма возмещения составляет не более 85% от стоимости контракта, что требует собственное участие экспортера, в то время как аккредитив предоставляет возможность покрытия полной стоимости транзакции.

История страхования кредитных рисков насчитывает более 150 лет. Впервые теоретическое обоснование возможности страхования кредитных рисков дал итальянский ученый Сангинетти, который в 1839 году опубликовал работу под названием «Эссе новой теории для применения систем страхования к убыткам, вызванным несостоятельностью коммерсанта». В своем исследовании Сангинетти показал, что большая часть банкротств происходит вследствие обстоятельств, не зависящих от воли предпринимателей, и при большом количестве случаев и возможности их распределения по типам предприятий можно определить степень вероятности банкротства. Таким образом, теоретически была доказана возможность применения для гарантирования кредитов фундаментального принципа страхования — обеспечения множественности рисков и статистических исследований для определения ставки страховой премии.

Вопрос о страховании кредита приобрел большое практическое значение в связи с разделением труда в сфере торговли. Производитель и продавец стремились специализироваться на избранной ими отрасли хозяйственной деятельности, не отвлекаясь вопросами рисков, возникающих при кредитовании покупателя товара. Кредитный риск относился по существу к сфере деятельности банка, достаточно знающего своих клиентов и располагающего информацией об их кредитоспособности, но выработка шкалы страховых премий в зависимости от размеров риска была основной экономической и технической проблемой страхова-

ния кредита. Определение вероятности наступления страхового случая, размера страхового тарифа и других существенных условий договора базировалось прежде всего на детальном и внимательном изучении страховым обществом коммерческого и финансового состояния дел его клиентов, как кредиторов, так и дебиторов, а также анализе всех деталей страхуемой торговой операции.

Изначально страхование кредитов предполагало страхование только от внутренних кредитных рисков, то есть страхование от рисков в торговых операциях, в которых продавец и покупатель являлись резидентами одной страны. В конце 19 века был отмечен первый прецедент страхования экспортных рисков при осуществлении английскими торговцами внешнеэкономических операций с Австралией. А в 1916 году Объединенными торговыми палатами Великобритании была принята резолюция о необходимости страхования кредитных рисков при предоставлении экспортерами кредитов иностранным покупателям и в 1917 году была учреждена Торговая страховая компания, на которую была возложена функция проведения страхования экспортных кредитов.

Торговая страховая компания, стремясь к строгой специализации, часто ограничивала свою роль в страховании кредитной сделки лишь функцией рекомендации и экспертизы, то есть устанавливала определенный страховой тариф и кредитный лимит. Что же касается самого страхования, то оно производилось страховой компанией «Lloyd's», которая опиралась на указания Торговой страховой компании (Скрага, 2004, с.24). Таким образом, первоначально сложилась частная система страхования кредитов. Было проведено теоретическое обоснование возможности проведения страхования кредитов, собрана страховая статистика, построены шкалы тарифных ставок.

В 20х годах XX столетия в связи с построением биполярного мира и усложнением международных отношений, параллельно с существовавшими ранее кредитным и торговым риском возникает политический риск, который представлял собой риск неплатежа вследствие обстоятельств, обусловленных политикой проводимой страной импортера в отношении импортируемых товаров, эмбарго, войн и т.д. Как следствие, у экспортеров возникла необходимость страхования политических рисков неплатежа, покрывать которые частные компании оказались не в готовности.

Страхование экспортного кредита от всех рисков имело большое практическое значение для экспортеров и несмотря на то, что к цене товара, кроме всех накладных расходов добавилась новая величина – стоимость страхования, выгоды, вытекавшие из возможного расширения торговых операций, были значительными. В связи с этим, после Первой мировой войны в большинстве развитых стран создаются в разной юридической форме специализированные страховые компании, которые страхуют политические риски неплатежа по контрактам национальных экспортеров за счет государственного бюджета своих стран. Пионером в этом направлении выступил Департамент гарантий экспортных кредитов (ДГЭК), созданный в 1919 году в Великобритании. Возможность применения гарантийных операций относилась только к экспорту товаров, произведенных или переработанных в пределах Великобритании. В этом случае, по сути, речь уже идет не о чистом, классическом страховании, а о стимулировании национального экспорта при поддержке бюджета, но на возвратной основе. Однако, параллельно интенсивно

развивается и частный рынок кредитного страхования, покрывающий кредитные риски внутри отдельных стран и в торговле развитых стран между собой, где политический риск минимален и на первое место выходят коммерческие риски неплатежа. (Зайцева, Болибок, 2007, с.217). Таким образом, на втором этапе параллельно с частными компаниями возникли и развились государственные системы финансирования и страхования экспорта. Именно на этом этапе шло создание прообразов тех систем стимулирования экспорта, которые существуют сейчас.

Начиная с 1930-х годов сформировалась тенденция унификации экспортного кредитования и страхования на основе создания международных организаций. В 1928 году в Париже была создана Международная ассоциация кредитного страхования, в 1991 она была переименована в Международную ассоциацию страховщиков кредитов и гарантий. Данная организация была создана в целях обмена информацией о существующих условиях торговли, о тенденциях развития в различных секторах экономики и сотрудничестве в сфере перестрахования. В настоящее время ассоциация действует также как представитель своих членов во взаимоотношениях с международными организациями, такими как Всемирный банк, Международная торговая палата, Комиссия ООН по международному торговому праву (UNCITRAL) и др. при определении общих принципов страхования кредитов и гарантий (Скрага, 2004, с.26).

Дополняющей структурой, которая осуществляла унификацию принципов страхования экспортных кредитов с поддержкой государства на международном уровне, стал Международный союз страховщиков для регулирования кредитов, созданный в 1934 году в Берне и переименованный в 1980-ых годах в Международный союз страховщиков кредитов и инвестиций (Бернский союз). Бернский союз в своей деятельности руководствуется целями выработки и применения на практике согласованных условий кредитования внешнеторговых операций, страхования экспортных рисков, обмена опытом по проведению страхования экспортных кредитов и кредитования, сотрудничества по со-страхованию и перестрахованию, урегулированию убытков и реализации суброгации (Шахова, Ахвледиани, 2009, с.463).

В середине XX века в практике международного экономического сотрудничества и внешней торговли значительное место стали занимать поставки промышленного оборудования, компенсационные и другие экспортно-импортные сделки на базе долгосрочных и среднесрочных кредитов. С целью обеспечения гарантии погашения кредитов в обусловленные сроки кредиторы во многих случаях стали проводить страхование экспортных кредитов или риска неплатежа. В этой связи правительства многих стран продолжили курс на создание агентств по финансированию и страхованию экспортных кредитов и унификацию принципов их работы. Таким образом, третий этап развития кредитного страхования характеризовался разработкой общих принципов и стандартизацией условий проведения страхования экспортных кредитов с поддержкой государства. Рынок частного кредитного страхования в этот период был ограничен сферой страхования внутренних кредитных рисков (Зайцева, Болибок, 2007, с.218-219).

Унификация условий финансирования и страхования экспортных кредитов продолжалась и основой этого процесса в 90-е годы стало решение Организации экономического сотрудничества и развития об ограничении конкуренции правительств в области льготного экспорт-

ного кредитования и ориентация своих членов на сохранение льгот только при страховании. В результате экспортеры стали использовать в качестве конкурентного преимущества цены и качество продукции, а не государственную поддержку. «Соглашение об унификации экспортных кредитов, пользующихся государственной поддержкой» («Консенсус ОЭСР») с момента его подписания решило задачу по установлению общих правил финансирования и страхования экспортных кредитов.

Во второй главе данного соглашения, описывающей финансовые условия предоставления страхового покрытия экспортных рисков, установлен предельный объем ответственности страховщика по страховой сделке в эквиваленте 85% от стоимости покрываемого контракта. Данный пункт представляет особую значимость для понимания механизма функционирования экспортного страхования в целом, поскольку, не зависимо от того, покрывается ли краткосрочная или долгосрочная сделка, страховое покрытие не может быть предоставлено на всю сумму, приведенную в параграфе о цене покрываемого контракта. В этой связи, доля собственного участия страхователя в покрытии внешнеэкономического риска так или иначе не должна быть менее 15% от установленной в страхуемом контракте цены. (Шахова, Ахвледиани, 2009, с.464).

В 1999 году вступило в силу «Соглашение о стоимости страхования, проводимого с официальной поддержкой» – «Пакет Кнэпена», который предусматривает два базовых положения: зависимость страховых тарифов от качества страхового покрытия и адекватность страховых взносов долгосрочным операционным расходам экспортера (The Knaepen Package, 2013). Данным документом регламентируются правила формирования минимального уровня страховой премии с учетом странового риска. Модель оценки риска страны сейчас предусматривает количественную оценку кредитного риска страны на основании трех групп факторов: платежной истории предприятий и государства (определяется на основании данных, предоставляемых экспортными кредитными агентствами); финансовой и экономической ситуации в стране (определяется на основании данных МВФ, Всемирного банка и других международных организаций) (OECD Consensus Country Classifications, 2014).

На сегодняшний день основные условия проведения страхования экспортных кредитов с государственной поддержкой практически во всех странах одинаковы и базируются в первую очередь на международном праве. Среди основных международных документов, регламентирующих порядок проведения страхования экспортных кредитов, можно выделить: «Соглашение об унификации экспортных кредитов, пользующихся государственной поддержкой», «Соглашение об условиях предоставления связанных кредитов», «Соглашение о стоимости страхования, проводимого с официальной поддержкой» – «Пакет Кнэпена», «Общие подходы Бернского союза» (Зайцева, Болибок, 2007, с.226).

Современные системы стимулирования экспорта в виде экспортных кредитных агентств создаются по двум принципиально разным схемам. В первом случае, на этапе создания агентства, правительство формирует его уставный фонд в достаточном размере для обеспечения проведения запланированного объема страховых операций. Кроме того, в бюджете предусматриваются средства, привлекаемые в случае недостатка собственного капитала агентства для выплаты страховых возмещений. Во втором варианте правительство уполномочивает частную страховую

компанию на проведение страхования экспортных кредитов за счет и в пользу государства.

Первая схема используется преимущественно новыми агентствами, в то время как вторая исторически сложилась в тех странах Западной Европы, где функционируют крупные частные страховщики (Германия, Дания, Нидерланды). При реализации второй схемы компания за комиссионное вознаграждение выполняет лишь роль посредника. Все страховые взносы перечисляются в бюджет и выплаты возмещения осуществляются из бюджета (Зайцева, Болибок, 2007, с. с.220-221). При любой из рассмотренных схем, опора на бюджет является общей характерной чертой деятельности экспортных кредитных агентств. Средства для гарантирования операций по страхованию экспортных кредитов вместе с расходами на другие инструменты стимулирования экспорта (например, компенсация процентных ставок) являются одним из главных элементов системы государственной поддержки экспорта во всех странах (Официальный сайт АО «Государственная страховая корпорация по страхованию экспортных кредитов и инвестиций», 2016).

Помимо экспортных кредитных агентств (ЭКА) во многих развитых странах (Великобритания, Германия, Франция, США, Швеция и т.д.) на рынке страхования экспортных кредитов действуют и частные страховщики, абсолютное большинство которых входит в одну из страховых групп Euler Hermes, Atradius либо Coface. Каждый из участников рынка имеет свои преимущества, которые в совокупности создают условия для максимального охвата страхованием внешнеторговых сделок отечественных экспортеров. В тоже время доля мелких частных страховщиков в общем объеме страхования экспортных кредитов весьма незначительна. Исходя из рекомендаций Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Всемирной торговой организации, частными страховщиками может предоставляться страховое покрытие как по краткосрочным, так и долгосрочным, но только коммерческим рискам, включая банкротство покупателя, отказ от принятия поставленной продукции, неоплату либо задержку оплаты реализованной продукции. Кроме того, зачастую частные страховщики просто не в состоянии проводить страхование от политических рисков (Finance for Trade, 226, p.37).

На сегодняшний день в мире функционирует более 80 экспортных кредитных агентств, созданных в странах по всему миру (About the Berne Union, 2015). С учетом тенденции к унификации, практически у каждого такого агентства существуют схожий набор инструментов страхования экспортных рисков, который базируется на общих международных правилах и нормах. В целом, экспортное страхование классифицируется по срокам предоставления страхового покрытия и подразделяется на два основных вида: краткосрочное и средне- и долгосрочное.

Краткосрочное страховое покрытие экспортных рисков представляет собой страхование торговых операций, срок проведения которых не превышает одного календарного года. Как правило, данный вид покрытия используется при страховании всего торгового оборота поставщика, другими словами страховщик принимает на страхование полный объем торговой дебиторской задолженности поставщика. Средне- и долгосрочное страховое покрытие экспортных рисков, в свою очередь, является более сложным видом страхового покрытия, поскольку подразумевает страхование рисков по долгосрочным проектам, период

исполнения которых превышает год и, в основном, заключается в промежутке от трех до пяти лет, а в некоторых случаях до 15 лет. Таким образом, при использовании механизмов данного вида страхового покрытия, страхование внешнеэкономических рисков осуществляется по отношению к единичным транзакциям, проводимым той или иной компанией на внешних рынках.

Кроме того, различие представленных выше видов страхового покрытия заключается в институте его предоставления. Так, краткосрочное страхование осуществляется в большем объеме частными экспортно-кредитными страховщиками, в то время как средне- и долгосрочные проекты покрываются в основном государственными ЭКА. Данный факт можно объяснить с позиции достаточности финансовых активов существующих агентств для покрытия сделок, поскольку сделка не может быть принята страховой компанией на страхование, если у последней недостаточно средств для покрытия убытка, который может возникнуть в результате наступления случайного неблагоприятного события. И в таком случае, опора на бюджет является значительным фактором в пользу функционирования современных экспортных кредитных агентств с поддержкой государства.

В Беларуси страхование экспорта по такому принципу стало осуществляться сравнительно недавно, когда в соответствии с Национальной программой развития экспорта на 2000-2005 годы, Правительством Республики Беларусь было принято решение о поэтапном создании национальной системы страхования внешнеторговых операций и экспортных кредитов.

Первый этап предполагал создание уполномоченной государственной страховой организации. Этой организацией стало Белорусское республиканское унитарное предприятие экспортно-импортного страхования «Белэксимгарант», которое выступает как экспортное кредитное агентство Республики Беларусь, наделенное исключительным правом страхования экспортных рисков с поддержкой государства. В то же время прочие страховые компании могут проводить страхование коммерческих рисков при осуществлении внешнеторговых операций резидентами Республики Беларусь в рамках страхования финансовых рисков.

Второй этап предусматривал формирование системы страхования экспортных кредитов, создание на государственном уровне и на уровне уполномоченной организации правовой и методологической базы, необходимой для внедрения такой системы, что потребовало существенной эволюции законодательства. Было разработано Положение о порядке страхования экспортных контрактов с использованием механизма работы фонда поддержки экспорта и издан Указ Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006г. № 534 «О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг)» (далее Указ).

Указом утверждены Положение о страховании экспортных рисков с поддержкой государства, Положение о порядке выдачи и использования бюджетных ссуд для выплаты страховых возмещений по договорам страхования экспортных рисков с поддержкой государства и Положение о порядке компенсации потерь банкам, предоставляющим экспортные кредиты для производства и реализации товаров (работ, услуг). Сложившаяся система страхования экспортных рисков Беларуси соответствует международным нормам, и сегодня в рамках бюджета предусмотрен:

- предельный размер обязательств по договорам страхования экспортных рисков с поддержкой государства, который на 2016 год составляет в эквиваленте 1728 млн. долл. США.

- бюджетные ссуды для выплаты при необходимости страховых возмещений по договорам страхования экспортных рисков с поддержкой государства (на 2016 год – 13,6 трлн. бел. руб.).

- средства на компенсацию потерь банкам от предоставления экспортных кредитов (на 2016 – 565,0 млрд. бел. руб.) (О республиканском бюджете на 2016 год: закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2015 г., №341-3, 2016).

При страховании экспортных контрактов предусматривается собственное участие страхователя в убытках, то есть франшиза. В соответствии с Указом, максимальный размер страховой суммы по одному договору страхования экспортных рисков с поддержкой государства составляет 50% установленного предельного размера обязательств по таким договорам.

В настоящее время предусмотрено проведение следующих видов страхования экспортных рисков с поддержкой государства:

1. Страхование кратко-, средне- и долгосрочных экспортных контрактов от политических или коммерческих рисков;

2. Страхование убытков экспортеров, связанных с выполнением экспортного контракта;

3. Страхование риска непогашения банковского кредита, предоставленного отечественному экспортеру для производства экспортной продукции (выполнения работ, оказания услуг);

4. Страхование риска непогашения банковского кредита, предоставленного нерезиденту Республики Беларусь для осуществления платежей за поставленную отечественным экспортером продукцию (выполненные работы, оказанные услуги);

5. Страхование экспортных рисков резидентов Республики Беларусь, приобретающих в собственность товары других резидентов Республики Беларусь для их передачи в лизинг организациям – нерезидентам Республики Беларусь, включая банки;

6. Страхование инвестиций белорусских юридических лиц в иностранных государствах от политических рисков;

7. Страхование банковских гарантий или иных услуг, предоставляемых банком экспортера иностранным покупателям (По пути совершенствования страхования во внешнеэкономической деятельности, 2007).

Начиная с 2007 года Белэксимгарант заключил более 45 тысяч договоров страхования экспортных рисков с поддержкой государства на общую сумму порядка 4 миллиардов долларов. В 2015 году доля национального экспорта, покрытого страхованием составила 3,13% совокупного объема экспорта страны (на 2007 год это было 0,09% от экспорта страны). Страхование было предоставлено по экспортным контрактам в 58 стран мира. Географическая структура страхового покрытия свидетельствует об ориентации внешнеторгового сотрудничества страхователей на страны с высоким уровнем странового риска. В разрезе структурного анализа объема набранной ответственности необходимо отметить, что основной тенденцией развития страхования экспортных контрактов является краткосрочное покрытие транзакций сектора малого и среднего предпринимательства. (Годовой отчет Белэксимгарант, 2016)

Увеличение востребованности страхования экспортных сделок в Беларуси связано с предоставляемыми им очевидными преимуществами, как освобождение от длительной процедуры по взысканию долгов за рубежом и отсутствие просроченной дебиторской задолженности, получение страхового возмещения в валюте контракта, что позволяет не отвлекать средства из оборота, возможность отнесения страхового взноса на себестоимость и увеличение объемов продаж продукции за счет предоставления товарного кредита.

В заключение можно отметить, что рост страховых взносов вместе с увеличением объема покрытия экспортных кредитных агентств по всему миру свидетельствуют о возрастающем уровне коммерческих и политических рисков в мировом сообществе, что делает страхование внешнеэкономических операций особенно актуальным и необходимым инструментом управления внешнеэкономическими рисками в портфеле риск-менеджмента хозяйствующих субъектов. Особое значение в этой ситуации приобретает повышение осведомленности национальных экспортеров, что в конечном итоге положительно скажется на перспективе диверсификации белорусского экспорта и возможности работы в направлении развития торговых отношений со странами «дальней дуги».

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Авдей Ольга, Чайковская Юлия. Анализ инновационного потенциала экономики Беларуси. – Oikonomos: Journal of Social Market Economy. – 2016. – № 2 (5). – С. 56-65.
2. Годовой отчет Белэксимгарант // Официальный сайт БРУПЭИС «Белэксимгарант» URL: http://www.eximgarant.by/download_files/godovoi_otchet/godovoy_otchet_-_2015.pdf (дата обращения: 08.09.2016).
3. О республиканском бюджете на 2016 год: закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2015 г., №341-3 URL: http://www.minfin.gov.by/upload/bp/act/zakon_301215_341z.pdf (дата обращения: 11.09.2016).
4. По пути совершенствования страхования во внешнеэкономической деятельности – Страхование в Беларуси. – 2007. – Вып. 4. – С.1-12.
5. Порядок взаимодействия. Официальный сайт АО «Государственная страховая корпорация по страхованию экспортных кредитов и инвестиций» URL: <http://www.kecic.kz/111/> (дата обращения: 19.08.2016).
6. Скрага Алексей. Страхование экспортных кредитов анализ исторического развития/ А.В. Скрага // Страхование в Беларуси. – 2004. – Вып. 4. – С. 24-26.
7. Страхование во внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие / М.А. Зайцева, В.Д. Болибок, М.М. Пилипейко [и др.]; под общ. ред. М.А.Зайцевой, В.Д. Болибока. – Минск: БГЭУ, 2007. – 383 с.
8. Страхование: учебник для студентов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / В.В. Шахов / под ред. В.В. Шахова, Ю.Т. Ахвледиани. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 511 с.
9. About the Berne Union // Berne Union Official Website URL: <http://www.berneunion.org/about-the-berne-union/> (дата обращения: 18.08.2016).
10. Finance for Trade / International Trade Centre UNCTAD/WTO. – Geneva: ИТС, 2006. – 129p.
11. OECD Consensus Country Classifications // Organisation for Economic Co-operation and Development Official Website. URL: <http://>

www.countryrisk.com/guide/archives/000153.html/ (дата обращения: 12.08.2016).

12. The Knaepen Package // Organisation for Economic Co-operation and Development Official Website. URL: http://www.edc.ca/french/financing_9615.htm/ (дата обращения: 17.08.2016).

VOLHA AUDZEI, YULIYA CHAIKOUSKAYA

EXPORT RISK MINIMISATION BY MEANS OF INSURANCE IN BELARUSIAN EXPORT INCENTIVES

Authors affiliation. Volha Audzei (rabotaeconomy@yandex.ru), PhD, associate professor of the Department of Economics and Business Administration of the State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University (Minsk, Belarus). Yuliya Chaikouskaya (j1931@yandex.ru), PhD, associate professor of the Department of Logistics of the State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Abstract. Modern forms of international economic activity employ various financial instruments. Export contracts insurance allows exporters to receive currency earnings in time and to provide a smooth production process, thus contributing to the growth of competitiveness and strengthening of the country's export potential. The use of export insurance allows exporters to provide their counterparties with better payment terms, serves as an auxiliary tool for the diversification of markets, and thus leads to increased efficiency of foreign trade of an enterprise.

Keywords: export, credit risk, insurance, enforcement of obligations.

UDC 339.56

Статья поступила в редакцию 01.10.2016

OIKONOMOS:
Journal of Social Market Economy (Lithuania)
3(6), 2016

Журнал основан и издается
Европейской исследовательской ассоциацией “Oikonomos”
(LT-08221 Kalvarijų g. 125, Vilnius, Lithuania)

Web: era-oikonomos.org
Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722

Главный редактор – Константин Голубев,
доктор экономических наук, кандидат богословия, профессор
Беларусского государственного экономического университета
(Минск, Беларусь)

Выпускающий редактор – Юлия Чайковская
кандидат экономических наук, доцент Беларусского
государственного университета (Минск, Беларусь)

ПЕРЕВОД: Светлана Носова

Подписано в печать 11.11.2016.
Формат издания 70x100/16, усл. печ. листов 7.8
Тираж 100 шт
Печать цифровая
Отпечатано: ООО «Полиграфт»
Лиц. № 02330/466 от 21.04.2014г.,
220112 г. Минск, ул. Кнорина, 50.

